

ТУР ХЕЙЕРДАА
В ПОИСКАХ РЯЯ

Annotation

«В поисках рая» — первая книга известного норвежского исследователя. 1937 год... Хейердал только что женился. Молодожены решают осуществить такой эксперимент, провести год на каком-нибудь малообитаемом островке, не пользуясь никакими достижениями цивилизации, то есть «вернуться в дебри», «познать образ жизни первобытного человека», найти «рай» на земле. И вот в поисках рая они отправляются на один из островов Маркизского архипелага — Фату-Хиву. О жизни на Фату-Хиве и написана книга. Автор рассказывает о щедрой природе острова и безотрадной жизни островитян, о влиянии колонизаторов, из-за которых вымерла огромная часть населения Полинезии, о страшных болезнях, произволе священников, о бесцеремонной ломке привычного образа жизни островитян.

Здесь, на Маркизских островах, Хейердал впервые встречает каменные изваяния и плиты с загадочными рисунками, и у него зарождается интерес к тайне заселения Полинезии.

По живости и остроумию «В поисках рая» не уступает двум последующим книгам автора — «Путешествие на „Кон-Тики“ и „Аку-Аку“.

-
- [О ТУРЕ ХЕЙЕРДАЛЕ И ЕГО ПЕРВОЙ КНИГЕ](#)
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)

- 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
-

О ТУРЕ ХЕЙЕРДАЛЕ И ЕГО ПЕРВОЙ КНИГЕ

Почему мы до сих пор не знали о ней? О чем рассказывается в этой книге? Почему мы ее предлагаем советскому читателю?

До того как Хейердал разрешил перевести „В поисках рая“ на русский язык, он писал 22 марта 1961 года автору этого предисловия: „Я не разрешал перевод этой книги ни на английский, ни на немецкий, ни на какой-либо другой язык ввиду того, что при ее издании в настоящее время возникнет хронологическая путаница относительно моих книг о Тихом океане, поскольку читатели будут считать, что я написал ее теперь, в то время как в действительности она была написана двадцатичетырехлетним студентом. Если же когда-нибудь под старость я издам собрание сочинений, то она выйдет в качестве 1-го тома, то есть займет принадлежащее ей место“.

Чтобы не возникла та „хронологическая путаница“, о которой говорит Хейердал, чтобы читатель яснее представил себе роль событий, описанных в книге, в жизни ее автора и чтобы полнее ответить на поставленные выше вопросы, нам представляется удобным кратко рассказать о жизни и деятельности норвежского исследователя, тем более что биография Хейердала, несмотря на его большую популярность, известна недостаточно.

* * *

Сумерки 6 октября 1914 года начались раньше обычного. Небо заволокло низкими темными облаками, и моросил мелкий холодный дождь. Ветер остервенело трепал деревья и кусты, срывая пожелтевшую листву. Неуютная сырая осень пришла в приморский городок в южной Норвегии. Улицы Ларвика опустели.

А в доме владельца местного пивоваренного завода Тура Хейердала царило веселье — родился наследник. Отец новорожденного и его супруга фру Алисон Хейердал решили дать мальчику имя отца. „Что же, маленький Тур пойдет по стопам отца —

будет владеть пивоваренным заводом“, — считал отец. „Это будет не скоро, — думала мать новорожденного, — и не нужно загадывать“.

Фру Алисон, бывшая до замужества служанкой в Тронхейме, теперь заведовала местным городским музеем. Всю жизнь ее привлекала специальность натуралиста. Ее интересовали проблемы эволюции животного и растительного мира, эволюция первобытного человека... Весь дом она наполнила книгами по естествознанию, географии, народоведению. В воспитании маленького Тура немалую роль сыграли картинки из этих книг, которые ему показывала мать.

„Я могу уверенно сказать, что едва ли не с молоком матери впитал интерес к изучению чужих народов и желание изучать животных“, — говорил Тур Хейердал сорок лет спустя.

Еще до поступления в школу, пяти — шестилетним мальчиком Тур постоянно собирал птиц, морских звезд, ежей, ящериц, змей. Мать поощряла его к этому коллекционированию. Если бы она не возбудила у ребенка любви к естествознанию, Тур, может быть, так и остался бы до наших дней безвестным владельцем пивоваренного завода в маленьком городке в южном Вестфоле, на западном побережье залива Бохус.

Когда любознательному мальчику исполнилось семь лет, родители отдали ему в полную собственность сарай, который он переоборудовал в однокомнатный зоологический музей. Товарищи Тура и знакомые его родителей иногда приходили в музей и восхищались его экспонатами.

Ларвик — морской город, и у многих друзей Тура отцы были моряки или рыбаки. Они привозили в подарок сыновьям диковинных животных, Однако такие „сувениры“ не очень интересовали мальчиков, и они отдавали животных Туру в обмен на книги о Тарзане и пивные дрожжи с завода его отца.

Когда Хейердал учился в семилетней школе, у него в музее, который получил название „Дом животных“, часто собирались юные натуралисты. Маленький Тур был постоянным инициатором поисков животных по всем окрестностям Ларвика — в буковом лесу за городом и вдоль берега Ларвик-фьорда.

Но по мере того как Тур становился старше, у него все больше возрастал интерес к изучению чужих стран. Часто ночами, когда все в доме спали, Тур вставал и садился на подоконник. Дом стоял в середине города, на холме, откуда открывался прекрасный вид на горы

и фьорд. Тур искал глазами корабли и мысленно отправлялся с ними далеко по свету, „Все мои необузданные детские фантазии развивались именно в эти одинокие ночные часы в доме, где я провел детство“, — говорил Хейердал в интервью с одним норвежским журналистом в 1959 году.

В 1930 году Тур окончил семилетнюю школу, а в 1933 году — гимназию. За все двенадцать лет учебы в школе он был, по его словам, весьма посредственным учеником. Тур плохо слушал объяснения учителей. На уроках он уносился в мечтах в далекие южные страны или рисовал на тетрадях такое множество фигурок жителей далеких земель, что еженедельно должен был менять обложки. Но некоторые школьные предметы увлекали его, и по ним он преуспевал. Это относилось, прежде всего, к естествознанию и географии.

В течение всех школьных лет Хейердал так увлекался коллекционированием животных и чтением книг, что никогда не имел времени поиграть со своими сверстниками. Но он был физически развитым, здоровым и крепким подростком, чему способствовали многочисленные прогулки в лес и в горы.

Туру нравились туристские походы в лес пешком или на лыжах с ночевками под открытым небом и восхождения на невысокие вершины вестфоллских холмов. Из этих походов он всегда возвращался с пополнением для своей коллекции.

Девятнадцати лет Тур поступил в университет в Осло на естественный факультет, чтобы получить специальность зоолога и географа.

С каждым годом его все больше привлекают далекие прогулки. Во время отдыха любимыми занятиями Хейердала становятся туризм и альпинизм. Юноша часто выезжает за триста километров на северо-запад от столицы, в верховья долины Гудбраннсдалена, и оттуда совершает восхождения на некоторые крупнейшие вершины Норвегии: Роннеслоттет (2183 м), Снэхетта (2286 м) и Глиттертин (2452 м).

Горы Норвегии невысоки, и, хотя имеют пики с отвесными стенами, для восхождения на большинство вершин не требуется специальной технической подготовки. Обычно для этого достаточно хорошего здоровья и выносливости. Поэтому слово „альпинизм“ для Норвегии следует понимать с определенной поправкой на природные условия.

„Я очень интересовался спортом, если под спортом понимать физическую тренировку, которая закаляет здоровье“, — вспоминает Хейердал в одном из своих писем. „Мне нравились длительные походы в лес и по диким горам, а во время моих студенческих лет я любил лыжные поездки с ночевками в палатке или в снежном доме (иглу). Пешие походы также были одним из моих больших увлечений; короче говоря, мне нравилась жизнь под открытым небом во всех видах“.

В этот же период Хейердал начинает свою литературную деятельность. Некоторое время он даже живет на гонорары за очерки, к которым сам рисует карикатуры или иллюстрирует их собственными фотоснимками. В очерках он пишет о приключениях в горах.

Обучение в университете постепенно становилось Туру не по душе. После семи семестров Хейердал ясно понял, что должность лабораторного исследователя или преподавателя университета ему не подходит. Ему хотелось изучать животных в их естественных условиях. Три с половиной года учебы, конечно, не пропали даром — они дали необходимые знания.

Хейердал берет тему „Действия географической изоляции на жизнь животных“ и при денежной помощи отца выезжает на удаленный от всех материков остров Фату — Хива в системе Маркизского архипелага в центре Тихого океана.

Непосредственно перед отъездом, в 1937 году, Хейердал женился, и его поездка на остров была своеобразным свадебным путешествием.

Надо сказать, что практика по зоологии не была единственной целью этой поездки. Молодой Тур много читал о модном на западе стремлении „вернуться в джунгли“, к примитивной жизни, и решил проверить, что же получится на деле, если осуществить такой эксперимент.

Много позже участник плавания на плоту „Кон-Тики“ шведский этнограф Бенгт Даниельссон в своей книге „Позабывшие острова“ так писал об этом: „И он [Хейердал] решил вернуться в каменный век, чтобы проверить, так ли уж хороша эта хваленая первобытная жизнь. Его рай должен был обладать приятным климатом и находиться возможно дальше от цивилизованных краев. Тщательное исследование вопроса привело его к заключению, что лучше всего этим требованиям отвечают Маркизские острова“.

И молодожены устремляются на острова Южных морей.

Об этой поездке и рассказывается в первой книге Хейердала „В поисках рая“. В ней повествуется о том, как молодые европейцы попадают на один из малонаселенных островов Маркизского архипелага — Фату-Хиву и проводят там целый год. Супруги поселяются в уединенной долине Омоа. Строят бамбуковую хижину. Ведут жизнь первобытных людей. Пользуются тарелками, сделанными из раковин, и мисками из скорлупы кокосовых орехов.

Кругом — спелые бананы и апельсины, лимоны и кокосовые орехи. Протяни руку, очисти и ешь!

Они принимают освежающие ванны в принадлежавшем когда-то фату-хивской королеве каменном бассейне, в который вода поступает из кристально чистого ручья. Мир представляется им сплошным экзотическим садом. Им кажется, что они наконец обрели рай.

Но... „райская“ пища оказывается непривычной, подкрадывается ощущение голода. Положение молодоженов ухудшается также из-за религиозной вражды между католиками и протестантами, которую здесь разжигает католический священник патер Викторин. Тур и его жена — протестанты, и у патера рождается ревнивое чувство: „А не отобьют ли его паству эти двое европейцев?“

По наущению патера островитяне-католики всячески стараются омрачить существование молодых людей. В довершение всего супруги заболевают от укусов насекомых, и им приходится ехать лечиться на центральный остров Маркизского архипелага — Хива-Оа.

Выздоровев, они возвращаются, но решают поселиться в самой уединенной части острова, у потомка одного из древнейших родов Фату-Хивы — Теи Тетуа. Но вскоре к Теи Тетуа приходят жители долины Омоа и подбивают его потребовать с европейцев денег за продовольствие и за аренду земли. Омоанцы варят самогон из апельсинов и пьянствуют. В конце концов они обворовывают норвежцев.

Туру и его жене становится невтерпеж жить в этом мире, отравленном растленным влиянием колонизаторов. И супруги бегут. „Пустое это дело искать рая“, — решают они, возвращаясь в свой привычный мир, в Европу.

Описание мытарств молодой четы занимает в книге весьма большое место.

Но автор не ограничивается описанием злоключений молодых европейцев. „Нет жизни полинезийцам в краю изобилия“ — так называется одна из глав книги. Этот заголовок выражает основную мысль произведения. У полинезийцев нет никаких оснований любить белых. „Белые сбывают островитянам самые скверные товары, прививают им свои худшие пороки, а хорошие стороны европейской культуры сюда не доходят. Полинезийцы обречены на гибель. У них не было иммунитета против болезней, которые сюда завезли белые. В этом белых трудно винить. Теперь иммунитет выработался, зато нет знаний, которые помогали бы бороться с болезнями. В этом виноваты белые“.

Островитяне совершенно лишены медицинской помощи. „Тераи один олицетворял здравоохранение на пяти островах южной части архипелага“. Некогда на Маркизских островах было 100 тысяч жителей, теперь осталось 2 тысячи.

Постепенно разрушалась и уничтожалась исконная культура островитян. Особенно большую роль в истреблении „языческой“ культуры сыграли христианские миссионеры, насаждавшие здесь веру Христову.

Быт полинезийцев изображается автором совершенно объективно, без свойственной буржуазным описаниям Южных морей „лакировки действительности“.

Хейердал прямо и открыто показывает, как и кем разрушается привычный уклад жителей полинезийских островов. Этот правдивый, без идеализации, показ быта полинезийцев знакомит нашего читателя с экзотическим миром в „свободном“ обществе предпринимательства и наживы, с миром, оскверненным колонизаторами.

Но, может быть, факты, изложенные в книге, устарели и на Маркизских островах многое изменилось? Ведь с тех пор прошло четверть столетия! Нет, оказывается, книга не устарела. Почти двадцать лет спустя после путешествия Тура Хейердала на островах побывал Бенгт Даниельссон. После этой поездки он написал книгу „Позабытые острова“. Позабытые! Власти до сих пор ничего не сделали для улучшения жизни островитян. Там все так же, как было во времена, которые описывает Тур Хейердал в своей книге „В поисках рая“. Таким образом, книга Хейердала остается актуальной и в наши дни.

Нам ценна эта книга и тем, что здесь Хейердал дает описания природы островов. Правда, они имеют очень общий, популярный характер, но у нас еще так мало книг о природе Полинезии, что даже эти общие зарисовки представляют для наших читателей немалый интерес.

И наконец мы подошли к событиям, описания которых занимают очень небольшое место в первой книге Хейердала, но которые оказали огромное влияние на последующую жизнь норвежского исследователя. Из его книги мы узнаем, что Хейердал нашел на Маркизских островах редкие, неизвестные дотоле ученым свидетельства высокой в древности культуры аборигенов — плиты с загадочными рисунками, каменные изваяния.

Видя, что вымирают последние свидетели этой древней культуры, Хейердал приходит к заключению о важности и неотложности изучения проблемы происхождения древнейшего населения островов, пока еще есть кому рассказать легенды об этом.

Именно эта поездка на Маркизские острова была причиной того, что, вернувшись в Европу в 1938 году, он передал всю свою зоологическую коллекцию в музей университета в Осло, навсегда оставил зоологию и с тех пор целиком посвятил себя изучению проблемы заселения Полинезии. Интересно заметить, что путь Хейердала в этнографию очень напоминает путь в эту науку знаменитого русского ученого Н. Н. Миклухо-Маклая. Тот тоже был зоологом, но, столкнувшись с неотложными проблемами в изучении культуры и быта народов, еще находившихся на первичных этапах развития человеческого общества, он целиком отдался этнографии и антропологии.

Хейердал уже тогда высказывает предположение, что теперешнее полинезийское население пришло в центр Тихого океана из Юго-Восточной Азии с течением Куро-Сио через северо-западную Америку и Гавайи. В 1939 и 1940 годах Хейердал продолжает работать над этой проблемой в музеях и библиотеках Европы, США и Канады.

В 1940 году Норвегия была оккупирована немецко-фашистскими войсками. Хейердал в это время собирал этнографические и антропологические материалы среди индейцев Британской Колумбии (Западная Канада). Перед тем как вступить в 1941 году добровольцем в расположенные в Канаде норвежские военно-воздушные силы

сопротивления, Хейердал публикует первую научную статью „Произошла ли полинезийская культура из Америки?“ В ней он изложил свою гипотезу о том, что Полинезия была достигнута двумя последовательными волнами иммигрантов, причем первая волна прибыла около 500 года н. э. на бальсовых плотках из Южной Америки, а вторая более чем 500 лет спустя через Британскую Колумбию из Азии.

После окончания войны Хейердал возобновил свои исследования. Сначала он работал в Норвегии, затем в США. Его новую рукопись „Америка и Полинезия“, где он защищал свою теорию первичного заселения Полинезии из Южной Америки, специалисты даже не желали читать. В то время существовала лишь одна теория заселения Полинезии, утверждающая, что первые пришельцы прибыли на острова с запада, из Азии, непосредственно через Меланезию и Микронезию.

Одним из важных доводов против взглядов Хейердала был тот факт, что в распоряжении южноамериканских мореходов до заселения материка европейцами были лишь бальсовые плоты, на которых, по мнению экспертов, было немислимо пересечь громадные просторы Тихого океана.

Чтобы опровергнуть это мнение и доказать возможность заселения Полинезии из Южной Америки, Хейердал в 1947 году организовал и возглавил экспедицию, которая должна была пересечь Тихий океан на бальсовом плоту „Кон-Тики“. Проплыв с пятью товарищами за 101 день из Лимы (Перу) до острова Рароия в архипелаге Туамоту почти 8000 км, он доказал, что плоты южноамериканцев вполне могли доставить человека в Полинезию.

С 1947 по 1952 год Хейердал продолжает изучать происхождение полинезийцев. Он выступает с лекциями на эту тему в научных учреждениях Норвегии, Швеции, Финляндии, Англии, США, Канады, Голландии, Швейцарии, Австралии, Бразилии и Перу.

В этот же период он опубликовал в Швеции, Англии и США пять научных статей, посвященных проблеме переселения южноамериканцев в Тихий океан, и монографию „Американские индейцы в Тихом океане“.

Одновременно он вместе со своим спутником по плоту „Кон-Тики“ Кнутом Хаугландом организовал на острове Бюгдэ возле Осло

музей Кон-Тики. Доходы от музея поступают в фонд студентов-антропологов.

После плавания на плоту „Кон-Тики“ Хейердал настойчиво пытается подтвердить свою теорию и археологическими исследованиями.

В 1952 году он руководит первой смешанной американско-норвежской экспедицией археологов на Галапагосских островах, причем норвежскому исследователю удается доказать, что в древности эти острова посещались индейцами.

Через два года Хейердал изучает каменные статуи Перу, Боливии и Эквадора.

В 1955 и 1956 годах он руководит экспедицией американских и норвежских археологов, впервые проводивших систематические раскопки на островах Восточной Полинезии: Пасхи, Рапа-Ити и нескольких островах Маркизского архипелага.

Хейердал приходит к выводу, что существующей полинезийской культуре на острове Пасхи предшествовали две отчетливо выраженные культурные эпохи и что первые поселенцы прибыли сюда к 380 году н. э., или более чем на тысячу лет ранее той даты, которая до этого была принята учеными. Работы на острове Пасхи дали, в частности, возможность опровергнуть распространенное мнение о том, что остров всегда был безлесным и что аборигены, не имея в связи с этим возможности продолжать традицию вырезывания идолов из дерева, стали камнетесами. Результаты анализов проб грунта на озере в кратере потухшего вулкана показали, что ко времени заселения острова человеком там было до сорока видов растений, в большинстве древесных. Остров был покрыт густыми лесами. Его современная безлесность — итог человеческой деятельности.

На несколько дней экспедиция заезжает на Маркизские острова и знакомится здесь с местными археологическими памятниками. Хейердал не забыл своих первых находок! Под некоторыми истуканами был найден пепел костров — ценнейший материал для радиоуглеродной датировки сооружения статуй.

На основе предварительных исследований Хейердал сделал заключение, что наиболее древние из взятых им проб пепла под изваяниями относятся примерно к 1300 году.

Самое большое сооружение во всей Полинезии, построенное рукой человека, было раскопано экспедицией на острове Рапа-Ити. Впрочем, читателям всего мира отчасти известны результаты всех этих работ по популярной книге Хейердала, которую он издал на следующий год после экспедиции. Эта книга под названием „Аку-Аку“ в 1959 году вышла в Советском Союзе.

После этих экспедиций и выхода в свет увлекательных книг имя Хейердала становится всемирно-известным. Выдержки из его книг вставлены в тексты школьных учебников в разных странах.

Хейердала избирают почетным членом Географического общества Норвегии, награждают медалями Географического и Антропологического обществ Швеции, Великобритании, Франции и США. За свой фильм „Кон-Тики“, как за лучший документальный фильм 1951 года, он получает приз Голливудской академии „Оскар“. Король Норвегии награждает Хейердала орденом Святого Улава, а правительство Перу — орденом Офицера особых заслуг. В 1958 году Норвежская королевская академия наук, а в 1960 году Нью-Йоркская академия наук избирают его своим членом. В сентябре 1961 года норвежский университет в Осло присваивает Хейердалу, первому из соотечественников, титул почетного доктора. Во время пребывания Хейердала в Советском Союзе в 1962 году он был награжден в Московском университете медалью М. В. Ломоносова.

Но слава иногда очень мешает работать. Журналисты, туристы, просто соотечественники хотят увидеть выдающегося путешественника. Все это отнимает много времени. И Хейердал решает покинуть на время Норвегию, чтобы завершить свои двенадцатилетние исследования. С осени 1958 года он поселяется в Италии. И хотя его официальным адресом долгое время остается норвежский, вездесущие журналисты находят ученого. У него просят интервью, встречая на туристских тропах прибрежных гор, приходят к нему на дачу.

Несмотря на все это, Хейердал успешно работает над новой монографией. Это будет трехтомный отчет о результатах долгих исследований, прежде всего об изучении древней культуры на островах Пасхи, Рапа-Ити и Маркизском архипелаге. В декабре 1961 года вышел из печати первый том — „Археология острова Пасхи“. Эта обширная работа интересна не только тем, что она содержит

уникальные материалы, но и как своеобразный образец совершенного полиграфического искусства. Впервые в Западной Европе в книге используются исследования на острове Пасхи русских путешественников XIX века — Ю. Лисянского, О. Коцебу и Н. Миклухо-Маклая. Теперь на очереди стоит завершение второго и третьего томов. Большое место в этих томах будет отведено проблемам расшифровки древних писем острова Пасхи и археологии остальных исследованных островов.

* * *

В своей знаменитой книге „Путешествие на „Кон-Тики“, Хейердал пишет, что как-то, сидя на плоту с вахтенным журналом, он вдруг подумал: „А с чего, собственно, все это началось?“ Как он пришел к мысли, что первые люди прибыли в Восточную Океанию из Южной Америки, и что побудило его отправиться в рискованное плавание на плоту из бальсового дерева? И, вспоминая, приходит к выводу, что „может быть, начало было положено уже десять лет назад на одном из маленьких островов Маркизского архипелага в центре Тихого океана“. Да, тогда в один из вечеров четверо людей — два европейца и два полинезийца — сидели у костра, и цивилизованный мир казался им непостижимо далеким и нереальным. Двое белых и полинезийская девочка прислушивались к словам старейшего островитянина Теи Тетуа, который рассказывал им о происхождении своего народа, пришедшего с востока, из-за океана.

Итак, все началось с первой поездки Хейердала на Маркизские острова, о которой рассказывается в лежащей перед нами книге „В поисках рая“. Здесь мы видим молодого Хейердала. Он еще не этнограф и не археолог, а всего-навсего начинающий зоолог. Он еще не знает, к чему приведут его мысли у костра и обращает внимание на самые разные события и факты, но нам-то уже известно, что беседы с Теи Тетуа сыграли огромную роль в том, что Хейердал стал видным полинезиастом, развившим теорию заселения островов Восточной Океании.

Г. Анохин

Глава первая

В СОЛНЕЧНУЮ СТРАНУ

Бегство от цивилизации. Таити. Первое знакомство с заветным краем. Папэте — полинезийский Марсель. У вождя Терицероо. Мы становимся полинезийцами

В тысячный раз склонились мы над пятнистой картой Южных морей. В тысячный раз пристально вглядывались в океанские просторы, надеясь высмотреть точку, которая бы нас устроила. Одну нетронутую точку среди тысячи рифов и островков! Точку, которую

мир еще не заметил, крохотное пристанище, где можно было бы укрыться от железной хватки цивилизации.

Но... заманчивые точки одну за другой, одну за другой перечеркивали маленькие крестики. Долой, не годится! Об этом говорили и объемистые труды, и краткие описания...

Раротонга — крестик: вдоль всего побережья проходит шоссе.

Моореа — крестик: отели, туристы...

Мотане — крестик: нет питьевой воды.

Хитуту — крестик: нет плодовых деревьев.

Крестик тут (военно-морская база), крестик там (остров мал и густо населен). И вот уже весь лист испещрен крестиками — словно карта звездного неба. И такая же бесполезная для нас...

Чтобы прокормиться, добывая себе пищу голыми руками, подобно нашим древнейшим предкам, требовались совершенно особые природные условия: цветущий край, не занятый людьми. Но все плодородные земли густо заселены. А там, где нет населения, без помощи цивилизации не обойдешься. Вот почему материка — страна за страной, область за областью — сплошь покрылись крестиками. И теперь настала очередь островного мира Южных морей. Со всех сторон на него наступали крестики, и что ни крестик — кольцо смыкалось все уже и уже...

Около самого экватора, где красными стрелками мчится по карте пассат, раскинулись тринадцать островов Маркизского архипелага. Тринадцать крестиков... И когда на карте не осталось ни одной не зачеркнутой точки, сюда, к этим удивительным островам, потянулся ластик.

Нуку-Хива, Хива-Оа, Фату — Хива. Это главные, самые большие. Фату—Хива — живописнейший, благодатнейший остров Южных морей! Мы готовы были без конца читать о нем, разглядывать заманчивые картинки.

Некогда на Маркизских островах было сто тысяч жителей. Теперь осталось две тысячи, да и то часть из них — белые пришельцы. Полинезийцы вымирают с ужасающей быстротой...

А Фату—Хива — благодатнейший остров Южных морей!

Девяносто восемь тысяч исчезло — значит, место есть... Неужели среди древних развалин не найдется для нас уединенного уголка, неужели не найдется клочка земли, куда не проникли болезни, где

цивилизация не привилась и где в заброшенных, одичавших садах зреет множество плодов?

Хорошо бы найти необитаемую долину, или маленькое горное плато, или живописный уголок на берегу. Соорудить себе жилье из ветвей и листьев. Добывать пропитание в лесу. Питаться плодами, яйцами, рыбой. Вокруг — природа. Пальмы и кустарники. Птицы и звери. Солнце и дождь.

Там мы могли бы осуществить эксперимент: вернуться в дебри. Проститься с современностью, с цивилизацией, с культурой. Сделать прыжок на тысячи лет назад. Познать образ жизни первобытного человека. Познать жизнь в ее простейшем и наиболее естественном проявлении.

Возможно ли это? Теоретически — да. Но что нам теория, мы хотим проверить это на деле! Попробовать, сможем ли мы двое, мужчина и женщина, жить так, как жили наши далекие предки. Сможем ли совершенно отречься от своей нынешней «искусственной» жизни и во всем — да, во всем — обходиться собственными силами, совершенно не пользуясь достижениями цивилизации, всецело уповая лишь на природу.

Заманчивый Фату—Хива... Уединенный скалистый островок. Залитый солнцем, богатый фруктами, пресной водой. Малонаселенный. А белых и вовсе нет. Мы обвели Фату-Хиву жирным кружком.

С моря на город полз зимний туман...

Вот как получилось, что мы в морозное рождественское утро, провожаемые леденящим ветром, отбыли в свадебное путешествие на остров Фату—Хива.

И вот почему мы месяц спустя оказались среди путешественников, толпившихся у поручней "Комиссара Рамеля". Сто загорелых пассажиров из девятнадцати стран — и у всех одна мечта, одна заветная цель: найти солнечный рай среди пальм. Писатели и правительственные чиновники, художники и искатели приключений, коммерсанты и обыкновенные туристы — все смотрели в одном направлении, охваченные радостным ожиданием. Там, впереди, за

голубой океанской равниной, за вечно недостижимым горизонтом — там, впереди, был Таити, жемчужина Южных морей!

Уже над водой, словно ажурная тень на тропическом небе, легкими призрачными контурами взметнулись зазубренные вершины. Нельзя сказать, чтобы эту картину мы видели впервые. Мы знали ее во всех подробностях по фотографиям, кинофильмам, книгам, журналам. Но теперь мы сами участвовали в путешествии! Теперь все было настоящее! В лицо нам веял ласковый океанский бриз — соленый, согретый солнцем. Впервые за несколько недель в воздухе появились парящие птицы. От носа корабля серебристыми струйками разлетались крылатые рыбки.

Всеми чувствами, всем своим существом мы впитывали впечатления...

Корабль подходил к Таити.

После долгого плавания впервые повеяло дыханием земли. Прежде пахло только морской солью и распаренной палубой — теперь пассат принес еле ощутимый живой, теплый запах почвы и редкостных растений.

Казалось, остров постепенно всплывает над водой. Величественный, устремленный ввысь, вонзающий в небо острые пики... Голубые пропасти, тонкие шпили, а внизу — весенняя зелень холмов и пригорков. Еще ниже сползал к берегу темно-зеленый лес, разбегаясь пальмовыми рощицами, которые придавали острову его неповторимый облик. А в море, поодаль от берега, протянулся живой коралловый барьер. Здесь блестящие голубые валы разбивались вдребезги, рассыпаясь на солнце белоснежной пеной, и, уже обессиленные, скользили к берегу, под пальмы.

Чарующее, неизъяснимо прекрасное зрелище, превосходящее все, что может себе представить человеческий разум...

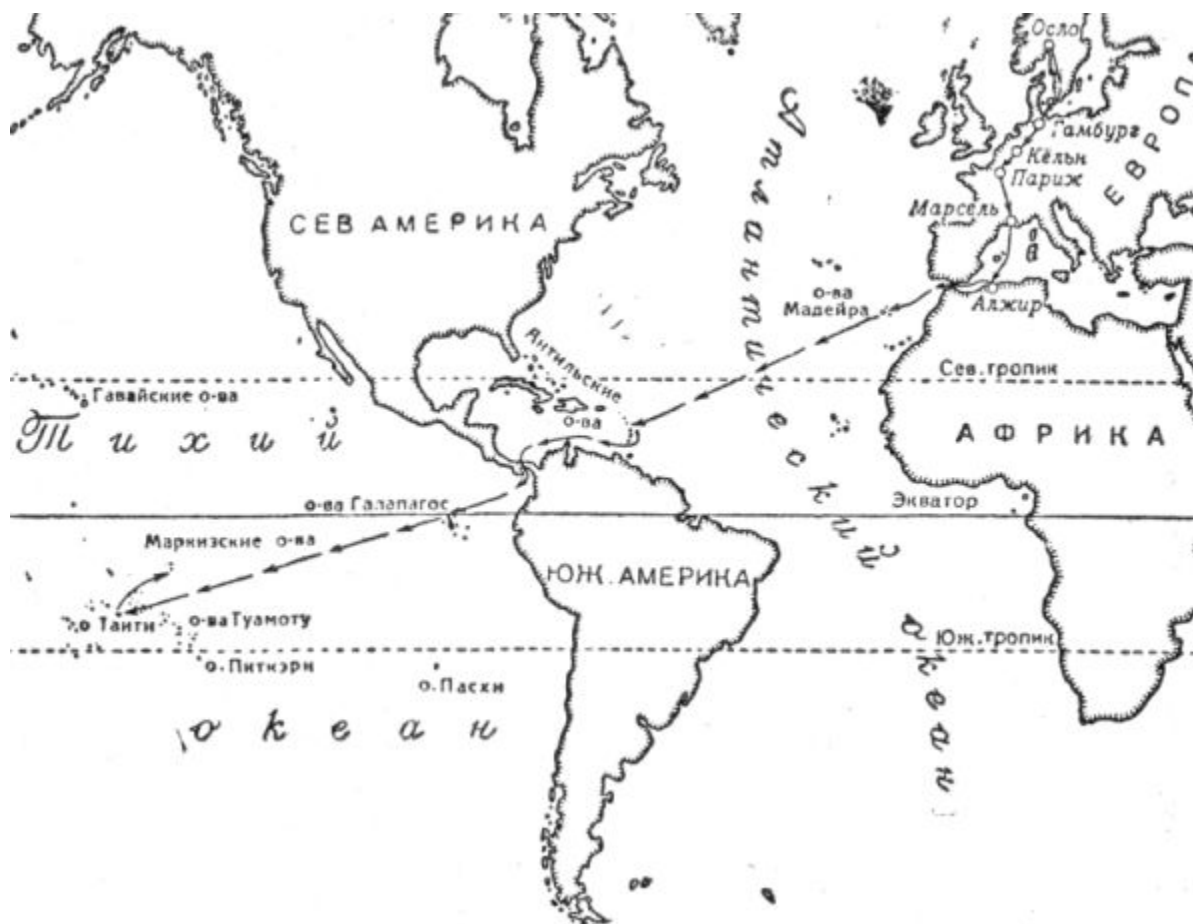
Так вот они какие, острова Южных морей. Рай, прославленный и воспетый несчетное множество раз. Но никто не сумел передать все его очарование, потому что его нужно видеть, слышать, осязать самому... Мы стояли у поручней как замороженные. Стар и млад. Только команда сохраняла полное спокойствие. Нам здесь все казалось удивительным, необыкновенным. А морякам было не впервой, и они не спеша принаряжались к встрече со старыми знакомыми — вахинами.^[1]

За время плавания мы разучили таитянскую песню и теперь приготовились дружно спеть ее, как только покажутся встречающие нас каноэ. Нам хотелось сразу показать, что мы не какие-нибудь цивилизованные сверхчеловеки, а простые, свободные, счастливые люди — такие же, как местные жители, что мы способны понять островитян, восхищаться ими и их привольной жизнью в солнечном крае.

Ревели буруны. Корабль вошел в проход в коралловом рифе. Вот они, совсем близко — невиданные травы, поразительные деревья с исполинскими листьями... Сказка... Кроны шелестят, каждый лист трепещет, запах — словно в оранжерее. Просто не верится, что скоро мы будем бродить по этому лесу!

Медленно огибаем мыс, на котором раскинулся порт Папэте — столица и узел коммуникаций французских владений в Тихом океане. Корабль остановился. Сейчас, сейчас к нам со всех сторон ринется рой лодок, а в них — украшенные цветами смуглые люди... Мы не могли больше сдерживаться, и грянула, понеслась под пальмы песня, старинный гимн Таити: "Э мауруру а вау!" — "Я счастлив!"

Путь Хейердала на Маркизские острова

Если бы вдруг к нам на палубу попал простой конторский служащий из Европы, он принял бы нас за сумасшедших. Пожилой тучный композитор-американец с деревянной ногой запевал, грациозно танцуя вдоль борта. Цивилизованные люди? Только не мы! Мы — дети дикой природы, как те, которые вот-вот поднимутся с лодок к нам на корабль!

И вот появилась лодка. Одна-единственная. Моторная.

В ней, стоя навтыяжку, руки по швам, — белые мундиры. Мы слегка пали духом, но продолжали кричать, махать руками и петь. Никакого впечатления. Лишь один из мундиров поднес руку к фуражке, приветствуя. Лодка пристала к борту, встречающие поднялись на палубу. Два пальца у козырька, непроницаемое лицо... Паспорта, документы... Бумаги, печати, снова бумаги. Таможенный досмотр. И вот корабль степенно подходит к причалу. Толпы людей, пестрые зонтики, парижские моды, белые брюки с безупречной складкой, соломенные шляпки, яркие галстуки...

Мы было совсем приуныли, но тут деревянная нога опять стукнула о палубу, и мы, улыбаясь и размахивая руками, снова грянули дорогой нашему сердцу гимн. Встречающие вежливо похлопали и один за другим стали подниматься по сходням. Смуглые щеки женщин покрывали румяна, полные накрашенные губы сжимали сигарету. И однако это они, знаменитые таитянские вахины; у каждой за ухом цветок...

Опытным взглядом красавицы оценивали приезжих мужчин. Последнее, что я видел, сбегая вместе с Лив на берег, — это как из камбуза они выводили нашего улыбающегося кока, обвешанного цветами и фруктами.

Что ж, Таити по-прежнему край женщин.

А на корабле весело гремел джаз. Чуть не плачущая англичанка и два улыбающихся таможенника сидели около патефона, прокручивая одну за другой пятьдесят пластинок. Местные правила предписывали проверять все пластинки — как бы кто не ввез враждебную политическую пропаганду...

"Татт-таттаратт-угу" — рвалось из недр патефона.

На пристани кипела жизнь. Носильщики и шоферы осаждали пестро одетых туристов, привезших горы багажа. Смуглые красавицы льнули к морякам. Раскосые торговцы расхваливали свой товар. Правительственные чиновники радостно обнимали друг друга. И всюду толкались островитяне, рассчитывая на сделку.

Плакали дети, гудели автомобили, а из нагретого солнцем железного сарая плыл сладкий, жирный запах. Там в тяжелых мешках лежала копра. Главный источник доходов Южных морей.

Путь к торговле и богатству!

Путь, уводящий прочь от дружбы и счастья...

На следующий день утром мы стояли на набережной под сенью манговых деревьев. Огромный черный корабль с живой белой бахромой пассажиров и матросов вдоль всех палуб покидал порт. Вот он медленно скользит мимо крохотного зеленого островка в лагуне. Потом выходит за риф и исчезает в голубом просторе.

У самого горизонта мы заметили зубчатые горы острова Моореа; их силуэт на фоне неба напоминает разрушенную крепость.

Остров Moorea наш ближайший сосед. Это маленький мирок, исторгнутый из пучины за тысячи миль от всех материков.

Растаял дымок «Комиссара». Все, назад пути нет. Сидим на клочке земли в океане. Ни кают, ни официантов. Теперь надо как-то самим добираться до далекого Маркизского архипелага.

В лагуне плавали удивительные яркие рыбки. Вот — красная, как кровь. А вот — желтая, в черную полоску. Им посчастливилось: далеко не все виды смогли выжить здесь, в сточных водах Папеэте.

В лагуне мягко покачивались на волнах белые шхуны. Они так и притягивали наш взгляд. Пустые палубы... На корме одной шхуны надпись: «Тереора». Это она доставит нас на Маркизские острова, дикий архипелаг далеко на севере, не тронутый цивилизацией. Когда она выйдет в море? Может быть, завтра. Может быть, через неделю. Или через месяц. Один лишь капитан, старик Брандер, знает точно. А он превосходно чувствует себя в Папеэте...

Вместе с потоком людей мы свернули на главную улицу. Женщины звонко смеялись, слезы расставания давно высохли; Папеэте — город радости. Звонкие велосипеды и набитые туристами автомашины сновали по асфальту среди низеньких дощатых лавчонок, заваленных товаром. Хрип граммофонов, скрип тележек с мороженым... Крикливые плакаты на китайском, французском, полинезийском языках; куда ни глянь — у всех только самое лучшее! И смуглые островитяне не пропускали ни одной двери, отдавая всю свою копру до последнего кусочка.

В этом-то хаосе мы и встретили Ларсена. Соотечественник, норвежец, Ларсен из Мосса в соломенной шляпе и полосатых шортах! Ушедший на пенсию учитель.

Мы подружились и в тот же вечер были в гостях у его приятелей в долине Фаутау, в нескольких километрах от города. Спустилась тропическая ночь, по-зимнему черная и по-летнему теплая. Мы сидели за столиком на обращенной к лесу террасе; вокруг коптящей керосиновой лампы на столе плясали тени от пяти огромных пивных кружек. Полоска света дотянулась до стены. К освещенному пятну крадучись подбирались ящерики, чтобы мгновенно схватить какое-нибудь крылатое существо и тотчас укрыться с добычей в темный уголок.

Вот показался косматый паук, здоровенный и отвратительный, как кошмар. Вот что-то, шурша, вырвалось из мрака, метнулось к лампе, к стене, к нам, опять к лампе. Тощий кот вскочил на стол и схватил трепещущий комочек. Ночная бабочка исчезла в утробе кота. Тараканы и ящерики испуганно бросились наутек.

Где-то в безмолвной ночи родился шелест листьев: с гор подул прохладный ночной ветерок. Нам с Лив все казалось сказочным. Густой черный лес с огромными поблескивающими листьями стоял перед нами, будто глухая стена, над которой на фоне звездного неба, венчая стройные высокие стволы, качались взъерошенные кроны кокосовых пальм. Южный Крест. Незнакомые звезды. Лежащий на боку лунный серп.

На лужайке перед домом росли какие-то тропические растения. Я различил большие гроздья бананов. А вот черные силуэты плодов хлебного дерева. Многие плоды были мне вообще неизвестны. Удивительный край! Вот эти длинные ветки, совсем рядом, протянулись от кофейного дерева! В саду тут и там посажены цветы. Поразительные цветы! А какой воздух! Теплый, дышащий плодородием.

Кто-то закудаhtал на дереве. Куры — дикие куры, объяснил Ларсен. И рассказал, что они нередко несутся прямо на террасе. Но вообще-то яйца диких кур найти трудно: их уничтожают крысы.

Наши новые друзья — Ларсен, швед Калле Свенсон и англичанин Чарли Хеллиген — были старожилками на острове. Калле Свенсон заведовал складом фирмы «Дональд» — самой крупной торговой компании в колониях. Чудесный парень. Женился на островитянке с Туамоту, умной, приветливой женщине, замечательной красавице. Трое детей появились на свет в маленьком домике в долине Фаутау.

— Ну как, нравится вам Таити? — любопытно спросил Свенсон, вылавливая из пива кузнечика.

— Природа... — мечтательно произнес я. — В жизни не представлял себе, что на свете есть такое чудесное место.

Свенсон угрюмо поглядел на пальмы, кланяющиеся ночному ветру.

— Одной красотой не проживешь, — сказал он. — И будто в Швеции не красиво!

— Не так, как здесь, — возразил я. — Конечно, после стольких лет вдали от родины она вам кажется прекраснее. Вы уже привыкли к чудесам здешнего края. А мы только что вырвались из объятий зимы, нам легче сравнивать.

Я перечислил все недостатки своей родины, расписал удивительные красоты Таити. Хотелось, чтобы он понял, как ему хорошо, чтобы осознал, что он живет в краю, о котором все мечтают: Южные моря, земной рай.

Но Свенсон твердо стоял на своем. Его тянуло домой. Да-да, он хотел бы уехать с женой и детьми в родную Швецию. Здешние нравы погубят детей. Мне не удалось его переубедить.

— Вы только что приехали, — говорил он. — Подождите — через месяц вы меня поймете. Сейчас вы ослеплены, как все новички. Не обольщайтесь: вы не найдете на Таити желанный рай.

Остальные засмеялись. Меня озадачило их единодушие.

Хеллиген оторвался от кружки. Маленький скромный англичанин, предпочитающий помалкивать, решился что-то сказать.

— Рай обретает тот, — спокойно произнес он, — кто возвращается на родину.

Он прожил на Таити двадцать лет.

— А вы где родились? — удивленно спросил я.

Он родился в Лондоне. В Лондоне!

— Эх, как вспомнишь Норвегию! — вырвалось у Ларсена. — Один крыжовник чего стоит.

Я оторопел. Крыжовник. Кругом такое обилие тропических плодов, а он — крыжовник! Я показал на деревья и кустарники, усыпанные фруктами, цветами. Но Ларсен фыркнул с таким презрением, что чуть не потушил лампу, Хеллиген вовремя прикрыл ее рукой.

— Разве можно это сравнить с крыжовником! Только представить себе: стоишь в саду и, не сходя с места, ешь крыжовник, сколько влезет!..

Лицо учителя Ларсена сияло. Не успел я его перебить, как он уже принялся расписывать прелести серого хлеба с козьим сыром, парного молока и киселя из морошки. Со сливками.

— Но ведь вы не первый раз на Таити, — вставил я наконец. — Зачем вы сюда вернулись, если вам тут не нравится?

— Молодой человек, — ответил Ларсен. — Тогда Таити был совсем другим. Еще всего четыре года назад на белых смотрели снизу вверх. А сейчас островитяне только смеются над нами и прохаживаются на наш счет. Я понимаю их язык и слышу, какими замечаниями нас провожают. До чего же нынешние избалованы, как нос дерут, — а все эти восторженные туристы и хвалебная реклама. Рай!.. Этот рай у меня уже вот где сидит. Кто ни приедет сюда, непременно должен потом написать книгу. А чтобы ее покупали, непременно надо про рай вернуть. Кто же станет читать, если напишешь как есть на самом деле? Да никто. Людям подавай романтику и красоты. Кому нужны железные сараи и битые бутылки?.. О таком не пишут. Вот и стараются, изображают Таити таким, каким он был в каменном веке, когда островитяне бегали по лесу, прикрытые лишь фиговыми листочками, пели и плясали вокруг костра. Ввозят из Франции укулеле, а из Америки — лубяные юбки, которых здесь раньше никогда не было. Сочиняют полинезийские мелодии, учат островитян играть на укулеле и плясать в юбочках перед кинокамерой — лишь бы было что на экране показать. И люди смотрят, хлопают в ладоши и восхищаются: ах, до чего же там все примитивно! Вот именно: Таити должен прикидываться примитивным. Чтобы не иссяк поток туристов. Чтобы книги нравились читателям. Чтобы все билеты на сеанс были проданы. И чтобы белый человек не чувствовал вины за все то, что он здесь натворил. Я вот когда-нибудь выпущу книгу тут, на острове. На полинезийском языке. Книгу о рае Северного моря, такую же «правдивую», как все ее сестры, болтающие о Южных морях. Опишу Норвегию: не страна — мечта, там викинги сидят на льдинах и высекают огонь из кремня, а женщины в медвежьих шкурах отплясывают халлинг^[2] и рожают детенышей с лыжами на ногах.

Ларсен остановился, чтобы перевести дух, и налил всем еще домашнего пива. Я взглянул на Лив, которая не могла оторвать глаз от леса, от этой колышущейся стены волшебных растений. Неужели правы наши друзья?! Неужели здесь, где такая чудная природа, все тлен и гниль?! Нет. Уж во всяком случае не на Маркизских островах!

Мы поделились с друзьями нашими планами. Свенсон рассмеялся.

— С первой же шхуной вернетесь, — предсказал он. — Мрачные острова эти Маркизы. Дикая горы, узкие долины, населения почти не

осталось. Конечно, зрелище внушительное, и растительность богаче, чем тут, но все равно мало кто выдерживает гам уединение. Народ на Маркизах куда угрюмее здешнего. Ведь они еще не так давно были людоедами.

Никто из наших друзей сам не бывал на Маркизских островах. Но все они слышали об их пышной растительности и уединенности. Видно, там и в самом деле дикий край. Что-то особенное...

— А есть у вас нужное снаряжение? — спросил Свенсон.

— Снаряжения никакого нет, — ответил я, — И не надо. Будем карабкаться на деревья за плодами, будем ловить рыбу в море — как островитяне. Правда, я везу банки и препараты для зоологических коллекций.

Все бурно оживились.

Учитель Ларсен похлопал меня по плечу.

— Молодой человек, — сказал он. — У вас не совсем верное представление о Южных морях. Ступайте-ка к лавочнику да купите себе примус. А заодно — кастрюлю, сковородку и ящик консервов. Кроме того, запаситесь мешком муки, рисом и сахаром. Не забудьте хороший фонарь, не говоря уже об одежде и противомоскитной сетке.

— А плед для защиты от ночного холода? — вмешался Свенсон. — И топор, пилу, гвозди. Если только вы не думаете снимать квартиру у островитян.

— Помните, вы не в обетованной земле, — объяснил Ларсен.

— Жареные поросята в рот сами не прилетят, тут нужна сковородка, нож, спички и, наконец, бидон керосина. В лесу сырой валежник.

— Лекарства! — подхватил Свенсон. — Бинты, йод, салол.

У меня есть отличное средство от нарывов, — заверил нас Ларсен.

— Нарывов? — переспросил я.

— Ну да, нарывов, — продолжал Ларсен. — У меня был друг, и однажды у него вскочил нарыв...

— Ипохондрик ты, — ответил я. — Это что же, возвращаться к природе, волоча за собой целый воз?

И все-таки, идя вечером к себе в отель, мы с Лив заколебались.

— Ладно, возьмем топор, — сказал я.

— И кастрюлю, — добавила Лив. — Что ни говори, они бывалые люди, знают больше, чем мы.

— Как только научимся обходиться без всего этого — отдадим кому-нибудь, — продолжал я.

— Правильно! — подхватила Лив. — Назад ни шагу!

— И вообще, прежде чем уединяться, не худо было бы хоть немного познакомиться с образом жизни островитян. А что — не поехать ли нам пока в глубь острова и не снять ли там домик?

— Шхуна уйдет, — возразила Лив.

— Это еще не скоро будет, к тому же можно попросить капитана, чтобы он нас вовремя известил. Здесь же всюду ходит автобус.

Вернувшись в отель, мы никак не могли уснуть. Тысячи мыслей и впечатлений роились в голове, тысячи комаров пищали над защитной сеткой.

Что-то готовит нам будущее?

Я критически взглянул на объявление на стене: "Запрещается входить в отель в набедренной повязке. Не разрешается приводить в номер уличных женщин".

Из окна на стену падал луч света. Я проследил за ним глазами — в небе над лагуной плыл месяц. В теплом ночном воздухе благоухали цветы. Маленькие искрящиеся волны тихо плескались у берега. Издали, оттуда, где протянулись рифы, сливаясь с шорохом лесов, доносилась песня Южных морей — неумолчный гул бурунов. Пустынные улицы притихли.

Пальмы, луна — идиллия!..

За обеденным столом вождь Териероо а Териерооитераи, повелитель семнадцати вождей Таити, занимал вдвоем со своей супругой целую скамейку. С достоинством, не торопясь, он уписывал многочисленные блюда, великолепно обходясь без ложки и вилки. Жареная свинина и ананасы, сырая рыба и раки, бананы и цыплята, устрицы и плоды хлебного дерева, крабы и дыня, манго и папайя — нет, не счесть всего того, что исчезало в широкой пасти вождя. И мы как могли старались не отставать.

Супруги были лучшей рекламой местной кухне. Улыбающийся, плечистый, могучий Териероо весил добрых сто двадцать пять килограммов, и его добродушная жена несколько ему не уступала. Скамейку напротив занимали милостивые дети вождя; они робко поглядывали на нас из-за горы снеди. Их меню состояло из кофе,

плодов хлебного дерева и таитянского кокосового соуса. Ели они бесподобно, явно мечтая достичь комплекции отца. Общественный вес знатного таитянина прямо пропорционален его телесному весу. Наши хозяева были на высоте — достойные потомки исконных полинезийцев: с неизменно отличным настроением, всегда веселые и склонные к шутке, не заботящиеся о завтрашнем дне.

Вождь Териероо откровенно гордился своей комплекцией.

— Вот смотрите, как надо есть суп, — сказал он, погружая в тарелку пятерню.

Его широкая ладонь и впрямь была отличным черпаком...

Притихшие ребятишки восхищенно глядели на отца. Широко улыбаясь, вождь объяснил нам, что у ложки и вилки противный вкус. К тому же с ложки суп попадает на язык, а это неправильно. Вот когда пьешь из горсти, суп ласкает нёбо и отдает весь свой аромат.

Я последовал примеру гурмана Териероо и одобрительно кивнул. Лив новый способ дался труднее, но и она постепенно освоилась.

Услышав, что мы собираемся на Маркизские острова, Териероо загорелся.

— Эх, будь я помоложе, отправился бы с вами! — воскликнул он.

И мы не сомневались, что он сделал бы это. Маркизский архипелаг — сказочный край, говорил вождь. Сам он никогда там не бывал, но многие его знакомые, живущие здесь же, в долине Папену, плавали на Маркизы и рассказывают чудеса про эти острова. С каждой кокосовой пальмы там за один урожай собирают по сто орехов, а фруктов в маркизских долинах — тьма-тьмущая. Особенно на Фату-Хиве, самом южном острове архипелага.

Там не надо, как на Таити, лазить в горы за апельсинами — они растут внизу. Даже красный горный банан феи (любимое блюдо вождя) растет в долинах. На Таити же только самые искусные скалолазы могут добыть феи. Соберут, а потом продают на рынке в Папееэте...

А еще на Фату-Хиве нет бурых крыс, поэтому там не надо для спасения орехов обивать жестью стволы кокосовых пальм. А как там все дешево! Нас, конечно, встретят подарками, среди которых, наверное, будут и верховая лошадь, и целые связки кур.

Там нет автомашин, от которых только пыль и вонь. Нет москитов, нет лавочников...

— Да, там куда лучше, чем на Таити... — вздохнул вождь. — А ведь прежде и здесь было так. Прямо в долине росли феи и много других редкостных бананов. А теперь если и посадишь, все равно не растут. Едва поднимутся над землей, как их губит болезнь. Болезни, автомашины, лавочников — вот что принесли нам на Таити новые времена. Просто спасения нет.

Териероо гордится своим островом и своим народом. Он может часами рассказывать про старину. Но он знает, что старому Таити пришел конец, и не любит новую культуру. Старается, насколько это в его силах, противодействовать ее вторжению. Да только цивилизация сильнее. Цивилизация гофрированного железа...

Вождь не мог нам сказать, сдает ли кто-нибудь домик. Но он пригласил нас пожить у него, пока мы ждем шхуну. Его дом — наш дом. Нет-нет, никаких возражений!

Что ж, стол великолепный! Вот только эта сырая рыба, так обильно политая кокосовым маслом...

— Ешь побольше плодов хлебного дерева, — посоветовал вождь Лив, — будешь здоровая и толстая.

— У тебя много детей? — спросила мадам Териероо.

— Нет, — ответила Лив, — мы только что поженились.

Мадам запричитала: замужем — и ни одного ребенка, вот беда-то!

— Ну да и у меня их не так уж много, — утешила она Лив. — Поэтому мы усыновили еще двадцать восемь человек.

— Двадцать девять, — поправил ее вождь.

Супруга вождя сердито шлепнула черного поросенка, который истово чесал спину о мои изъеденные комарами ноги — к нашему обоюдному удовольствию. Поросенок взвизгнул и метнулся к двери, изогнув хвостик задорным крючком. У вождя Териероо достаточно домашних животных, и они повадками ничуть не отличаются от своих сородичей в других концах света.

Если курица, вскочив на стол, примется клевать дорогое сердцу вождя феи, он взревет так, что кажется — сейчас усы отлетят, и грохнет кулаком по столу. Куры, кошки, собаки, поросята в панике удирают за дверь. А через несколько минут они уже опять тут, у стола, и все тихо-мирно.

Бедняжка Лив никак не могла осилить какой-то фрукт, вкусом напоминающий жареные калоши.

— А вот это что? — спросил я, показывая на бугристый плод в дальнем конце стола.

— Тапо-тапо, — ответил вождь; пока он смотрел в ту сторону, «калоша» исчезла в пасти свиньи, которая просительно глядела на Лив, положив на стол свое рыло-штепсель.

Мы не ленились расспрашивать. Что, да как, да почему... И супруги терпеливо все разъясняли, твердо убежденные, что в Норвегии растет только картофель и лед.

— Вуаля, — сказала мадам Териероо, подавая нам потрескавшуюся чашку. — Это называется кофе, вкусно, пейте на здоровье.

Набив желудки до отказа, супруги плюхнулись на пол, на циновку из листьев пандануса, и тотчас уснули.

А мы побрели в сад и устроились отдыхать в тени мангового дерева. Умаялись...

Так один за другим проходили наши дни в долине Папену. Счастливые дни.

Вождь заключил, что наше неведение слишком велико — необходимо нас просветить. Он стал моим учителем, а его жена — наставницей Лив. Я должен был научиться добывать пищу, Лив — готовить ее. Добывание пищи сводилось в основном к лазанью по деревьям.

Вождь выбрал для урока невысокую кокосовую пальму возле дома. Вся семья вместе с домашними животными собралась вокруг нас, снедаемая любопытством.

Я обнял ствол и, вспомнив детство, вскарабкался на метр-другой. Но когда я попытался спуститься, то почувствовал, что ствол, состоящий из колец с острыми краями, меня не пускает. Что делать? Висеть на пальме или, нежно обняв ее, ехать вниз?

Зрители покатывались со смеху. Я беспомощно болтался над их головами. А — была не была! Куры бросились врассыпную — бабах! — и я сижу на земле, весь в кровотокающих ссадинах.

Бурное ликование. Мадам Териероо, трясаясь от хохота, обняла ближайшее дерево, чтобы показать, как лазают европейцы. К несчастью для нее, это был банан, и тучная женщина в обнимку с хрупким стволом^[3] шлепнулась наземь. Вождь едва не задохнулся от смеха.

Много дней спустя, когда ссадины зажили, я решил сделать новую попытку взобраться на пальму. Вождь велел одному из своих отпрысков лезть первому, чтобы я посмотрел, как это делается. Сам Териероо — некогда первый богатырь на острове — был теперь слишком стар и толст.

Мальчуган обхватил ствол руками, уперся в него пятками, выгнул спину дугой и полез — нет, взбежал, как обезьяна, до самой макушки!

Я попытался сорвать один орех, но он был словно привязан стальной проволокой. Вдруг в кроне что-то запищало, и на меня бросилась тысяча бесов. Миг — и я опять сижу на земле. Правда, на этот раз без единой ссадины: научился лазить на полинезийский лад!

— Ты почему так быстро спустился? — спросила Лив.

— Манупатиа, — объяснил вождь, — жалящая птица.

Увы, корабли доставили сюда также и осу...

— Будь всегда осторожен наверху, — поучал меня Териероо. — В кронах часто прячутся ядовитые тысячножки — огромные, длиной с твою ладонь. Они жалят куда злее, чем осы. Но уж лучше пусть ужалит, чем от страха выпускать из рук ствол! Укус можно вылечить луком или лимонным соком.

После скоростного спуска я обнаружил, что ноготь на большом пальце ноги посинел и отстал. Вождь вызвался врачевать меня. Ноготь нужно совсем оторвать, чтобы новый рос правильно, заключил он. Я сел на пол террасы и задрал ногу кверху. Вождь Териероо уцепился за ноготь и дернул его, вложив в этот рывок все свои сто двадцать пять килограммов. Сияя, он показал мне оторванный ноготь. Кровь капала на пол; вождь стер ее ваткой, потом той же ваткой прочистил ранку. Затем обдал мой палец кипятком. Операция окончена...

На кухне под навесом супруга вождя и Лив что-то размешивали в огромном котле: шел урок домоводства, только плиту заменял каменный очаг посреди земляного пола. Разводили костер, камни накаливались, и на них, погасив огонь, жарили и пекли пищу.

Вот и сейчас между камнями торчали свертки из листьев, в которых лежало какое-то совершенно необычайное тесто, а Лив и мадам, размахивая прутиками, пальмовыми листьями и огромными секачами, сновали вокруг очага, среди кошек и кур.

Предоставив женщинам заниматься своим делом, мы с вождем пошли потолковать о переменах, которые несут с собою новые

времена. В углу террасы стоял рабочий стол вождя; когда местные жители приходили со своими ходатайствами, он принимал их, сидя среди груды старых бумаг, писем, календарей и соломенных шляп, рядом с которыми можно было найти пузырьки с лекарствами, вату, жестяные коробки, треснувшую чашку, зонт, крахмальный воротничок...

Дом Териероо, наполовину закрытый цветущим и благоухающим кустарником, стоял близко от дороги. Не отрываясь от работы, вождь мог видеть проходящих. Он приветственно махал прохожим, обменивался с ними шутками. "Заходите, пообедаем!" — кричал он. "Спасибо, уже", — отвечали они, шагая дальше. Прежний гостеприимный обычай теперь стал просто вежливой фразой. Это уже не приглашение, а приветствие, вроде нашего "здравствуйте".

То и дело мимо проносились автомобили, битком набитые горластыми туристами, которые наслаждались природой, так сказать, на ходу. Мы успевали заметить только тропический шлем, блеск очков и фотоаппаратов, нередко — украшенную цветами вахину с сигаретой в зубах и мандолиной. Миг — и нету, скрылись в вихре пыли и выхлопных газов. Счастливые обладатели путевок в рай спешили до ночи вернуться в Папеете.

Дни складывались в недели, а мы все жили в долине Папену. Никаких вестей с маленькой шхуны, которая должна была доставить нас на уединенные острова под экватором... Мы лазили по горам среди зарослей папоротника, купались в бурных речках под сенью пальм. Вместе с вождем ходили в лес за плодами, гуляли на солнечном морском берегу.

Как раз напротив устья долины Папену в барьерном рифе есть проход, и волны здесь с рокотом обрушиваются на берег. Словно грохочет обвал — это галька перекачивается по гальке в такт набегающим волнам. А поверху галечного вала, накаленного лучами солнца, разбросаны великолепные изделия самой природы. Вперемежку с плавником, прелыми водорослями, камушками лежит множество раковин: одни — переливающиеся всеми цветами радуги, другие — выбеленные солнцем и морем. Лежат кораллы, пестрые губки, высохшие морские животные, скорлупа кокосовых орехов.

Когда нам становилось невмочь на жарком берегу, мы забирались под дерево, пробивали дырку в зеленом кокосовом орехе и пили

кокосовое молоко — самый чудесный в мире освежающий напиток. Ну чем не рай?

Вот вверху на шоссе, окаймляющем весь остров, загремела телега. Возница дудит в огромную раковину — подходите за хлебом! Чудный хлеб — кислый, с печеными мухами...

Очень нужно! Над нами тянулись к небу пальмы, а на них — огромные орехи. Сытная и здоровая пища, вкусная и дешевая.

Но на Таити теперь не едят кокосовых орехов. Их вывозят тысячами тонн в виде сушеной копры.

Издали доносился голос раковины.

Теперь едят хлеб...

Вождь Териероо а Териерооитераи ревностно соблюдал старинные обычаи.

Однажды он созвал гостей на большой пир. Резали свиней, собирали плоды хлебного дерева. Таитянский пир. По какому поводу? Вождь решил нас усыновить! Нам предстояло стать детьми Таити, получить полинезийские имена. Плели гирлянды из цветов; кур и поросят выставили за дверь. Какие имена для нас придумали? Во всяком случае, «попроще» наших норвежских имен. Ведь это же невозможно произнести — «Лив» и «Тур». Язык сломаешь.

И вот мы, одетые в наши лучшие наряды, увешанные цветами, восседаем за столом. Начинаются крестины.

Я взглянул на супругу вождя, которая сидела в углу, воздавая должное соусу. Ее благозвучное имя Фауфау Таахитуэ означало: "Некрасивая. Ноги большие, как океан".

Сам вождь сидел рядом с ней, улыбаясь во весь рот. Крестники, то есть я вместе со своей супругой, занимали почетное место во главе стола. Широченная соломенная шляпа все время съезжала Лив на лоб, и она, ничего не видя, без конца совала себе в рот "жареные калоши". Тропический шлем сочли не подходящим для столь торжественного случая. Но и совсем без головного убора тоже нельзя. Вот почему на Лив нахлобучили огромную шляпу жены вождя, украшенную пустыми раковинами. Стоило Лив сдвинуть головной убор набекрень, как "Ноги большие, как океан" тотчас подбегала к ней и поправляла шляпу. И бедняжка опять тянула с блюда "калошу".

Рядом со мной, облаченный в белый пиджак и шорты, почесывая икры пальцами босой ноги, сидел священник. Дальше — нарядные вахины и смуглые богатыри. Украшенный цветами и зеленью стол ломился под тяжестью огромных блюд.

Мы ели и пили. Здесь царил полная свобода. Разрешалось есть суп пригоршнями и класть ноги на стол, посыпать свинину сахарным песком и вылавливать цыплят из чая. За еду благодарили тоже по-своему. Сразу было видно, что все наелись до отвала!

Все чокнулись с нами свежими кокосовыми орехами. Так произошло крещение.

Под яркозвездным небом Таити плавно качались пальмы. Луна испестрила серебристыми бликами огромные блестящие листья. При се свете можно было даже различить гроздь бананов. Небо было совершенно чистое. И мы получили имя: господин и госпожа Чистое Небо.

Сытые и веселые гости расходились по своим домикам в красивой долине. Отныне мы были для них «свои». И у нас наконец-то появилось приличное имя: Тераиматеата Тане^[4] и Вахине.

Глава вторая

НА КОРАЛЛОВЫХ ОСТРОВАХ

ТУАМОТУ

Шхуна — переносчик культуры. На Такапоту. Главная достопримечательность кораллового островка. Лов рыбы в "аквариуме"

Парусная шхуна «Тереора», приписанная к Таити, выходила из лагуны порта Папезте. Серые стены лавчонок и красные черепитчатые крыши так называемых отелей постепенно скрылись за пальмами.

Могучий голос великого океана, неустанно штурмующего риф, наконец-то заглушил хриплые автомобильные сирены и пронзительные велосипедные звонки.

Мы снова качаемся в открытом море. Идем вдоль заветного острова Таити, края мечты, жемчужины Южных морей. Вдоль маленького южноморского рая, который привлекает взор пышным зеленым убором и кажущейся дикостью, а на деле весь источен извращенной культурой.

Прощай, Таити. Теперь наш путь лежит на Фату-Хиву, цель наших стремлений. Папезте, последний форпост цивилизации, позади, утонул в темно-зеленой чаще тропического леса. А вот и весь Таити отодвинулся к горизонту, погрузился в океан, исчез.

Волны игриво швыряли маленькую шхуну. Мы отыскали себе местечко на палубе среди полинезийцев. Компания была веселая. Тучные мамы и голосистая ребятня, седые деды и пылкие вахины; звуки укулеле, горнов и труб, корзины с курами, рыбой, бананами, запах копры, брильянтина и океана, мешки, ящики, телята, поросята... И горы фруктов. А в центре всего этого — мы.

Нашими спутниками были уроженцы коралловых островов архипелага Туамоту. Они ездили на Таити "в город" и теперь возвращались домой. А двое из них направлялись на Маркизский архипелаг.

Единственным кроме нас европейцем был старый капитан Брандер, некогда закончивший колледж в Англии — добродушный седой морской волк. Он получил превосходное образование и знал Европу не хуже, чем Таити. Уже много лет он курсировал между живописными островами Южных морей, попивал виски, водил свою шхуну и нигде не сходил на берег, за исключением Папезте, где был его дом. Капитан Брандер презирал цивилизацию, и, однако, он невольно способствовал распространению ее на островах. Он был в плену очарования этого края, но никогда не сходил на берег, чтобы насладиться его природой. Удивительный человек, великолепно знающий Южные моря и то, какая судьба ожидает этот край. Он понимал, что полинезийцы уже вкусили "блага культуры" и теперь уже никто не сможет остановить цепной реакции, даже старый капитан Брандер. Он сразу пришелся нам по душе.

"Тереора" была торговым судном. Брандер занимал должность капитана-судоводителя; деловой стороной заведовал таитянский коммерсант Теодор — человек могучего телосложения, сообразительный и приветливый. Он исполнял обязанности суперкарга,^[5] обожал деньги и обладал незаурядными коммерческими способностями. Шхуна скупала на островах копру, причем островитяне, получив деньги за свой товар, тотчас шли на судно, чтобы истратить их на покупки. Таким образом, шхуна выручала двойную прибыль.

— Нелепо, но они сами так хотят! — говорил капитан Брандер. — На что им, этим чудакам, трехколесный велосипед, швейная машина, белье, лосось в масле? Ни к чему, совершенно ни к чему. Но каждому хочется возбудить зависть у соседа — дескать, у меня есть стул, а ты сидишь на полу. И сосед тоже спешит купить стул, а в придачу еще что-нибудь, чего нет у его приятеля... Растут запросы, а с ними и расходы. Чтобы добыть денег, без которых они вполне могли бы обойтись, островитяне занимаются неприятной работой — добычей копры. На каждом острове — множество пальм, с которых круглый год сыплются спелые орехи. Пальмы, так сказать, "несут золотые яйца" для владельца участка. Одни обогащаются, другие остаются бедняками; правда, голодать и нищенствовать никому не приходится. Есть среди островитян миллионеры, если их доходы перевести на французские франки. И все состояние тратится на гофрированное железо и оконное стекло. Везти их приходится издалека, и доставка обходится очень дорого. Вот у нас в Европе говорят: "купаться в шампанском". Здесь роскошь — умыться с мылом. Да они в нем и не нуждаются. У них есть кокосовое масло и морская вода в лагуне. Сотни лет островитяне обходились без мыла, и кожа у них — лучшая в мире. Так нет, подавай им мыло! И это еще самая разумная из их покупок. Зайдешь в дом — стоит кафельная печь. Без дымохода, без трубы, хозяин даже не знает назначения печки. Зачем она ему? Здесь тепло круглый год. И стоит эта печь — из самой Европы! — на радость хозяину. Покосилась, заржавела, зато соседи завидуют. Зачем мы торгуем такими вещами?.. А не мы, так другие привезут, лишь бы брали...

День за днем плыла наша скорлупка по вечно беспокойному океану. Совсем недавно мы лихо пересекали его из края в край

указательным пальцем. А теперь безбрежные просторы измеряем днями.

Спали мы на крыше маленькой каюты, под звездным небом, на свежем воздухе. На ночь привязывались веревками, потому что, когда шхуна врезалась в волну, вода могла нас смыть. Внизу, под палубой, для воздуха места не было — все заняли товары и кашляющие пассажиры.

...Плывем, качаясь, сквозь густую тьму. Рядом, играя на укулеле и напевая, лежат молодые вахины. Им по душе нехитрые мелодии Южных морей, джаз их не привлекает. Как чудесно звучат их маленькие укулеле, перенося нас в полинезийскую старину, придавая особое очарование ласковым, теплым ночам.

Лежа на спине, мы слушаем, слушаем... Верхушка мачты, словно маятник, качается на фоне тропических созвездий. Небольшой фонарь бросает красноватый свет на закутанные фигуры вокруг нас. Кто спит, кто поет. Хорошо видно энергичное лицо рулевого. Брандер отдал необходимые распоряжения и ушел спать. Руль в надежных руках таитянского парня. Удары волн о борта... Плеск воды... Треньканье укулеле... В каюте — кашель и стоны страдающих морской болезнью...

Вперед, только вперед, курсом на Такапоту!

И вот однажды утром...

Солнце, вынырнув из Тихого океана, озарило белые паруса шхуны. Блестящими стайками порхали в воздухе летучие рыбки. Погруженный в приятную полудремоту, я наслаждался удивительными красками неба на востоке. Вдруг кто-то толкнул меня в бок, еще кто-то наступил на ногу. Земля!

Да, вот он, во всем великолепии утренних красок, первый коралловый островок! Не высокий и скалистый, как Таити, а схожий со стаей чаек, качающихся на воде. Собственно, самый остров еще и не видно, появилась лишь цепочка пальмовых крон. Ближе, ближе — и вот уже перед нами засверкал в солнечных лучах белоснежный пляж.

Едва «Тереора» бросила якорь, как на берегу собрался народ. Мы пробились на шлюпке через кипящие буруны, а дальше пошли к суше вброд. До чего же теплая вода!

— Иа ора на! Иа ора на! — несло со всех сторон.

Мы отвечали тем же: "Иа ора на!" Словом «здравствуйте» исчерпывалось все наше знание местного языка. А здесь, в отличие от Таити, никто не говорил по-французски.

Толпа смуглых островитян увлекла нас к хижинам, приютившимся под деревьями. И вот мы сидим на лавке, окруженные восторженными зрителями. Не каждый день остров Такапоту в архипелаге Туамоту посещали европейцы.

Было очевидно, что им не терпится побеседовать с нами.

— Иа ора на! — робко произнес я еще раз.

— Иа ора на! — радостно ответили островитяне.

Мой словарный запас иссяк. Но что-то надо говорить!

— Таити.

— Ай-ай! Оиа хамаи Тахиди, — весело подхватили они.

Снова заминка. Я поглядел на небо, поглядел на островитян, которые ждали следующей реплики. Потом бессильно усмехнулся, В ответ грянул такой дружный хохот, что мы чуть не свалились с лавки. Смех затих, опять выжидательная тишина.

— Маркизы, — заговорил я, — Маркизы, Таити, Европа, Гавайи...

В следующий миг завязалась такая оживленная беседа, что в общем гаме мы преспокойно перешли на родной норвежский язык.

А затем мы окончательно опростоволосились. Из толпы островитян выскользнула вахина и предложила нам вскрытый кокосовый орех. Изнывая от тропической жары, мы жадно прильнули к нему и с наслаждением проглотили содержимое. Ух ты, как здорово!

О ужас! Площадка вокруг нас вдруг опустела, а в следующее мгновение на землю посыпались с пальм орехи. Каждый — каждый! — нес нам орехи: пейте! На Такапоту не принято отвергать дары. И мы пили, пили, пили...

Часом позже, окруженные полинезийцами, мы брели в глубь чащи. Они поторапливали нас нетерпеливыми жестами, явно желая показать что-то из ряда вон выходящее. Шагаем по совершенно плоской поверхности. Остров сухой, раскаленный солнцем, но красивый! То и дело с пальм скатывались огромные крабы и сейчас же исчезали в норах. Крабы — "пальмовые воры", они карабкаются на деревья и крадут кокосовые орехи!

Под ногами хрустели раковины и кораллы. Мы не могли наглядеться на местные чудеса. Но вот мы у цели, и островитяне, сияя, указывают нам на свой главный «аттракцион». Мы взглянули и... нас охватило беспокойство, успело ли кокосовое молоко перевариться в наших желудках. Перед нами между пальмами стоял потрепанный автомобиль. Впереди торчала заводная ручка.

Нас вежливо усадили в автомашину, и она запрыгала по орехам и раковинам. Прыг-трах, трах-прыг, прыг-трах... Следом мчались ребятишки. Мы миновали две пальмы, свернули за угол бамбукового сарая, проехали вдоль курятника, обогнули хлебное дерево и вернулись к старту. Экскурсия окончена, шофер востребовал мзду — можно пешком возвращаться на «Тереору». Таитянин, владелец машины, которая ходила вокруг хлебного дерева, жил на Такапоту, как король.

На «Тереоре» плата взималась не за километры, а за дни. К тому же Теодор был страстный рыболов. Стоило ему увидеть на горизонте остров, как он тотчас правил туда, чтобы порыбачить у берега. Вот почему однажды ночь застала нас в лагуне острова Такароа. Луна еще не вышла из-за пальм, но мы уже спустили на воду шлюпку и сели в нее, захватив керосиновый фонарь. Предстояла охота на акул.

Отойдя от шхуны, бросили якорь. По поверхности моря разбежались искры. Мы стояли возле самого рифа, в том месте, где море соединялось с лагуной. Вверху — Южный Крест, внизу — черный как смоль силуэт острова с яркими пятнами костров: местные жители рыбачили с острогой. Издали глухо доносился рокот бурунов.

Глаза, привыкнув, различали на берегу очертания разбитого корабля. Среди гибких пальм удивительно прямо торчали четыре мачты. Неподдельная романтика Южных морей!

Когда я закинул удочку, на дне лодки уже бились две огромные рыбины — ярко-красная и светло-голубая. Наши смуглые товарищи знали свое дело. А сам начальник экспедиции замер, держа леску из стальной проволоки. Он подстерегал акулу. Лив сидела как на иголках.

Клюет, Да еще как! Что-то я вытяну из этого черного аквариума? Мелькнуло зеленое, голубое... Рыба с клювом! Рыба-попугай! И дальше — что ни рыба, то новость. Одна была сплошь покрыта длинными шипами, у другой голова как бы сливалась с хвостовым плавником.

Ого! Мы даже подскочили — старик тянул леску, напрягая все свои силы. Акула! Мы бросили удочки и вооружились топорами. Вот что-то забилося у самой поверхности. Фонарь сюда!.. Показалась маленькая уродливая голова. Ну и чучело! Полинезийцы вскрикнули и поспешно потравили леску. Потом, взяв в руки копья, снова стали ее выбирать. Опять эта странная голова! И при свете вышедшей из-за пальм луны разыгралось удивительное представление: рыбаки кричали, кололи копьями...

Наконец мертвое чудовище, исколотое копьями, изрубленное топорами, скользит через борт в лодку. Голова... голова... А где же тело? Мы узнали, что это не акула, а огромная мурена. Самый опасный обитатель Южных морей лежал комом бурого студия у наших ног.

В разинутой пасти торчали острые, как бритва, зубы, способные одним махом перекусить руку человека. Мурена попадается редко, и это единственная морская тварь, которую островитяне по-настоящему боятся. Акулы? Мы видели, как полинезийцы купаются по соседству с ними.

Лов продолжался. Улов все прибывал, попалась даже маленькая акула. Вдруг мы снова подскочили от воинственного крика. Вот теперь дело серьезное! Лодка, скрипя, накренилась; под смуглой кожей старика играли тугие мышцы... А в черной воде мелькало что-то белое — брюхо огромной рыбины. Вода бурлила под страшными ударами — вон она, вон она, зверюга! А вот уже с другой стороны! Смотри, Лив, с другой стороны! Будто грохнул выстрел — это на борт обрушился удар акульего хвоста. Да, вот это рыбалка!.. Лодка качалась среди фонтана брызг. В голову акулы вонзился топор Рраз!.. два!., три... Удары о борт прекратились.

Простись, акула, с Тихим океаном.

Глава третья

УЕДИНЕННЫЙ ОСТРОВ

*Древнее царство людоедов. Где высаживаться! Одни на
незнакомом берегу. Сын швейцарца и полинезийки. Омоа — райская
долина. Мы расчищаем участок в лесу. Бамбуковая хижина готова!*

Экватор рядом, и «Тереора» спешит, спешит к цели, подгоняемая свежим пассатом. Уже целую неделю мы видим только пустынный океан, только волны и небо...

Но вот наконец рано утром из-за горизонта вместе с солнцем вынырнули долгожданные острова. Над океаном торчали крутые неприступные скалы. Могучие валы, исступленно рокоча, обрушивались на неожиданное препятствие.

Не очень-то гостеприимно выглядят острова издали... Точно развалины гигантских замков, а облака, цепляющиеся за вершины, — словно дым. Внушительное зрелище... И красивое.

Появился остров — и ушел за горизонт, но на смену ему показался следующий — Фату-Хива. Немалый путь по голубой океанской глади отделяет их друг от друга. У берега Фату-Хивы вода зеленая, как трава: ее окрашивает планктон, который питается тем, что смывают с берета волны. Зеленое пастбище притягивает косяки рыбы, преследуемые неутомимыми дельфинами.

Птицы стаями сопровождали шхуну, пикируя на рыбу, соблазненную приманками на наших удочках.

Мы подошли вплотную к берегу и тотчас убедились, что действительно попали в благодатнейший уголок Южных морей. По склонам долин, глубоко врезанных в горный массив, росли пышные леса, изобилующие разнообразными видами деревьев и кустарников. Лучшая оранжерея мира показалась бы жалкой по сравнению с ними.

Заросли, словно лепешки исполинского мха, облепили вершины. Оттуда они по уступам и расщелинам скатывались вниз, расстилаясь по долине густым ковром зеленых крон, вееров. Казалось, будто именно эта зелень окрасила воду. Зелень на суше, зелень в море... Но горы были красные, а небо голубое, как океан.

Не одна лишь тропическая жара создала эту плавучую оранжерею. В глубине острова к самому небу вздымались пики, которые перехватывали тучи и выжимали из них дождь. Быстрыми ручьями и речушками дождевая вода, сбегала сквозь заросли по долинам в зеленый океан. Время сильно источило рыхлые горные породы. Глубокие пещеры, подземные реки, причудливые скалы, острые шпили превращали остров в сказочное царство. И в этом царстве нам жить! Сейчас мы сойдем на берег и углубимся в таинственный лес, а «Тереора» устремится дальше...

Лежа на животе, вооруженные биноклем, мы пытались проникнуть взглядом в чащу, которая будет нашим домом. Красиво, угрюмо, пустынно... Безлюдье, тайны на каждом шагу...

Брандер глядел на нас, замороженных невиданным зрелищем. Перед лицом могучей безмолвной природы мы чувствовали себя очень маленькими. И не могли глаз оторвать.

— До чего же мрачно, — произнес капитан Брандер. — Эти дебри, эти горы — они так давят на человека. Возвращайтесь-ка вы с нами.

Но теперь, когда мы достигли цели, разве можно было нас отговорить!

Брандер клялся, что мы еще пожалеем, когда останемся одни. Местные жители — немногие, которые еще уцелели, — такие же угрюмые, как эти долины. Европейцев на Фату-Хиве нет. И нет никаких надежд покинуть остров, пока через месяц или два не вернется шхуна. Горы и море надежно заточат нас.

Но Брандеру пришлось уступить. Мы твердо стояли на своем. Поворачивать — поздно. Сдаваться — рано.

Мы потратили целую неделю на то, чтобы обойти весь архипелаг. Осмотрели все острова и удостоверились, что дома, рассматривая карту, листая справочники и пыльные тома, сделали удачный выбор.

Перед нами Фату-Хива, самый красивый и живописный из островов Маркизского архипелага.

— Где вас высадить? — спросил Брандер, показывая на дикий берег.

— У вас есть карта? — вопросом ответил я.

Карта нашлась, но на ней были показаны только контуры Фату-Хивы.

— Что ж, давайте осмотримся, — предложил Брандер и велел править вдоль берега.

Отвесные скалы, окаймленные внизу кипящим прибоем, обрывались в пучину. Но кое-где стена расступалась, и мы видели райские долины, уходящие в глубь острова. Плывя вдоль темно-зеленой оборки острова, мы ощущали на себе дыхание дебрей.

Брандер и Теодор стояли у поручней, выспрашивая подробности у полинезийца, местного жителя. Сами они, хотя и много лет плавали в этих водах, видели остров лишь с моря... Нужно было подыскать долину, где мы могли бы поселиться. Первое требование — питьевая вода.

Вот среди гор раскинулась красивая широкая долина, У входа в нее над лесом высятся причудливые скалы. Вдоль галечного берега выстроились хижины, крытые пальмовыми листьями. Стоят сарайчики для лодок местных жителей.

— Ханававе, — объяснил Брандер. — Вдоволь питьевой воды, изобилие фруктов. В деревне — полсотни жителей.

Лив загорелась. Она хотела тотчас же сойти на берег. Но Брандер покачал головой.

— Нездоровый климат, — сказал он. — Страшная сырость, влажный воздух, в деревне всякие болезни. Еще заразитесь. Слоновая болезнь здесь — истинное бедствие.

Ханававе замкнула свои исполинские каменные ворота, а мы продолжали путь вдоль обрывистого берега. Одно за другим сменялись тесные ущелья и расщелины, до краев наполненные зеленью. Но ни воды, ни места для жилья... Ага, вот чудесный бережок, окаймленный густым лесом!

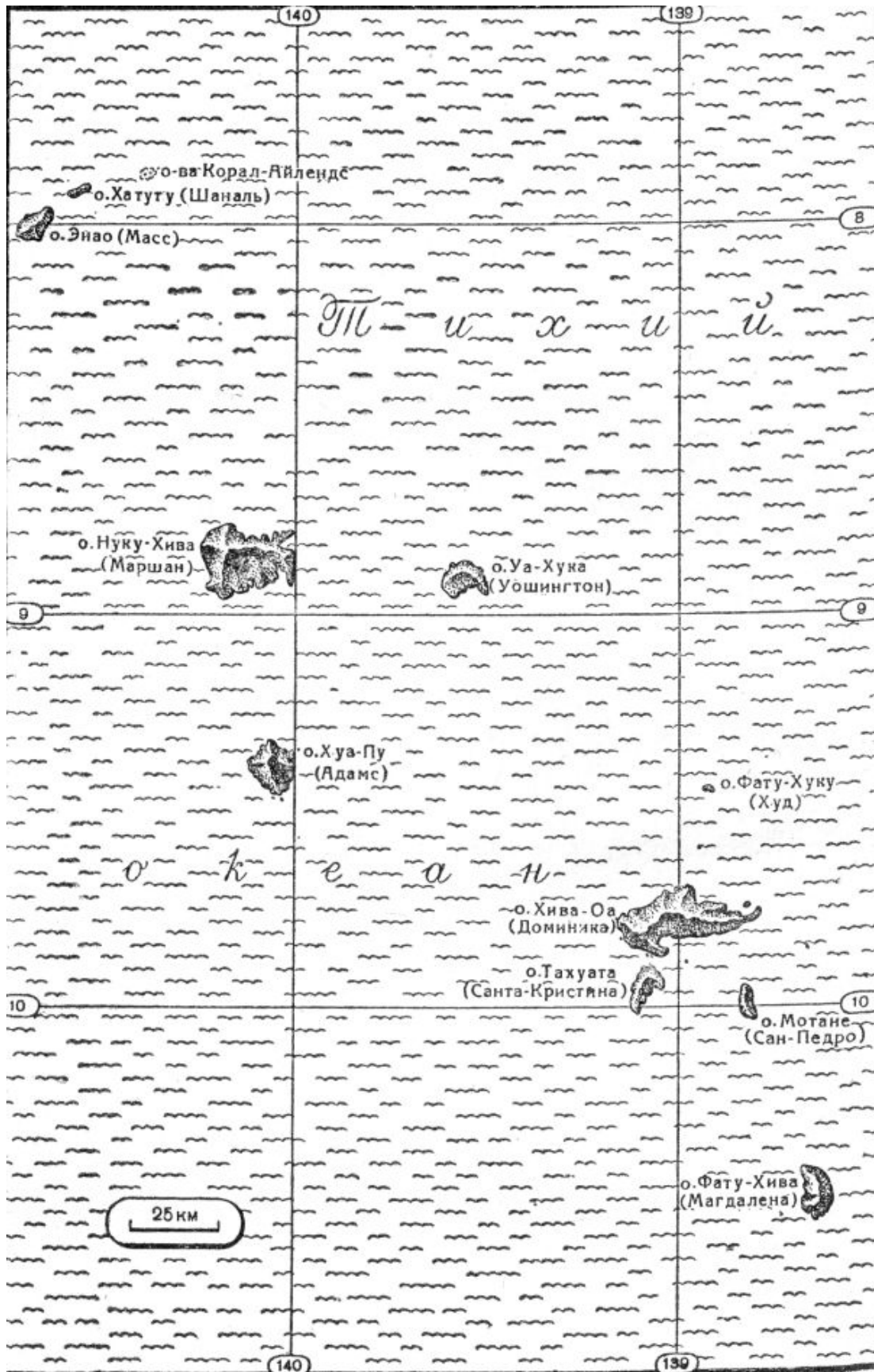
— Аоэ теваи, — объявил островитянин.

Нет питьевой воды.

И опять долины между высоких круч. В одной нет воды, в другой так темно и тесно, что невозможно жить.

Маркизский архипелаг

А вот тут и красиво, и питьевая вода есть! Исполнение нашей мечты? Увы, и в эту долину — она называлась Ханауи — проникла слоновая болезнь. Два искалеченных ею старика — вот и все население Ханауи.

Последняя долина, Омоа. Широкая, просторная, тянется до самого сердца острова. Красота — не налюбуйешься! Вдоволь плодов, достаточно питьевой воды. Наряду с Ханававе это единственная на Фату-Хиве действительно большая долина. Но в деревушке у самого моря — люди, около сотни островитян... Правда, выше по долине никто не живет.

"Тереора" бросила якорь в заливе, окаймленном скалами и зелеными холмами. Врезаясь в горный массив, извиваясь среди острых шпилей и утесов, Омоа упиралась своим верховьем в высоченную скалу, на которую лес уже не мог взобраться. Дно долины покрывали густые, пышные заросли.

— Здесь либо нигде, — сказал Брандер, указывая на долину Омоа. Вы все посмотрели — выбирайте. Может, вернетесь?

Брандер начертил на бумаге план острова. По очертанию Фату-Хива напоминает бобовое зерно. Капитан провел черту с севера на юг и объяснил, что по этой линии остров пересекает крутой хребет, который отделяет восточную часть Фату-Хивы от западной. Западное побережье мы видели — это подветренная сторона, здесь пышная растительность. Восточное побережье не стоит и осматривать. Оно засушливое, почти безводное, почва неплодородная. Там все долины безлюдные, и корабли уже давно туда не заходят. На шлюпке и не высадишься — сильный ветер, сумасшедший прибой. Будете словно в могиле: неоткуда ждать помощи, некому подать сигнал.

— Охотно заберу вас на обратном пути! — крикнул нам вслед Брандер, когда мы спускались в пляшущую на волнах шлюпку.

Никогда не забуду то особое чувство, которое я испытывал, ступив на берег... Вот уже шлюпка прорвалась обратно через бушующий прибой и вернулась к «Тереоре». Мы видели, как нам машут, прощаясь, капитан Брандер и другие. Якорь поднят, белые паруса шхуны летят к горизонту. Крохотная точка скрылась вдали а мы все глядим, глядим... Наконец обернулись к долине, к пальмам. Здесь будет наш новый дом.

Одни на неведомом берегу. Назад пути нет. Не знаем края, не знаем народа, не знаем языка... Стоим каждый со своим чемоданчиком и думаем: что дальше?

И мы пошли к лесу. Настроение было отличное, мы всем своим существом предвкушали жизнь, полную приключений. Жаркое солнце, щебет птиц, благоухание цветов. Мы взглянули на кроны пальм. Голод нам не грозит — вон сколько кокосовых орехов!

Под пальмами, не сводя с нас глаз, стояли смуглые островитяне. Стояли молча. И смотрели. Несколько человек в набедренных повязках, на остальных — рваная одежда.

Сморщенная старуха заговорила первой. Какая певучая речь, сплошные гласные! Совсем не похоже на таитянский язык. Мы пожалы плечами и засмеялись. Старуха покатила со смеху. Кто умеет смеяться — сумеет и объясниться!

Набравшись храбрости, женщина подошла к Лив, облизнула свой длинный, тощий указательный палец и провела им по ее лицу. Лив от страха онемела, а старуха покрутила палец перед глазами и широко улыбнулась: белый цвет оказался естественным!

Позднее мы узнали, что я не вызвал у них никаких сомнений, а вот Лив они приняли за переодетую таитянку в белом гриме. На Фату-Хиве считали, что в Европе вовсе нет женщин. Ведь сколько ни приходило шхун, на них было полно белых мужчин — и ни одной женщины. Всегда белые мужчины шли к смуглым вахинам, и никогда к смуглым островитянам не приходили белые женщины!

Ночь выдалась кошмарная: нам пришлось спать в лачуге из листового железа, было жарко и душно, как в печи. Лачуга принадлежала метису — сыну швейцарца и полинезийки. Его звали Вилли Греле, он был местным аристократом и отлично зарабатывал на копре. Покойный отец Вилли дружил с Полем Гогеном,^[6] который жил на соседнем островке Хива-Оа и там же похоронен. Вилли безупречно владел французским языком; впрочем, говорил он очень мало, будь то по-французски или по-полинезийски. Жил он замкнуто, на коренных островитян смотрел свысока и редко покидал остров.

Как ни любил Вилли Греле деньги, он старался быть честным. Островитяне с почтением относились к его богатству. В подвале у Вилли был своего рода «магазин», где он выдавал товары в обмен на копру. Какие товары? Спички, рубахи, муку, рис, сахар. Выбор

небогатый, да и этих запасов хватало ненадолго. Магазин открывался только на закате, когда хозяин приходил домой с работы. Он трудился не покладая рук, заготавливая копру, и был к тому же рьяным охотником; остров знал как свои пять пальцев.

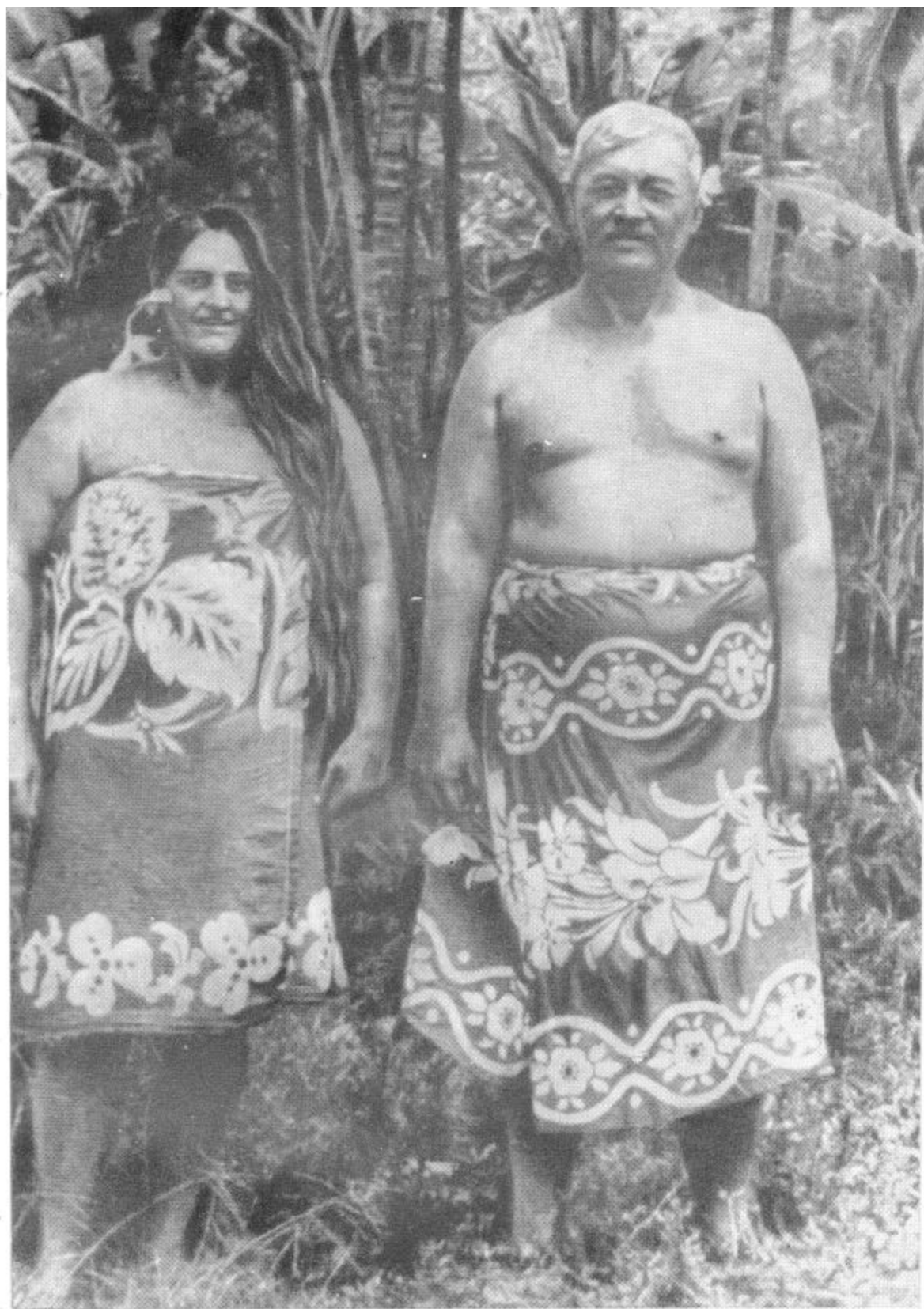
В первый же день мы долго при свете керосиновой лампы обсуждали свои планы. Вилли смотрел на нас, как на диковинных зверей, но совет все же дал. В верхней части долины Омоа, говорил он, в сердце острова, куда редко заходят местные жители и где леса изобилуют плодами, находится именно то, что нам нужно.

Под железной крышей, наглухо отгороженные от всякой романтики, мы всю ночь промечтали о вольной природе, которая нас окружала. Эх, заживем на свободе! Сколько увлекательного нас ждет, сколько неведомого!

Вообще доступ белым на остров был закрыт. Судам разрешалось стоять на якоре в заливе не дольше двадцати четырех часов. Не знаю уж, как это получилось, но нам французское правительство выдало разрешение на въезд и известило об этом местного вождя.

Глухой рокот прибоя поминутно напоминал нам, что мы находимся на уединенном островке. В Тихом океане...

*Териероо а Териерооитераи, великий вождь Таити и его
достойная супруга*

*Наконец-то у цели. Судно возвращалось к цивилизации, а нам
предстояло построить себе дом в лесу*

На руинах старого дворца короля людоедов мы соорудили наш первый дом из бамбука и пальмовых листьев

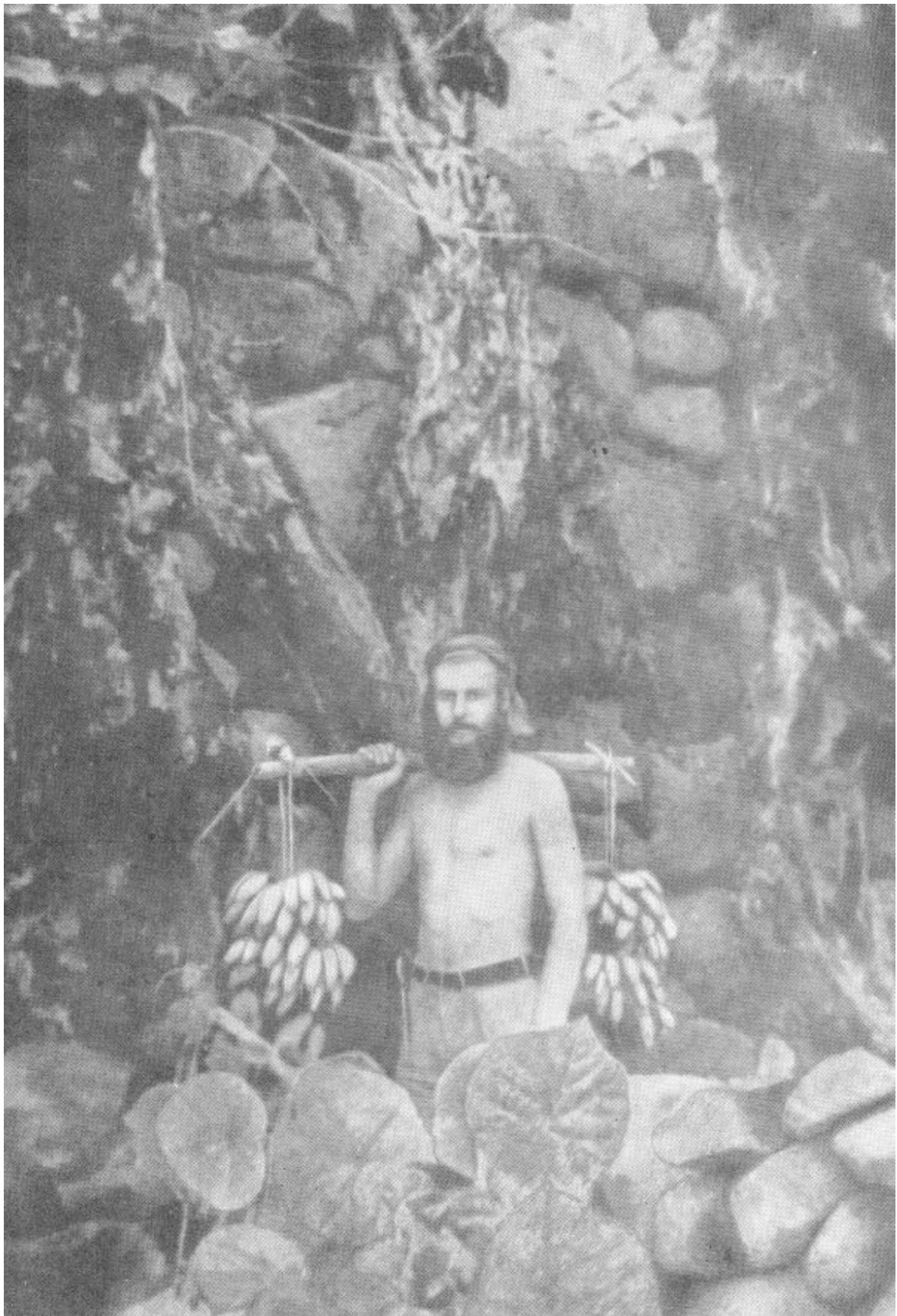

Звонарь Тиоти, весельчак и наш верный друг; его жена Техина — чудесная женщина

Одни плоды я складывал в плетеную корзину, другие вешал на палку, которую перекидывал через плечо

Пестрые пичуги уже пели ликующий гимн солнцу, когда мы утром следующего дня зашагали вверх по долине. Мы шли по старой заросшей тропе, уводящей прочь от деревни. Нам хотелось найти пристанище в глуши, подальше от поселения, от заразных болезней. На ходу мы помахали островитянам, которые купались в мутной речке. Из этого же потока они брали воду для питья. Никто не говорил им, что такое инфекция.

Выше деревни речка была чистой и прозрачной. Протоптанная в рыхлой красной почве тропа вилась вдоль нее. Если рай существует, то здесь для него самое подходящее место... Пальмы, журчащий ручей. Сюда бы еще густую траву и цветочный ковер, к которым я привык в Норвегии! Но под густой сенью пальм и других невиданных растений не может расти травяной покров. Лес, цветущая долина, горы — чудо как хороши. А под пологом леса ничто не радует глаза. Папоротник, сгнившие стволы и лишь местами длинные космы жидкой травы, бессильной прикрыть землю.

Зато как поднимешь голову — не нагладишься! Деревья вечно зелены. Одни цветут, на других появляется завязь, а на третьих уже созрели плоды. Склоны долины заняты дикими зарослями, а на дне ее — сплошной сад. Вот огромный сочно зеленый стебель банана с растопыренными кверху толстыми листьями. Одинок свисает банановая гроздь; недозрелая, она выглядит худосочной, зеленой, но зато как поспеет, становится желтой, пышной, с причудливым цветком внизу.

У бананов различный вкус: некоторые напоминают землянику. Мы насчитали семь видов этого растения. Плоды одних видов длинные, с руку — их варят или жарят, плоды других — совсем маленькие, почти круглые. Скажу особо о феи — редком горном банане; в этой долине он рос в изобилии. Его красивые грозди не свисают вниз, а торчат вверх над верхушкой стебля. Феи варят, он очень питательный и вкусный.

Выше всех поднялся твердый, прочный ствол кокосовой пальмы; к самому небу он вознес свою косматую крону с множеством крупных, тяжелых орехов.

Более скромно и привычно выглядит апельсиновое дерево. Его ветви покрыты небольшими листьями, среди которых гроздьями и

поодиночке пристроились плоды: мелкая зеленая кислятина и огромные желтые шары, превосходящие сочностью и ароматом все, что мы когда-либо ели дома. Вот еще деревца, поменьше, — на них лимоны...

Попадалось нам и хлебное дерево, напоминающее дуб с исполинскими листьями. На его ветвях висели тяжелые зеленые плоды величиной с голову ребенка. Плоды хлебного дерева пекут; вкусом они напоминают одновременно картошку и свежий хлеб.

А вот манговое дерево. С его огромных густых ветвей свисают красные, желтые и зеленые плоды разной величины — есть с яйцо, есть с кулак. Если с них снять кожуру, видна сочная оранжевая волокнистая мякоть, которая облекает большую косточку. Сок приятный, освежающий, с привкусом хвои.

С тонким прямым стволом, с огромными листьями вверху, росла папайя. Ее плоды, напоминающие видом дыню, свисали вниз между ветвями. Нагни гибкий ствол — и собирай их.

Между пальмами и плодовыми деревьями — заросли кофейного кустарника с красивыми красными ягодами, внутри ягод — кофейное зерно. Ваниль причудливо обвивала пальмовые стволы, соперничая с растением, которое мы назвали "воздушным картофелем", потому что его плоды, висящие на длинных «нитях», действительно напоминали плоды картофеля! Много было незнакомых нам сказочных растений, но кое-что мы узнавали. Уроки вождя Териероо на Таити не прошли даром.

Некогда долина была возделанным садом, теперь она заброшена, и плодовые деревья растут неухоженные, вперемежку с дикорастущими. Всюду попадаются старые развалины, покрытые мохом и папоротником. Когда-то здесь жили тысячи людей. Полвека тому назад оставалось всего семьсот. А ныне последние фатухивцы — ровным счетом сто человек, — покинув долину, сгрудились в деревушке на берегу. И там, где, бывало, людям не хватало пищи, теперь гниет множество плодов.

Пройдя далеко вверх по долине, мы расстались с речушкой и поднялись по склону к опушке леса. Здесь из земли, прикрытой огромными листьями, бил единственный родник. И здесь же кончалась тропа; дальше она совершенно заросла.

С нами шел Иоане, родственник Вилли; он рассказал, что когда-то в этом месте был дворец короля.

Прабабушка Иоане была последней местной королевой перед тем, как остров аннексировала Франция. От нее ему досталась в наследство эта часть долины. Хотя людей осталось мало, на острове нет такого клочка земли, который не принадлежал бы кому-нибудь. Вся территория разделена и передается по наследству, и горе тому, кто стащит банан на чужом участке. Если поймают на месте преступления, то доложат вождю...

Дебри совершенно поглотили площадку, на которой в прошлом стоял дворец. Пришлось прорубать себе путь в зарослях. На каждом шагу мы проваливались в выложенные камнем ямы, закрытые сверху сплетением ветвей и плотных корней. Ни один луч солнца не проникал сквозь густые кроны в это царство комаров и мокриц. Зато здесь были превосходная родниковая вода, изобилие плодов и полное уединение; до ближайшего дома — четыре километра. Да и стал бы разве король выбирать себе плохой участок?!

Иоане назначил очень умеренную арендную плату. Мы получали право расчищать участок, строить на нем и собирать плоды сколько влезет. Налог, который надлежало уплачивать вождю, был символическим.

...Солнце зашло, мы одни в лесу. Лив впервые в жизни сама испекла на углях плоды хлебного дерева. Поужинав, мы забрались в свою маленькую палатку, которую поставили под сенью исполинских листьев. И только комары портили всю идиллию.

В эту первую ночь нам многое казалось загадочным. Кто это кричит таким противным голосом, прыгая по палатке? То заквывает лягушкой, то кричит рябчиком. Кто-то затеял возню в лесу поодаль. Дикая свинья? Выше по склону как будто кричит сова, а вот совсем рядом кот замыкал...

Вдруг мы услышали чьи-то шаги: зашуршали листья, хрустнула веточка. Остановился. Опять идет! Возле самой палатки замер. Мы слушали с колотящимся сердцем.

Кто бы это мог красться в лесу среди ночи, кто сейчас подстерегает нас возле палатки? Воображение рисовало нам мрачного островитянина, стоящего у палатки с копьем в руке. Или с большим

камнем. У полинезийцев нет никаких оснований любить белых, к тому же обитатели Фату-Хивы еще недавно были людоедами...

Никакого оружия у нас не было. Я с диким ревом выскочил из палатки наружу. Не знаю, кто сильнее перетрусил — я сам или одурело глядевший на меня бродячий пес. Во всяком случае, песик молнией метнулся в кусты и бросился наутек вниз — по склону; мы его больше ни разу не видели.

Но и после этого не затихло. Вдруг отчетливо послышались ружейные выстрелы. Мы вышли из палатки, прислушались. Странно... Людей-то нет, стрелять некому! Загадка решилась быстро: ночной ветерок ворошил кроны пальм, и время от времени с огромной высоты срывались вниз бомбы дебрей — кокосовые орехи. Пришлось отодвинуть палатку подальше от опасных соседей.

Незнакомые звуки, неведомые запахи... А взглянешь вверх — в небе чужие звезды и лежащий на боку лунный серп. Новая жизнь началась!..

Над горами Тауауохо поднялось солнце, а у нас царил сумрак. Леской полог был настолько густым, что не пропускал ни света, ни ветра, который разогнал бы комаров. Надо немедленно расчищать участок и строить такой дом, чтобы туда не могли проникнуть летающие и ползающие твари!

На завтрак я принес бананы, а Лив испекла на углях какие-то орехи. Запили все водой из выложенного камнями бассейна самой королевы. Здорово! Даже полчища комаров не могли испортить наше великолепное настроение.

И вот мы приступили к расчистке. Длинный нож подсекал сочные банановые стебли, словно зеленый лук. Одно плодовое дерево за другим валилось наземь. Как-то даже не по себе — словно мы уничтожаем чей-то сад, Лив выдергивала ваниль, папоротник, воздушный картофель, кофейные кусты. Мало-помалу в древние королевские владения проникали и солнце и воздух.

На крутом склоне нашему взгляду предстали пять плоских площадок, вымощенных камнем. В стенку возле родника мы воткнули бамбуковый ствол, и вода побежала из него, совсем как в старину, когда повелительница людоедов после завтрака освежала в бассейне свои могучие телеса.

Но мере того как редели деревья, нам открывался чудесный вид. Пальмовая долина, речушка, колышущиеся листья-великаны, могучий папоротник — все оттенки зелени! По ту сторону долины — каменная стена, кручи, остроконечные пики... Вдоль края пропасти то и дело мелькали белые точки — дикие козы, пасущиеся на горных лугах. Подножие обрыва окаймляли заросли бамбука. Мы видели всю долину, до самого устья, но море листвы закрывало от нас и деревню и океан.

Расчищая участок, мы нашли среди каменной кладки древние орудия из камня и раковин и треснувшую деревянную миску. Обнаружили и большое каменное кресло, с которого удобно было обозревать окрестности, и гладкое каменное ложе, из щелей которого росли пальмочки.

Мы не стали их трогать, не потревожили и наиболее редкостные плодовые деревья, и великолепный куст, усыпанный алыми цветами.

Через три дня мы расчистили место для жилья. Настала пора на развалинах древнего дворца строить свою лачугу. Сперва мы хотели ограничиться шалашом из ветвей и листьев, но из этого ничего не получилось. Пришел Иоане, принес наши чемоданы, которые мы оставили на хранение у Вилли Греле. В них была одежда и различные предметы, припасенные нами для долгого плавания. Теперь нужда в них миновала, но Вилли не решался держать наше имущество у себя. Мы объяснили Иоане, что шалаш из листьев — тоже не лучшая камера хранения. Он отчаянно затряс головой и, прибегая к маркизским, таитянским и французским словам, помогая себе жестами, категорически заявил, что не разрешит нам строить такое жилище. Листья завянут, и сквозь крышу будет хлестать дождь, дикие лошади проломают стены, а комары, муравьи и огромные тысячножки окончательно нас доканают.

Что мы знали о местных условиях? А Иоане родился здесь. Иоане сказал, что надо строить дом из бамбука. Старый плут полюбился нам с первого взгляда. Он так убедительно говорил, этот чудака, который гордился своим родством с королевой и бродил по лесу босиком, в соломенной шляпе и белых шортах. И всегда-то он улыбался, отчего все лицо его бороздили мелкие морщинки.

Мы от души поблагодарили Иоане за совет, тем более что он вызвался для помощи нам привести жену и четверых товарищей.

И закипела работа, развернулось строительство на полинезийский лад. Двое мужчин, словно обезьяны, карабкались на пальмы и срубали листья трехметровой длины. Две женщины, сидя на корточках, плели из листьев "черепицу".

Остов дома собрали из круглых стволов, затем настелили крышу. Все части скрепили между собой прочным лубом дерева борао.

Дом подведен под крышу — это уже событие! И мы устроили пир, угощаясь ананасами. Следующий этап — пол, его мы сделали тоже из круглых жердей. Для постройки стен принесли с гор огромные связки молодого темно-зеленого бамбука. Тонкие стволы расплющивали камнем и сплетали вместе. Одна стена готова! С веселым криком и гамом установили ее на место и прочно закрепили. Затем поставили вторую стену, получился зеленый туннель.

Теперь Иоане сколотил нары, на которые тоже пошли круглые жерди. Лежа на них, думаешь, что под тобой бильярдные шары...

В стене, обращенной к долине, вырезали два отверстия, а вырезанные куски прикрепили на место петлями из бычьей кожи. Пожалуйста — дверь и окно! Потом появились торцовые стены, в каждой — по окну. Осталось застелить пол бамбуковыми ветвями, и вот готов наш дом — сплошная зелень, чудо ботаники!

Одно плохо: на Фату-Хиве явно не знали, что такое симметрия. Перекос на полметра нисколько не смущал строителей. У нас-то был задуман дом размером два на четыре метра... Впрочем, стоит ли придираетсяя!

Но высоту нар я все-таки проверил рулеткой. И поспешил опустить один конец на двадцать один сантиметр. Да не тут-то было: Иоане покачал головой и сделал по-старому. Свой глаз верней!

На строительство ушло немало времени: бригада не спешила. С утра они отправлялись в лес за бамбуком и пропадали. Когда же я шел за ними, то обнаруживал, что строители спят крепким сном, окруженные валом из апельсиновой кожуры.

— Не кончим сегодня — завтра снова придем, — утешал нас Иоане.

Он был человек слова. Сказал, что придет, и приходил — три недели подряд! Мы решили, что не стоит их подгонять. Лучше не портить отношения. Попробуй топни ногой, изобрази "белого господина" — на всю жизнь врагом станешь. Полинезиец считает себя

ничуть не хуже белого, и если берется выполнить работу, то исключительно ради дружбы.

И когда строительство наконец завершилось, мы от души поблагодарили наших друзей и постарались щедро вознаградить их. Кухню сделали сами, тут же возле дома. Под навесом из пальмовых листьев, положенных на высокие столбы, соорудили очаг из двух больших камней.

Глава четвертая **В БАМБУКОВОЙ ХИЖИНЕ**

*Знахарь поневоле. Обмен подарками. Первобытная жизнь в дебрях.
Не голоден и не сыт. Мы обретаем друзей. Берег с белыми камнями*

В первый же день, сидя в гостях у Вилли Греле, мы составили список самых нужных слов. Узнав у нас, как это все будет по-французски, Вилли перевел каждое слово на маркизский язык. И,

оставшись одни в лесу, мы вечерами зубрили наш словарик. Странный язык — совсем не похожий на таитянский... На Таити, здороваясь, говорят "иа ора на". Здесь — «каоха». Даже в пределах Маркизского архипелага на каждом острове свои языковые особенности. На Фату-Хиве, например, любят глотать согласные.

Аоэ — нет. **Эуа** — два.

Оао — я. **Оаи** — кто.

Оиа — он. **Эуа** — дождь.

Ауа — они.

Оэ — ты. **Оау** и **Оуиа** — имена

"Некрасивый" по-маркизски «аоэаханахау». "Семнадцать с половиной франков" — дневное жалованье, которое мы платили строителям, — "этоутемонизуатевасодисо". И если из человека, точно бусины, сыплются такие слова, понять его не так-то просто...

Надо было видеть восторг островитян, когда мы пытались говорить на их языке. Они хохотали до икоты. Мы путали гласные, и слова получали совершенно иной смысл.

В эти первые дни я, сам того не ведая, дебютировал в роли волшебника. Помимо досок и рифленого железа, консервированной лососины и спичек, эмалированных тазов, тушеной говядины и нижнего белья, доставляемых на остров «Тереорой», островитяне мало что знали из благ цивилизации. Вот почему зрители с восхищением смотрели, как я превратил маленький сверток в непромокаемый дом (палатку), где вполне можно было спать. А когда я открыл чемодан, со всех сторон потянулись любопытные носы. В бинокль фатухивцы совсем близко увидели пики по ту сторону долины; им пришлось очень по душе "очки, которые приносят горы". Микроскоп превратил насосавшегося кровью комара в такое чудовище, что мадам Иоане визжала от ужаса. Вогнутое зеркало для бритья заменило целый комедийный фильм: они подносили его вплотную к своим плоским носам и смеялись как безумные. Компас и мерная лента, которая сама выскакивала из коробки, тоже пользовались большим успехом. А застежка «молния» могла соперничать с эстрадным обзорением.

Привлеченный моими фокусами, из деревни пришел длинный верзила с опухшей щекой. Зуб... Бедняга скривился, согнулся от боли, на него нельзя было глядеть без улыбки. И его товарищи покатывались

со смеху. Когда он стал умолять меня вылечить его, я понял, что все ждут чуда.

Как раз в этот момент я топил в эфире какого-то редкостного кузнечика. "Эфир..." — подумал я. Честное слово, я где-то слышал, что эфир помогает от зубной боли... Верзила раскрыл огромную пасть с редкими зубами, публика затаила дыхание, и я сунул пациенту в рот ватку, смоченную эфиром. Минута напряженного ожидания...

Пациент, изобразив на лице нечто невообразимое, жевал ватку...

— Дыши носом, — приказал я.

Если это сойдет хорошо, то мне сам черт нестрашен!

Моя рука невольно поднялась поправить несуществующий воротник.

Бедняга скривился еще больше — не понятно, от боли или от блаженства.

— Выплюнь! — завопил я, увидев, что у него как-то странно дрожат колени.

Несуществующий воротник еще сильнее сдавил мне горло.

Он вытащил ватку и смиренно ждал следующего распоряжения.

— Дыши глубже, — велел я.

Верзила задышал так, что запах эфира распространился по всей поляне; зрители восхищенно ахнули.

— Ватку на зуб! — распорядился я.

Кажется, он и не такое способен выдержать...

Пациент послушался. Что вы думаете — лечение помогло! И с этого дня долговязый Тиоти был нашим искренним, вернейшим другом.

Островитяне не скупались на дары. Куры, петухи рыба, свинина сыпались на нас как из рога изобилия. Каждый день кто-нибудь поднимался вверх по долине, чтобы осчастливить нас. Мы были в отчаянии от этих подношений. Бамбуковая хижина заполнилась съестным от пола до потолка, и ведь отказаться нельзя... Зато, когда наступала ночь, мы незаметно уносили лакомства в лес и зарывали в землю под большим камнем. Пусть лучше там гниют. Кормить было некого, паршивый дикий пес боялся к нам близко подойти...

Однажды щедрость островитян объяснилась. Мы услышали, что здесь положено благодарить подарком за подарок. Пришел наш черед... Правда, у нас не было ни кур, ни рыбы, зато пригодилось

содержимое чемоданов. И когда все, от бритвенного прибора до юбок и мерной ленты, переменило владельцев, хождение по долине Омоа прекратилось. Нас наконец-то оставили одних.

Счастливые дни! Нам было очень хорошо в нашем бамбуковом жилище. Никакие обои не могут соперничать с бамбуком! Зеленые клеточки плетеных стен сменялись золотисто-желтыми, да и на потолке зеленые и коричневые клетки образовали самые затейливые узоры. Комнату украшали чудесные черепаховые панцири и цветочные вазы из бамбука, окна смотрели на долину, которая казалась нам сплошным экзотическим садом...

Из мебели у нас кроме нар были две табуретки, связанные из жердей, и такой же столик. Тарелками нам служили огромные перламутровые раковины, переливающиеся всеми цветами радуги, чашки мы сделали из скорлупы кокосового ореха. Лив никак не хотела есть тем способом, которому нас учил Териieroо, и мы обзавелись ложками из бамбука. Пальмовые листья были нашим матрасом — вот только тепла от них мало. Да-да, едва наступала ночь, как температура резко менялась. С гор дул холодный ветер, и мы тщательно кутались в пледы, которыми пользовались в плавании.

А поверх пледов на нас густо сидели комары. Те самые, которые распространяют слоновую болезнь. Не дневные комарики, а другие, которые прилетают и жалят ночью. И пришлось нам купить у Вилли противомоскитную сетку. Мы затянули ею окна, а тем, что осталось, укрывались сами. Теперь нам самая ядовитая сколопендра была не страшна! И как мы сладко спали!..

Нашим будильником была маркизская кукушка; на Фату-Хиве ее называют ку-ку. Других часов у нас не было — и не надо! Солнце круглый год восходит здесь почти точно в шесть утра и заходит в шесть вечера, и кукушка ни разу нас не подвела. Мы просыпались от ее хриплого монотонного крика и, выглянув в окно над нарами, видели, как она, пестрая и яркая, словно попугай, порхает по хлебному дереву.

По сигналу кукушки начинался ежедневный утренний концерт. На пальмах восхитительными трелями заливались желтые певчие птицы. Их привлекла наша расчищенная площадка — здесь они отлично видели насекомых, копошащихся на земле.

Лучшее время суток эти утренние часы, когда воздух освежает последнее дыхание ночного ветерка и птицы поют-запевают, а первые лучи солнца уже ласкают пальмовые кроны, расцвечивают золотыми бликами бамбуковый пол... Во всей природе — бодрость и ясность, и мы тоже ощущали прилив свежих сил.

Позже, по мере того как солнце все выше поднимается над горизонтом, отдавая свои лучи тропическому лесу, человеком овладевает какая-то истома. Палящего зноя нет — восточный пассат прилежно проветривал нашу обитель. Не в жаре дело, самый воздух давит на вас, выжимая всю энергию.

Дослушав утренний концерт, мы соскакивали с нар и подставляли тело струям из родника королевы. Там мы часто заставали врасплох красивую дикую кошку, которая лакала чистую воду. Из-под самых ног с тропы во все стороны улепетывали разноцветные ящерицы. Завтрак висел на ветвях хлебного дерева, заменявшего нам кладовку. Это были бананы и другие собранные нами плоды. Поев, я отправлялся в лес за хлебом насущным.

Наш домик находился в самой плодородной части долины. Лес здесь состоял из бананов с примесью других растений. Всюду — созревающие плоды; спелые тотчас падали на землю, становясь добычей жучков, муравьев и червяков. Следовательно, нужно было найти и собрать не совсем зрелые фрукты. В нашей солнечной кладовке они быстро дозревали.

Редко на пальме висели целые бананы. Увидишь желтый плод, сорвешь его — оказывается, одна лишь кожура осталась. Ловкие крысы опережали нас, им помогали ящерицы и банановая мушка. Но мы не расстраивались — плодов в лесу было вдоволь.

Лив оставалась дома стряпать под кухонным навесом, а я шел на добычу, облаченный в пеструю набедренную повязку и вооруженный огромным ножом в ножнах из бычьей кожи. Идешь под солнцем и загораешь... Привыкнув ходить босиком, я наслаждался прикосновением мягкой земли, теплых камней, прохладного ила в ручье. Ветки и листья гладят нагое тело, даря тебе ощущение особого приволья, тесного общения с природой. А как обостряется восприятие, когда не подошва ботинка, а босая нога ступает то на камень, то на палки. Двигаешься гибче, вольнее и чувствуешь себя бодрее, когда тело не облачено в одежду, а обвеивается свежим ветром.

Я рыскал взглядом по кронам и собирал нужные нам фрукты. Одни складывал в плетеную корзину, другие вешал на палку, которую нес на плече. Кокосовых орехов всегда валялось сколько угодно на земле вокруг дома, но за апельсинами и другими фруктами приходилось отправляться в лес. У нас очень скоро пропала охота лазить по апельсиновым деревьям — слишком уж много на них шипов. Удобнее было, стоя внизу, сбивать плоды длинной жердью с крючком на конце.

Своеобразно происходил сбор бананов. Мы не карабкались за гроздьями на банан, а просто срубали его. Удар секачом — и растение валится наземь. Пусть даже оно в разрезе диаметром с тарелку — все равно стебель очень мягкий и сочный. Рубанешь стебель и хватай гроздь, прежде чем ее раздавит при падении.

Поначалу этот способ казался нам варварским, но мы скоро поняли, что это уж не так страшно. Все равно банан за всю свою жизнь плодоносит один раз. А оставшийся кусок стебля, который напоминает луковицу в разрезе, тотчас начинает расти, внутренние кольца вытягиваются вверх в виде воронки, и что ни день, то выше. Через две недели высота стебля достигает роста человека, и из его верхушки во все стороны протягиваются широкие листья. В итоге опять вырастает новый банан, который меньше чем через год снова плодоносит!

Кое-где от речушки тянулись маленькие каналы, они вели к обложенным камнями болотцам — древним плантациям таро. Большие листья этого растения образовали сплошной ковер. Мы варили клубни таро и ели их вместо картофеля. Кругом росли ананасы и сахарный тростник, стебли которого вкусом напоминали леденцы, но нисколько не портили зубов.

Нагрузившись всевозможной зеленью, я спускался к речушке, потом шел вдоль нее по тропке, ведущей к нашему дому. В здешних джунглях не было змей — они не смогли перебраться на эти острова. Не было у нас и скорпионов. Вообще-то скорпионы ухитрились проникнуть с судами на архипелаг, но дальше галечного берега они не пошли. Единственной ядовитой тварью, которой нам приходилось остерегаться, была огромная, с ладонь, желтая тысяченожка. Укус тысяченожки не смертелен, но мы все-таки старались не наступать на нее.

А дома Лив, окутанная клубами дыма, стряпала обед. Таро и феи очищены, на углях лежат испеченные плоды хлебного дерева. На третье задуман сюрприз: Лив вся в копоти и слезах, искусно орудуя двумя мокрыми палочками, пекла прямо на огне чудесное печенье.

— Попробуй! — она подала мне ореховую скорлупу, в которой лежали какие-то угольки. — Жаль только, пригорело сверху.

— Ничего, — ответил я, — зато внутри сырое...

Нет, что ни говори, Лив великолепный повар, она к любой трапезе умела приготовить лакомые блюда по рецептам каменного века...

Так прошла неделя, другая, третья. Однажды, встав из-за обеденного стола, мы ощутили голод. Живот был набит, как барабан. На столе остались лежать плоды хлебного дерева, таро и бананы, с которыми мы не справились. Не потому, что невкусно, просто больше не могли их есть. И все-таки мы ощущали голод!

Вечером мы долго не могли уснуть.

— Послушай, Лив, — сказал я, — копченая лососина.

— Жаркое, — отозвалась Лив. — Свиная отбивная с кислой капустой.

— Нда, — сказал я. — А как насчет рябчика с подливкой? Что?!

— Бифштекс, — спокойно ответила она.

Победа осталась за ней...

Ночью мне приснился обед из трех блюд. Я еще не успел облизать последнюю тарелку, когда подала голос кукушка.

Надо было что-то предпринимать. Не дожидаясь завтрака, я сунул за пояс секач и зашагал вниз по склону. Щebetали птички, куковала кукушка... В долине речка мурлыкала свою вечно новую песенку. Присмотрев заводь, я вошел в воду и нагнулся, всматриваясь в дно. Внимание! Из-под камней рывками выползали какие-то неуклюжие черные твари! Они медленно приближались, выпучив глаза, точно загипнотизированные видом моего носа. Один царапнул мне колено своей длинной жесткой клешней. Но я стерпел, потому что одновременно второй подкрался к моей руке. Ущипнул ладонь... Рванувшись вперед так, что брызги полетели, я сжал пальцы в кулак. Куда там! Не так-то просто, оказывается, поймать рака!

Когда рябь улеглась, на пестром дне не было видно ни одного рака. Впрочем, они скоро появились опять — и снова я

опростоволосился. Так повторилось несколько раз, пока большим ракам игра не надоела, и только мелюзга продолжала меня дразнить. Я пошел вверх по речушке, по дороге спугнул нескольких здоровенных раков, которые окружили разбитый кокосовый орех. Вдруг меня осенило: надо сделать ловушку, положить для приманки орех... Несколько попыток, и я наконец-то восторжествовал!

Держа в руке первого добытого мною рака, я чуть не плясал от радости. И когда солнце возвестило полдень, я пришел домой с целой охапкой чудесных раков, завернутых в большие листья. То-то было ликование! Никогда не забуду наше пиршество — вареные раки и жареные плоды хлебного дерева. Сперва мы насладились нежным мясом. Потом сгрызли все клешни и панцирь, запив их лимонным соком, и наконец-то ощутили блаженную сытость... Существенное пополнение нашего меню!

Мы устраивали все более хитроумные ловушки и стали ловить на кокосовый орех не только раков, но даже каких-то рыбешек.

И жизнь в бамбуковой хижине снова казалась нам прекрасной.

Как-то раз, когда я плескался в речушке, добывая раков, из-за высоких стеблей папоротника вдруг появился островитянин. Он был настолько поглощен своим делом, что даже не заметил меня. В одной руке у него была миска из высушенной тыквы, в другой — тонкое двухметровое копьё с металлическим наконечником.

Он разжевал кусочек кокосового ореха и выплюнул кашицу в речушку. Течение понесло ореховые крошки под камни... Вдруг копьё молниеносно нырнуло — и тотчас вынырнуло, извлекая из воды трепещущего рака.

"Вот оно что..." — подумал я, вставая. Миска была полна раков, пронзенных острым копьём.

— Каоха! — крикнул я островитянину.

— Бонжур, мсье, — учтиво ответил он по-французски и протянул руку для приветствия, поклонившись до самой земли.

Это был местный священник. Я спросил — не его ли звать Пакееее, и, услышав утвердительный ответ, увлек священника к своей хижине, где вручил ему письмо на полинезийском языке. Оно было написано Териероо, таитянским вождем, который велел мне передать письмо Пакееее, если доведется его встретить. Дело в том, что

Пакееее учился на Таити читать и писать, чтобы стать священником; там он и познакомился с вождем Таити.

Териероо очень вежливо просил его потеплее принять меня и Лив. Мол, мы приемные дети таитянского вождя, да к тому же еще и настоящие протестанты. И Пакееее постарался добросовестно выполнить просьбу своего друга.

Трое суток, с утра до вечера, длилось пиршество у священника. Хозяева резали скот, ловили рыбу, собирали плоды; на кухне непрерывно сутились женщины и дети, и сквозь ее бамбуковые стены непрестанно струился дым. Стол был накрыт для священника, нас и звонаря — вахины и дети ели, сидя на полу. Представляете себе, сколько было радости, когда оказалось, что звонарь — не кто иной, как Тиоти, тот самый, у которого болел зуб!

Но праздник был только для протестантов, и все местные католики торчали за изгородью, глядя, как мы уписываем свинину и курятину. В жизни не видал более унылых физиономий.

— А что — много протестантов на Фату-Хиве? — вежливо начал я застольную беседу.

Священник утерся простыней, которая заменяла скатерть, подумал и начал считать по пальцам.

— Нет, — заговорил он наконец, — к сожалению, католиков больше. Все отец Викторин виноват: когда объезжал острова, щедро платил рисом и сахаром тем, кто переходил в его веру.

— А все-таки сколько же протестантов? — домогался я.

Священник опять посчитал.

— Один умер, — сказал он. — Выходит, остается двое — я и звонарь.

Он смущенно улыбнулся и добавил:

— Был еще один, но он переселился на Таити.

На третий день пиршества мы просто не могли больше есть. После обеда звонарь Тиоти откуда-то достал огромную, больше локтя длиной, раковину, вышел на дорогу и трижды громко протрубил в нее. Потом вернулся к столу. Долгий антракт — затем он повторил свой номер. Еще антракт, и еще один концерт на раковине. После третьего выступления Тиоти священник торжественно объявил, что они со звонарем идут в церковь, ведь сегодня воскресенье.

По каким-то неведомым соображениям нас в церковь не пригласили, зато нагрузили остатками угощения, чтобы мы их унесли домой.

Рядом с дощатым домом священника стояла бамбуковая лачуга без окон, крытая пальмовыми листьями. Это и была церковь протестантов. А поодаль мы увидели католический собор — дощатые стены выкрашены белой краской, крышу из рифленого железа венчает шпиль... Да, пожалуй, на Фату-Хиве и впрямь почетнее быть католиком.

Мы зашагали вверх по долине, а священник и звонарь отправились в свой бамбуковый сарай.

Кроме еды священник одарил нас всевозможными редкостями. Меня больше всего поразил коралл причудливой формы. Когда мы плыли вдоль побережья Фату-Хивы, я не видел ни одного рифа — следовательно, если верить науке, кораллов здесь быть не должно. Но белый как снег коралл был найден на Фату-Хиве!

И однажды рано утром мы вместе со звонарем и его женой, очень приветливой, добродушной женщиной, отправились в дальний поход. Нас обещали повести туда, где есть кораллы, на пустынный берег с красивой белой галькой, который островитяне называли Тахаоа.

Нелегкий это был путь! По узкому бережку, по обвалившимся сверху каменным глыбам. Справа бесновался океан, слева к небу поднимались грозные красноватые скалы. Здесь каждый день бывали камнепады, особенно после дождя.

Невелик простор для прохода... Могучие океанские валы обрушивались на остров, кипя и пенясь среди глыб, по которым мы шагали. Потом глыбы сменились узким карнизом из застывшей лавы. Стали попадаться всевозможные гроты и пещеры. Мы шли по изваянным природой мостикам, заглядывая в шахты и провалы, на дне которых плескалась вода. В одном месте что-то гудело и рокотало прямо в толще скалы у нас под ногами, а из расщелины через равные промежутки времени вырывался фонтан.

Не слишком приятный маршрут, но Тиоти чувствовал себя уверенно. Он смело прыгал босыми ногами с одного острого камня на другой. Этот человек мог бы, наверно, плясать на битом стекле...

Путь занял не один час; наконец мы, обогнув выступ в скале, спустились с глыбы на красивый пляж. Тахаоа...

На километр с лишним протянулась полоса ослепительно белого песка и белоснежных камней. Ее окаймляли отвесные скалы, вдоль подножия которых росли пальмы и зеленела трава.

Удивительное чувство овладело мной, когда я очутился на этом загадочном берегу, где все переливалось и блестело на солнце. Редкие на Маркизских островах участки плоского берега в устьях долин обычно сложены мелким-мелким угольно-черным лавовым песком. Здесь я увидел нагромождение коралловых глыб, и песок был тоже смесью кораллов с миллионами перемолотых в порошок ракушек.

От берега далеко в океан протянулись отмели — точно пруды, окаймленные пестрыми, красными, желтыми и зелеными рифами. Могучие волны, спотыкаясь о рифы, разбивались вдребезги о баррикаду, которая пропускала только слабые, постоянно освежающие воду струи.

Какой замечательный аквариум! По краю природной чаши было множество раковин и моллюсков, в толще воды буквально кишела жизнь. Дно выстилал ковер всех цветов радуги — водоросли и непрестанно колеблющиеся морские анемоны. Полчища плавающих и ползающих тварей... Стайками сновали пятнистые рыбки от круглых до тонких, как нитка. Удивительное разнообразие видов и щедрое изобилие красок. Красные рыбки старались держаться над красными пятнами дна: там их было труднее обнаружить. Ведь из океана нередко приплывают рыбы покрупнее, и тогда малышам приходилось несладко. Большие преследовали маленьких, а самым крохотным — с монетку — вообще лучше было не высовываться. Увидят злую морду морского угря или клешню грозного краба — и юркнут в чашу игл черного морского ежа. Малютки великолепно знали, что здесь они защищены острыми подвижными штыками. Даже самый опасный враг избегал приближаться к морскому ежу. Наткнешься — игла обломится, и ядовитое острие с закорючками прочно застрянет в ранке.

Своеобразное общество... Ползают, бегают, снуют, кишат, переливаются разными цветами. Лежа на рифе, мы готовы были без конца наблюдать эту картину.

Вдруг нас окликнул Тиоти: пора обедать. Стоя на внешнем рифе, он занес над головой длинное копьё. Вот уверенной рукой молниеносно метнул его в воду, и на острие забились рыба.

Мадам Тиоти уже облюбовала «стол», и мы уселись вокруг одной из белых глыб на берегу. Тиоти достал из кармана два лимона и выдавил их сок в ямку на камне. Затем он длинным ножом изрубил на мелкие кусочки отчаянно бьющуюся рыбу, разукрашенную красными и зелеными пятнами. Эти куски его жена размяла в лимонном соке. Блюдо готово! Сам звонарь уже уписывал за обе щеки. Я выловил пальцем скользкий кусочек и стал прилежно жевать. Как-никак мы не первый раз ели сырую рыбу на Фату-Хиве... Бедняжка Лив бросила свою порцию в воду: может, еще оживет?

Следующее блюдо. Мадам Тиоти еще раньше собрала на берегу несколько больших улиток. Теперь она расколола раковины камнем, точно орехи, потерла улитки о коралл и сполоснула в море. Прошу! Я стал есть, стараясь думать об устрицах. Но третье блюдо оказалось еще более неожиданным — каждый получил по морскому ежу! "Ешьте, ешьте, — приговаривал Тиоти. — Эти не ядовитые". Словно подушки для иголок — и до него же колючие... Чтобы такое переварить, нужен желудок из чертовой кожи. Я осторожно тронул чудовище, поглядывая на звонаря. Тогда он спокойно взял ежа за самые длинные иглы и сильно стукнул его о камень. Шлеп! Внутри оказалось нечто весенне-зеленое с красными комочками. Звонарь извлек пальцем содержимое и вкусно причмокнул.

Лив положила свою порцию на песок и сказала: "Кш, пошел прочь!" Но животное оказалось слишком неповоротливым, оно не тронулось с места. Я, зажмурившись, разбил ежа о камень и сделал глоток, твердя себе, что ем суп из саго и смородинное желе...

А нас ждало еще и четвертое блюдо! Оно отчаянно извивалось между камнями, не теряя надежды на спасение. Мне всегда становилось тошно при одном виде скользких "морских сосисок". Без особого энтузиазма я попытался представить себе норвежские копченые колбаски, но этот номер не прошел!..

Глава пятая
НЕТ ЖИЗНИ ПОЛИНЕЗИЙЦАМ В
КРАЮ ИЗОБИЛИЯ...

*Наскальные рисунки в дебрях Фату-Хивы. Эпидемия на острове.
Сокровища и привидения. Неведомый враг. Мы бежим в горную
глушь. Опасная встреча. Возвращение в долину. Отец Викторин*

Чокк! Чокк! Чокк! Секач врубался в стволы и сучья, расчищая нам путь в зарослях. Впереди шли трое смуглых островитян, за ними — Лив и я.

Мы поднимаемся все выше и выше — и чем выше, тем тяжелее идти. Душно, мы обливаемся потом. Над крутыми склонами горы Тауауохо повисли грозные тучи. Там, наверху, почти непрерывно лил дождь. Каким бы синим и чистым ни было небо над океаном, вершина постоянно куталась в косматое облако.

Ну и склоны... То головокружительные обрывы, то такие густые заросли, что никаким топором невозможно прорубить себе дорогу к вершине. Некуда поставить ногу: на земле бурелом — сплошное переплетение ветвей и гниющих стволов.

Но мы не собирались покорять вершину Тауауохо. Мы отправились в лес посмотреть удивительную рыбу, обнаруженную там островитянами. Совершенно необычайную рыбу — каменную!

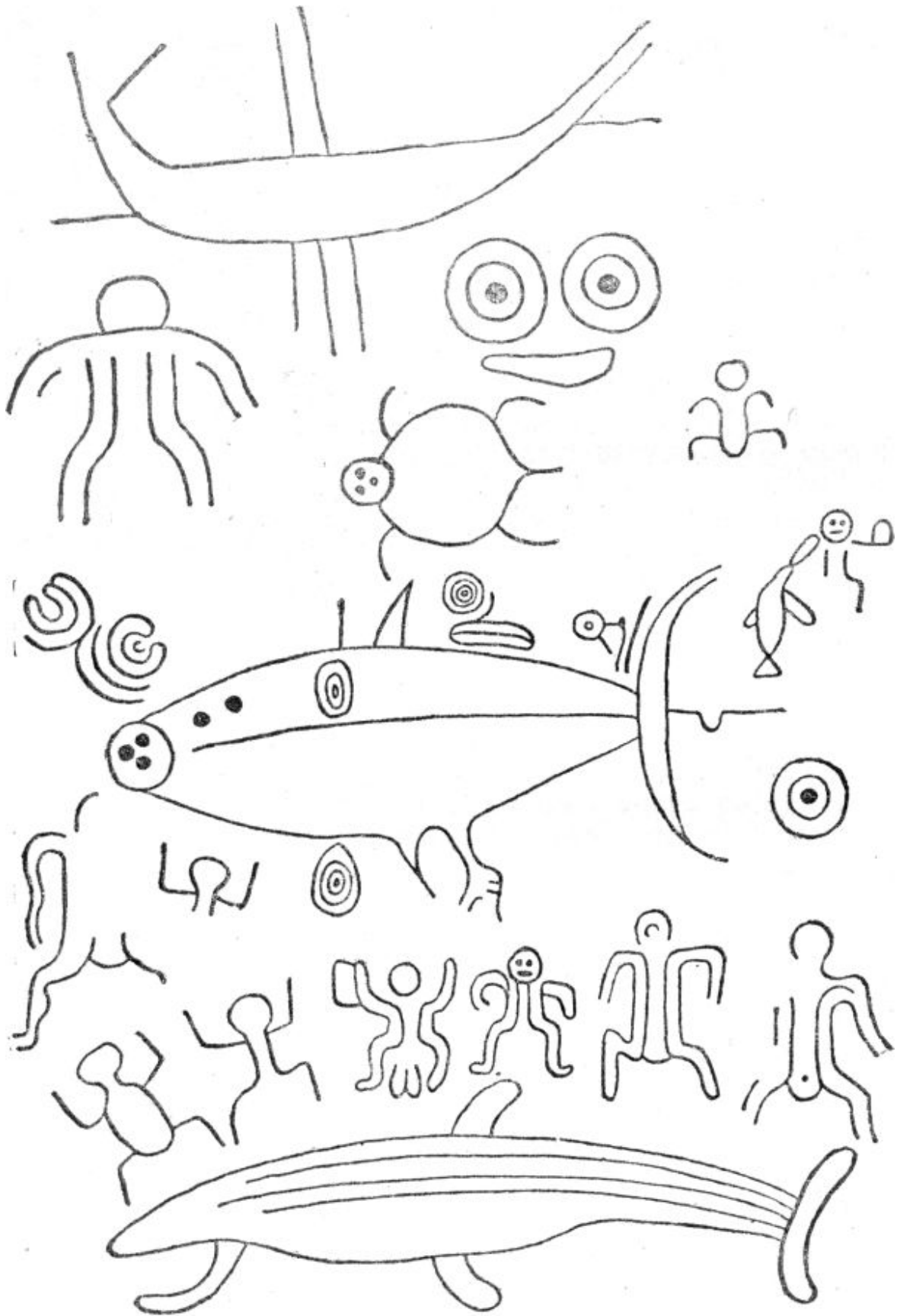
В чаще леса была прогалина, где среди древних развалин издавна росли кокосовые пальмы. Здесь мы устроили привал. Наши друзья легко вскарабкались вверх по пятидесятиметровым стволам и сбросили оттуда зеленые орехи. Взяв себе по ореху, мы срубили секачом верхушку и жадно выпили содержимое.

Вдруг по лесу прошел ветерок — такой, который всегда предшествует тропическому ливню. Точно низвергающиеся с неба лавины воды теснят воздух... Птицы заматались в поисках укрытия, и в следующий миг хлынул дождь. Мы вооружились вместо зонтов огромными листьями. То количество воды, которое у нас в Норвегии льется с неба несколько дней, здесь обрушивается за несколько минут. Вот уже солнце вынырнуло из-за туч, через долину перекинулась радуга.

Идем дальше через мокрые заросли. Вскоре мы очутились на склоне, который спускался к ручью. Здесь лес был реже. Исполинское дерево, упав, смело все на своем пути. Наши друзья объяснили, что это — священное дерево, одно из тех, которые здесь посадили очень-очень давно. Возле самого ствола, почти совершенно скрытые кофейными кустами, лежали две мощные каменные плиты. Полинезийцы взволнованно указали на боковую грань самой крупной плиты.

На мшистой поверхности камня было видно высеченное изображение удивительной рыбы. Рыбу окружали таинственные рисунки

— Оэ ита иа те коа? — Видишь каменную рыбу?

Действительно, на мшистой поверхности камня было видно высеченное изображение удивительной рыбы, от головы до мощного хвостового плавника — два метра. Рыбу окружали таинственные рисунки. Несомненно, в древности все это носило некий магический смысл. Верхняя грань плиты была совершенно плоской, потом я заметил в ней несколько желобков. В чем же все-таки дело?..

Я попросил островитян расчистить заросли, срыть дерн. Показалась еще одна огромная плита, испещренная странными знаками. Полинезийцы всполошились и стали испуганно шептаться. Мы очистили камень от мусора, и нашему взору предстали новые рисунки.

Примитивные изображения мужчин и женщин, непонятные линии... Островитяне смотрели на них с благоговением.

— Тики, — забормотали они, — менуи тики.

Из тьмы веков предстали дневному свету древние боги.

Лес притих после дождя, над сводом дебрей прямо в небо, точно нож, вонзался красноватый лавовый шпиль. Казалось, он охраняет древние тайны каменных плит, чутко следя за тем, что мы делаем. У наших ног, словно заколдованные солнечным светом, окаменели в пляске гротескные фигуры. Много столетий пляшут они, с той самой поры, когда на Маркизских островах господствовала таинственная культура, созданная загадочным народом, о котором наука ничего не знает... Откуда пришли эти люди, кто они?.. Толстые стены и террасы из огромных камней — вот все, что осталось от тех времен. Народ, живший здесь, был родствен тем людям, которые некогда воздвигли удивительные статуи на острове Пасхи. Этот загадочный народ давным-давно истреблен. Его оттеснили в горы и уничтожили воинственные полинезийцы, когда приплыли на Маркизские острова лет этак семьсот тому назад. Но и происхождение полинезийцев, немногочисленные потомки которых дожили до наших дней, тоже нерешенная загадка. Мы не знаем, откуда они явились, из каких мест начали покорение необозримого океана на утлых челнах.

У этих полинезийцев — лучших в мире мореходов — есть что-то общее с древними викингими. Но пока что их исконная родина

неизвестна. Их собственные легенды о происхождении народа неясны. Они совершенно необычным образом увековечивали свои родословные: плели веревочки из кокосовой пеньки, обозначая каждое поколение узелком. Европейцы еще застали этот обычай — у каждого рода была своя родословная — и, считая узелки, пришли к выводу, что предки островитян освоили эти земли около семисот лет назад.

Мы смотрели на каменные плиты, словно исписанные неведомым шифром. Впервые в этих местах были открыты наскальные изображения. Тщательно приглядевшись, мы увидели среди них не только человеческие фигуры, но и рыб, черепах, магические маски, большие, широко раскрытые глаза.

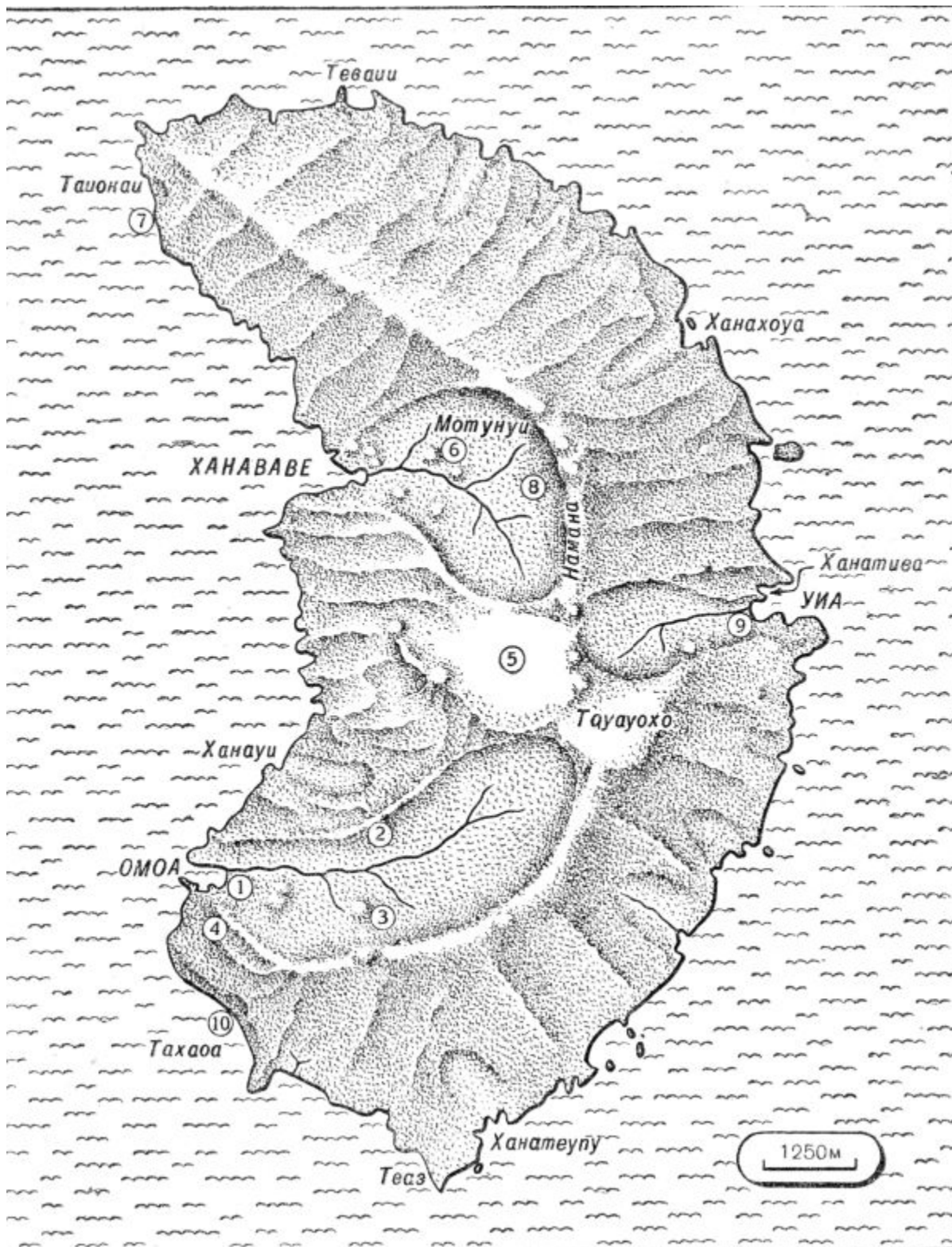
Некоторые рисунки мы не смогли разобрать. Что это: тысячножки, раки или длинные ладьи с веслами? Кое-что было стерто временем. И какое же тут множество изображений!

Рядом в зарослях мы нашли каменную площадку, окаймленную стеной, на которой были высечены огромные глаза. Может быть, это развалины древнего храма?

...Вечерело. Островитяне торопились домой, мы отпустили их, вознаградив за помощь. Косые лучи солнца еще освещали грани каменных плит, придавая гротескным фигурам особую рельефность.

Когда над лесом взошла луна, мы уже лежали на своих бамбуковых нарах. Спать не хотелось. Мы думали о безжизненных изображениях, которые исполняют свой танец при свете луны... Думали о вымершем народе, который некогда владел островами — от Маркизского архипелага до Пасхи. И что-то подсказывало нам, что можно найти еще немало скрытых следов древней культуры в глухих дебрях Фату-Хивы — острова, забытого наукой.

Остров Фату-Хива:

1 — берег, на котором мы высадились; 2 — наша бамбуковая хижина; 3 — наскальные изображения; 4 — древние развалины и

черепа; 5 — неизведанные горные плато; 6 — лес, охраняемый табу; 7 — "ночная вода"; 8 — развалины, истуканы и рисунки на камне; 9 — наша "свайная хижина" в долине Уиа; 10 — пещера — наше последнее убежище

Лежа на спине каждый в своей заводи, мы уписывали апельсины. Огромные листья, свисающие над рекой, защищали нас от обжигающих лучей полуденного солнца. Нас окружал пышный тропический зеленый мир. Высоко-высоко в небе косматые кроны венчали замшелые стволы кокосовых пальм. Солнечные лучи переливались на белом оперении двух диких голубей, которым ветер никак не давал сесть на ветви.

Мы наслаждались прохладой в журчащем горном потоке. Приметив на воде плывущие из чащи борао желтые цветки, спорили, какой из них быстрее доплывет. И собирали пищу к обеду — крадущихся раков, которых привлекали в заводь наши белые ноги.

Бодрость после купания и упоение жизнью в пышном пальмовом лесу переполняли душу, когда мы, выйдя на берег, пошли домой, в нашу бамбуковую лачугу. По дороге мы выдернули из земли несколько клубней таро — вот и гарнир к ракам.

Неожиданно на тропе показался всадник. Он ехал в лес за плодами хлебного дерева, а заодно прихватил для нас из деревни кусок свинины, который был завернут в большие листья. Почти две недели мы не видели людей. Всадник выглядел очень скверно, и нас пронизал холодок, когда он спросил — не дошла ли сюда чума? Оказалось, что шхуна «Моана», зайдя за копррой в соседнюю долину Ханававе, принесла на остров болезнь. Теперь там все хворают и в долине Омоа тоже. Многие умерли, сам он только что выздоровел...

— Сюда болезнь позднее придет, вы на отшибе живете. — Болезненно бледный островитянин улыбнулся нам и причмокнул, подгоняя лошадь вверх по тропе.

Мы посмотрели на свои руки, на завернутое в листья мясо... Вот тебе и тропический рай!.. Эпидемия. Скоро и до нас доберется.

Обед никак не хотел лезть в горло.

День проходил за днем, мы ждали чумы. И она явилась. Мы приготовились к самому худшему. Но дальше боли в горле (у меня) и расстройства желудка (у Лив) дело не пошло. Лив поминутно бегала в

пальмовую рощицу поодаль. А затем «чума» и вовсе прошла. Мы от души смеялись: подумаешь, легкий грипп, только и всего!

Но вот однажды к нам постучался наш друг, звонарь Тиоти. Он был очень бледен, сильно кашлял, глаза блестели от жара. Мы не узнавали долговязого весельчака.

— Мсье не мог бы спуститься, сфотографировать последнего сына Тиоти? Остальных детей унесла чума.

Понурившись, он брел впереди меня вниз по долине.

В деревне дело обстояло совсем плохо. Всюду резали свиней: чуть ли не в каждой хижине шли поминки. Настроение у всех было мрачное.

Облачившись в европейскую одежду, островитяне ходили навещать больных. Врачей на острове не было, и некуда ехать за помощью. Никто им не рассказывал о бактериях, и они мало заботились о чистоте. С ужасом входил я в темные дощатые домики, где рядом со здоровыми лежали, кашляя, умирающие.

Белые сбывают островитянам самые скверные товары, прививают им свои худшие пороки, а хорошие стороны европейской культуры сюда не доходят. Полинезийцы обречены на гибель. У них не было иммунитета против болезней, которые сюда завезли европейцы. В этом белых трудно винить. Теперь иммунитет выработался — зато нет знаний, которые помогали бы бороться с болезнями. В этом виноваты белые.

Если бы мы жили в таких условиях, как островитяне, мы бы очень скоро все повымирили. Большинство из них поражено болезнями, которые нас бы тотчас скосили. Но островитяне привычны к ним с детства. Для них болезнь — нечто неизбежное... И только когда ко всему еще добавится грипп или пьянство, организм не выдерживает. Вот почему легкий грипп на этих островах — та же чума.

Старик Иоане трудился без передышки. Он был местным столяром и гробовщиком. Когда болезнь валила с ног кого-нибудь из его односельчан, Иоане приходил к нему в дом и прямо у постели больного сколачивал гроб. Говорите про полинезийцев что хотите, но смерти они не боятся. Для них смерть — возможность встретиться с предками, свидетелями славного прошлого острова, увидеть своих умерших друзей.

При жизни островитяне никогда не обувались. Даже на званый обед, когда полагалось надевать соломенную шляпу, шорты и пиджак, они приходили босиком. Возможно, дело в том, что у них очень широкие ступни. Но после смерти, когда тесная обувь уже не страшна, их обували в чистые белые тапочки. На тот свет покойника сопровождали гармонь, колода карт и прочие земные предметы. Хоть они и считали себя католиками, старая вера в то, что после смерти предстоит путешествие в страну предков — Гавайки, сохранилась. То-то будет весело — сыграть на гармошке для древних людоедов!..

Между тем наша жизнь в бамбуковой лачуге текла по-старому. Беспечные дни помогли быстро забыть трагедию в деревне. То ласково светило солнце, то дождь хлестал по крыше нашего дома. Луна выходила в ночной обход, играя бликами на лаково-черных листьях заколдованного леса...

После первого открытия таинственных каменных плит мы увлеклись поисками следов древности. До нас дошел слух об удивительных находках, которые островитяне сделали в джунглях. В гротах и в тайниках среди развалин будто бы лежали старинные изделия искусства. Большинство островитян безумно боялось этих памятников старины. Собственность мертвых охранялась страшными заклинаниями, и когда островитяне что-нибудь находили, они нередко разбивали находку вдребезги и выбрасывали осколки в море, чтобы утопить злых духов. Так гибли предметы огромной ценности, навсегда исчезали важнейшие ключи к познанию прошлого...

Нам удалось договориться с некоторыми островитянами посмелее и купить у них коллекцию древних изделий; среди них были такие предметы, о которых думали, что они давно исчезли. Гротескные изображения богов из черного и красного камня, всевозможных размеров и разновидностей. Резные деревянные чаши, украшенные каким-то орнаментом, фигурами, инкрустацией из зубов и человеческой кости. Подлинно художественные изделия людей каменного века, у которых из инструментов были лишь каменные топоры, ракушки да крысиные зубы.

Вот изящные серьги из человеческой кости: цепочка крохотных древних богов во всевозможных позах, выполненных с мельчайшими деталями. Такие серьги обычно находили внутри черепов.

А однажды нам рассказали про старое святилище на горе, возвышающейся у самого моря. Мы тотчас отправились туда. Но чтобы попасть на узкую тропку, которая вела к святилищу, нужно было сперва пройти через деревню, а там, как только узнали, куда мы собрались, следом за нами отрядили лазутчика.

Мы поднимались по раскаленной солнцем скале, любуясь голубой гладью океана, которая простиралась в бесконечность, сливаясь с небосводом. Одолев подъем, очутились на большом плато с редкими пальмами. Островитянин следовал за нами по пятам. Он особенно насторожился, когда мы подошли к древним стенам.

Стены были сложены из красных каменных глыб. На некоторых глыбах высечены боги, которые угрожающе подняли вверх руки. Заглянув за стену, мы невольно вздрогнули: на земле, скаля зубы, лежало множество черепов... Я поднял один череп. Какие чудесные зубы были в прошлом у островитян! Тотчас наш смуглый спутник оказался рядом со мной. Он ревниво следил за тем, чтобы мы не унесли ни одного черепа, ни одного зуба.

Наша находка представляла собой величайшую научную ценность. Ученому-специалисту эти старые черепа рассказали бы очень многое. Я принес с собой мешок, но было как-то неловко собирать экспонаты на глазах у недоверчивого островитянина. А он следил за каждым нашим шагом, каждым движением.

Мы посоветовались на норвежском языке и придумали выход. На Фату-Хиве мужчина — человек, женщина — всего лишь женщина. Она готовит пищу и рождает детей, только это оправдывает ее существование.

Я пошел вдоль плато; Лив осталась. Все в порядке: лазутчик шагал за мной, не обращая никакого внимания на Лив. Я свернул в заросли — он тоже. Я поднимал палочки и камни, внимательно их разглядывал, и лазутчик подозрительно наблюдал за моими действиями. А Лив не теряла времени зря, и когда я вернулся к развалинам со своим назойливым спутником, мешок был набит битком. Сторож не сказал ни слова и с явным облегчением проводил нас вниз, в долину.

Когда мы подошли к деревне, неожиданно, как это бывает в тропиках, спустился мрак. Мы шли как ни в чем не бывало со своей таинственной ношей. Вдруг возле последнего дома нас окликнули.

— Хемаи каикаи!

Тахиапитиани, местная красавица, приглашала нас зайти перекусить.

— Она просто из вежливости приглашает, — тихо объяснил я Лив. — Это, как на Таити, обычная приветственная фраза.

— Венез манжер! — повторила островитянка на ломаном французском языке.

Кажется, всерьез приглашает...

Приглашение нас несколько не соблазняло, мы знали, что в ее доме много больных. Но отказаться — значит, испортить отношения. Мы подчинились, но как только поднялись на террасу, на которой она сидела с мужем, поняли, что это все-таки была вежливая фраза. Однако теперь было поздно отступить, и они предложили нам отведать их пищи.

Осторожно положив на землю мешок, мы сели на корточках подле больших деревянных мисок. Здесь, под сенью деревьев, было еще темнее. Слабая керосиновая лампа еле-еле освещала содержимое двух мисок. В одной лежала сырая несвежая рыба, обильно политая кокосовым соусом, из другой пахло поипои — древним национальным блюдом маркизцев. Поипои — перебродившие плоды хлебного дерева, выдержанные в земле в обертке из больших листьев. Их достают из ямы, толкут каменным пестом и добавляют немного свежих плодов. Получается густое кислое тесто, которое прямо пальцами отправляют в рот.

Это блюдо — память о тех временах, когда Маркизский архипелаг был перенаселен и приходилось заготавливать пищу впрок, на случай неурожая. Уже столько поколений ело поипои, что островитяне просто не могут без него жить. Оно непреходящий спутник любой трапезы. У нас тяжелое кислое тесто вызывало содрогание. Но ведь мы почти что сами напросились...

Ни тарелок, ни вилок, угощайтесь пальцами из общей миски, вперегонки с хозяевами и ребятишками.

Темнота выручила нас: мы только делали вид, что ели. Огромные тараканы, которые бегали по террасе, щекоча нам ноги, подьедали все, что мы незаметно выбрасывали.

Несколько тощих псов недоверчиво обнюхивали наш мешок. Им дали облизать посуду, когда кончился ужин, и по кругу пошло ведро с

питьевой водой. Но вот наконец этот кошмар позади... Нас коробило при мысли о том, в какой обстановке здесь растут дети.

За едой не было сказано ни слова, но когда все поели и детей уложили спать на панданусовой циновке, Тахиапителиани начала беседу. Мы любовались красивыми чертами лица и телосложением хозяйки и хозяина.

— Вео — хороший охотник, — сказала она, кивая в сторону мужа. — Вео хорошо знает остров.

И она поведала нам вполголоса — чтобы никто чужой не услышал! — удивительную историю.

В пустынной долине по названию Ханахоуа, на противоположном, труднодоступном конце острова, есть в скалах пять больших пещер. Вео удалось подняться к двум из них. Вход загораживали большие деревянные идолы, но Вео разглядел за ними в пещерах всевозможные орудия, украшения, изображения богов. Входить он не стал, потому что склепы охраняются табу — запретом предков.

Вео не трус, он согласен показать нам это место. Но долина Ханахоуа окружена неприступными горами, туда можно попасть только с моря. А прибой там такой, что на обычной лодке не подойти. Однажды правительственная шхуна пыталась приблизиться к острову с той стороны, но ее чуть не разбило о скалы, и пришлось отступить.

Лишь большие мореходные каноэ могут справиться с тамошним прибоем. А таких каноэ на всем острове только три. Если мы сумеем одолжить лодку и нанять четырех сильных гребцов, Вео покажет путь к пещерным тайникам.

Было уже поздно, когда мы неохотно прервали разговор о сокровищах и побрели с нашей ношей вверх по долине. Придя домой, мы высыпали черепа под нары — единственный тайник во всей лачуге.

А на следующий день приступили к организации похода за кладами. Капитаном назначили звонаря, подобрали команду, лодку. Оставалось дожидаться благоприятного ветра...

Однажды Лив разбудила меня среди ночи и шепотом сообщила, что в комнате кто-то есть. Но я лежал на краю нар и при свете луны отчетливо видел, что наша лачуга пуста.

— Я слышала какой-то шум, — настаивала Лив.

Я успокоил ее — дескать, это ворочаются людоеды под нашей кроватью — и закрыл глаза.

Но тут мы оба вздрогнули. Действительно, послышался шум — и действительно под нарами! Мы взглянули под кровать. И усомнились в своем рассудке...

Три черепа, лежа в кучке, кивали и качались, постукивая челюстями. Никакой живой людоед не придумал бы более дьявольской пляски! Мы оцепенели...

Вдруг Лив взвизгнула; в тот же миг через всю комнату метнулась черная тень и юркнула в щель в стене.

Маленькая безобидная крыса, которая пробралась сквозь затылочное отверстие в один из черепов, была виновницей переполоха!

Казалось, заколдованные лунным светом деревья колышутся от смеха, глядя на нас...

А через несколько дней примчался верхом молодой парнишка и сообщил, что в заливе бросила якорь "Тереора".

Старик Брандер пригласил нас на пир — и очень удивился, что мы не собираемся уезжать. На одном из коралловых атоллов на юге кто-то рассказывал ему, что мы поражены слоновой болезнью и ждем не дождемся, когда придет корабль. А мы, оказывается, в полном здравии и довольны своей жизнью! Брандер был от души рад за нас.

Среди пассажиров шхуны был французский художник Алло. Он делал зарисовки райского края и его обитателей. Мы сразу узнали Алло — он был вместе с нами на борту "Комиссара Рамеля". Теперь он сошел на берег, чтобы посмотреть на наш домик, но тотчас удрал обратно на шхуну, боясь, как бы комары не занесли ему какую-нибудь заразу. Тщательно вымывшись с головы до ног, художник принялся натирать каждую ссадину и царапину мазями собственного приготовления.

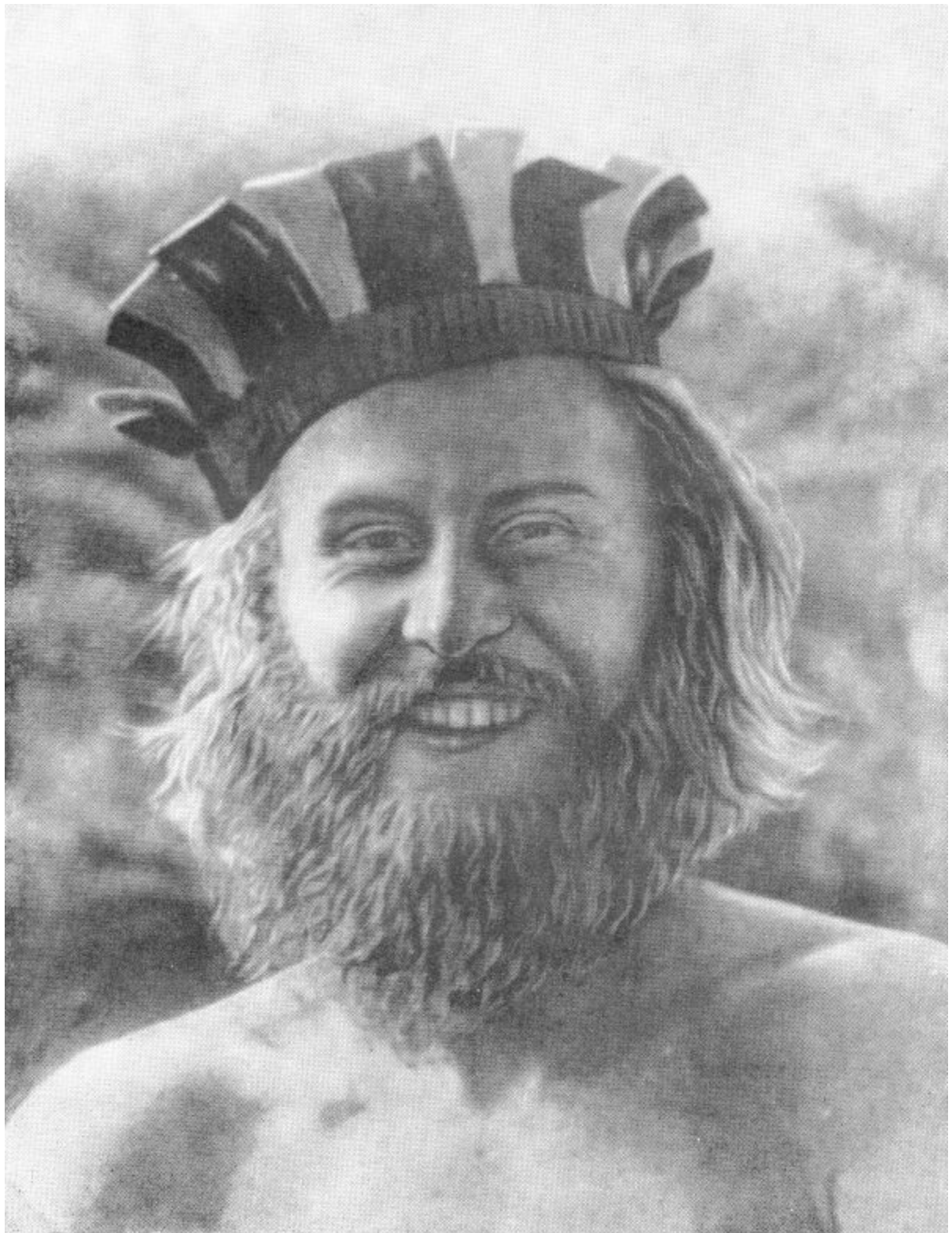
— Здешние острова — ад, сплошные бациллы, — ворчал он. — При первом же удобном случае уносите отсюда ноги.

И Алло сел в удобный шезлонг делать новые зарисовки обетованной страны...

Настала пора «Тереоре» уходить. На какой-то миг мы словно ощутили беспокойное дыхание большого мира. Когда-то еще она

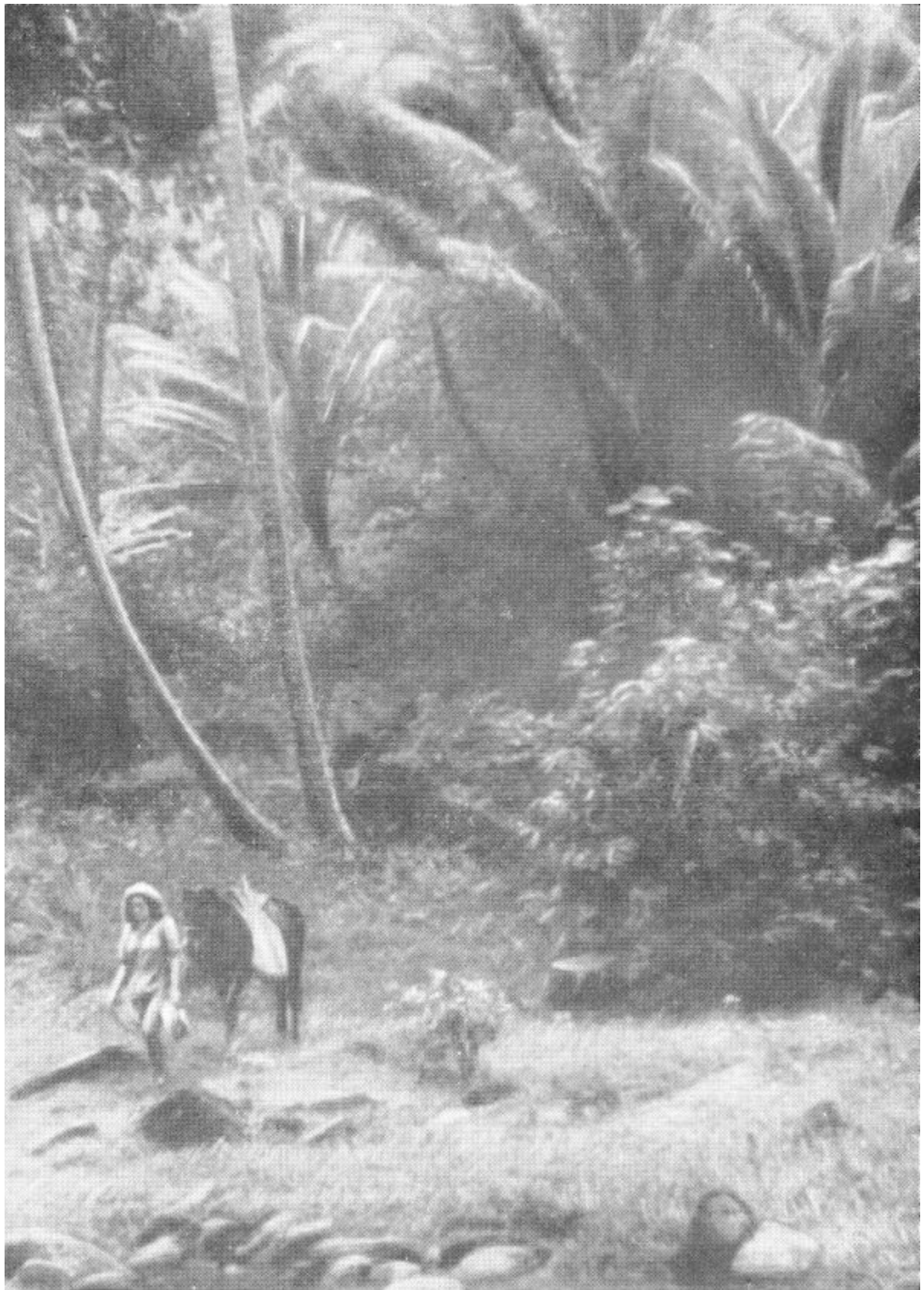
придет опять...

Король Тур Фату-Хивский. Корона на голове Хейердала — ценное древнее изделие. Она собрана из перламутра и черепаховых пластинок. С помощью крысиного зуба на ней вырезаны гротескные изображения богов

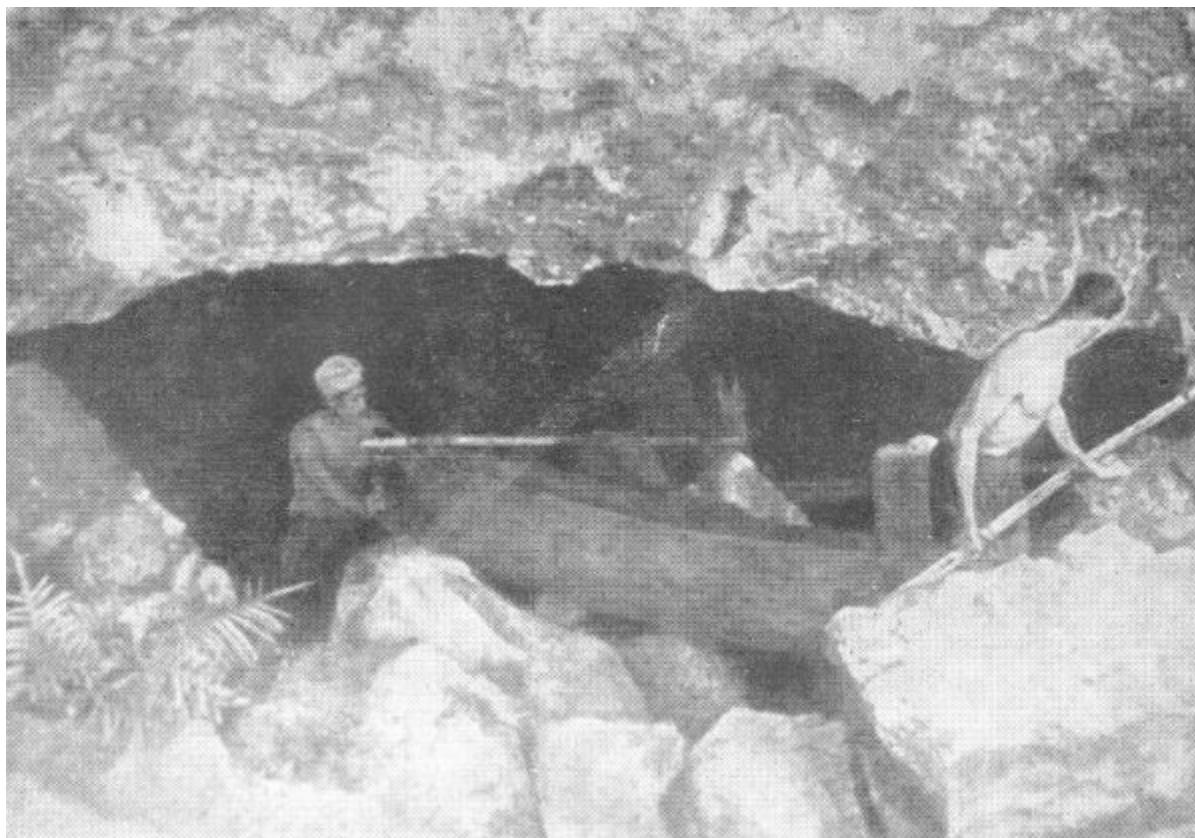

На опушке тропического леса. Мы направляемся в глубь острова

"Ночная вода" принимает гостей

*Патер Викторин, французский католический священник; справа
— Пакеекее, местный священник протестант*

Наши Фату-Хивские друзья. Местные жители совмещают в себе признаки многих рас

Под вечер на нашу "дворцовую площадь" пришел звонарь. В руке у него было несколько рыб. Раз возобновилась рыбная ловля, значит море успокоилось!

И пока Лив готовила на очаге праздничный обед, я стал расспрашивать Тиоти, когда же состоится поход. Звонарь почему-то все время ерзал и почесывал себе спину... Скверный признак: не иначе что-то стряслось. В конце концов мне удалось выжать из него, что с «Тереорой» на остров явился отец Викторин, французский католический священник. Он уже много лет объезжал острова, пекаясь о своей пастве, и сейчас на некоторое время поселился в деревне Омоа.

Узнав, что в делях живут двое белых, которые к тому же подружились со священником-протестантом, отец Викторин воспытал к нам непримиримой ненавистью. Скольких трудов ему стоило обратить в истинную веру всех местных жителей, не считая двоих, а теперь его достижения под угрозой! Островитяне увидят, что белые — протестанты, и, чего доброго, переменят веру! Отец Викторин хорошо помнил, что произошло на острове Такароа. Там было триста католиков, но стоило явиться миссионеру-мормону, как двести девяносто восемь островитян стали мормонами, и остался один католик и один протестант, на каждого из которых приходилось по огромной дощатой церкви. На тихоокеанских островах борьба за души смуглых жителей велась не на жизнь, а на смерть... Побеждал наиболее щедрый священник, который строил самую роскошную церковь. Впрочем, души не очень сопротивлялись. Для островитян весь смысл посещения церкви сводился к тому, чтобы щегольнуть там своими лучшими нарядами. Явиться на службу без шляпы здесь неприлично. Праздничная обстановка, пение — все это делает храм божий единственным увеселительным заведением на острове.

В первой же своей проповеди отец Викторин ополчился против нас. Дескать, мы протестанты, басурманы. Дескать, не грех и соврать нам, обмануть нас, сделать все, чтобы отравить нам жизнь. Никаких подарков нам давать не надо, а зайдет речь о покупке чего-нибудь — драть с нас втридорога. И складывать товар возле дома, ни в коем случае не переступать порога нашей лачуги. Он уговаривал прихожан

следить за каждым нашим шагом: ведь неспроста мы поселились одни в лесу — наверное, задумали что-нибудь недоброе...

Островитяне выходили из церкви в отличном настроении. Можно ли придумать более легкий и приятный способ заработать путевку в царство небесное!

— Вот так же он все эти годы преследует меня и Пакееее, — объяснил звонарь. — Стоит ему явиться на остров, как вся деревня восстанавливается против нас. Даже разговаривать с нами не хотят. Ничего, скоро уедет, и они позабудут его наказания...

Мы были вне себя. Меня так и подмывало пойти в деревню и вздуть этого негодяя в черной сутане. В этой глуши у нас вдруг появился серьезный враг — белый, которого мы до тех пор и в глаза-то не видели! Какая несправедливость! Разве мы покушались хоть на одну из его душ?..

А звонарь Тиоти уже рассказывал про больного слоновой болезнью Хаии, который разбавил мочой апельсиновый сок и послал протестантскому священнику, надеясь его заразить; рассказывал, как про Пакееее сочиняли грязные небылицы, чтобы на него донесли правительству, как с ним проделывали самые подлые шутки. Мы оторопели: что-то нас ждет...

Поход закладами сорвался. Католики отказались грести, а два протестанта, Лив и я не могли одни справиться с мореходной лодкой. К тому же за день пользования ею с меня запросили столько, что за эти деньги на Таити можно было купить себе лодку в полную собственность.

Всю ночь длилось наше совещание, и на рассвете мы, захватив рюкзаки, покинули свой домик. Решили полазить по горам, пока в деревне не утихнут страсти. Звонарь не изменил дружбе. Он привел нам двух лошадей—свою и священника; на одну из них мы навьючили орехи, фрукты, котелок, палатку, плед и несколько банок тушеной говядины, полученных на "Тереоре".

Путь на тропу, ведущую в горы, лежал через деревню. Из многих домов поглядеть на нас вышли католики. Они уже не приветствовали нас обычным «каоха», а с презрительным видом о чем-то перешептывались между собой. Вот и дом отца Викторина. Хозяин в это время спал...

Наконец наш караван ступил на тропу, извивающуюся вдоль склона над бухтой. Впереди верхом ехала Лив, за ней шли я и звонарь; приемный сынишка священника, Пахо, вел навьюченную лошадь. Чем выше мы поднимались, тем лучше становилось настроение. Мы смеялись над этими негодяями, которые думали нас сломить.

Вот и солнце появилось из-за гор. Дул легкий свежий ветерок, внизу простерся могучий океан... Тропа, петляя, шла все выше и выше, достигла гребня и потянулась вдоль него, продолжая подниматься. Природа здесь была совсем дикая. Крутой склон отвесно обрывался в долину; поглядишь вниз — голова кружится. Где-то на противоположном склоне должна быть наша лачуга... Вот она, под пальмами, кроны которых с высоты кажутся не больше цветочного венчика!

Начались горные луга. Самый воздух говорил о том, как мы высоко забрались. Нам столько рассказывали об этой части острова, которая никем не изучена и не нанесена на карты, а в специальной литературе почему-то названа пустыней. Иногда островитяне, вооружившись копьями, отправлялись сюда на охоту с собаками, но холод быстро прогонял их обратно в долину. К кому из местных жителей мы ни обращались, каждый по-своему описывал виденное. Теперь я понял, в чем дело: мы и в самом деле очутились в удивительной стране. Ничего похожего на пустыню — напротив, такое разнообразие, такая красота, о которой я и не мечтал. Острые пики и шпили чередовались с круглыми вершинами и плоскими поверхностями. Непроходимые дебри сменялись обширными лугами, луга — редколесьем с всякими причудливыми растениями. Мы наконец-то увидели цветы, почувствовали чудесное благоухание, которого нам так не доставало в сырой пальмовой долине. В листве копошились звонкоголосые птицы, над цветами порхали изумительные бабочки, летали разноцветные жучки.

Тут — пропасть до самого дна долины или берега моря, там — воткнувшиеся в небо вершины... Мы были на высоте примерно тысячи метров. Здесь никто не жил — слишком холодно для полинезийцев. Нам горный климат казался идеальным, мы словно очнулись от вечной дремы, которая угнетала нас в долине.

Впереди раскинулся большой луг с сухим папоротником и кустами гуайявы, усыпанными плодами, из-за которых маленькие

птицы сражались с осами. Гуайява напоминает желтое яблоко, а ее сердцевина — нечто вроде исполинской малины. Необычный плод сразу пришелся нам по вкусу. А вообще здешние горные леса, несмотря на пышную растительность, бедны плодовыми деревьями. Можно увидеть кокосовую пальму или банан, но их очень мало. Иногда возле тропы мы видели огромные манговые деревья.

Наши смуглые друзья жаловались, что зябнут. Дескать, им тут конец придет — еще никто не отваживался ночевать так высоко в горах. Тогда мы рассказали им про нашу страну, где вода от мороза делается как камень, а дождь, замерзая, превращается в белый песок. Рассказали, как мы там без лодки ходили по морю и спали в шалашах, которые делали из замороженного дождя. Они только рты разевали, слушая такие басни... На Фату-Хиве тепло круглый год.

Пахо шел последним, стуча зубами от холода и покатываясь со смеху от наших выдумок. Чудесный парнишка — крепкий, стройный, с приятным лицом. Ему всего двенадцать лет, но такого озорника свет еще не видывал. Затеет какие-нибудь плутни — и хохочет на весь лес, словно Пан. Или мчится верхом с тарзаньими воплями. Мало кто из взрослых мог так быстро забираться вверх по стволу кокосовой пальмы, и никто проворнее его не бил копьём рыбу в заливе. Этот живой, подвижной, как ртуть, бесенок мог и соврать, и смошенничать, но все равно он нам нравился.

...Мы шагали по тропе сквозь заросли папоротника, грызя гуайявы. Вдруг Пахо выпустил из рук повод вьючной лошади и помчался вниз по склону. В жизни не видел такого отчаянного бега: два шага — огромный прыжок, два шага — прыжок. Миг — и исчез за гребнем.

Мы решили было, что парень свихнулся, но в это время снизу донесся дикий крик и визг, а затем Пахо вынырнул из-за гребня, держа в руках какое-то бешено отбивающееся существо. Мы не сразу разглядели, что это такое, но и по крику можно было догадаться, что способен так визжать только поросенок! Да-да, мальчуган поймал руками дикого поросенка! И теперь они словно старались перевизжать друг друга. Вот Пахо пробивается сквозь высокий, по грудь, папоротник, одной рукой обхватив звереныша, а другой сжимая его морду, чтобы поросенок не отхватил ему пальцы.

И тут мы увидели такое, что я не скоро забуду... Куда там приключенческим фильмам! Среди папоротника мелькнула черная спина дикой свиньи с взерошенной щетиной, а с другой стороны мчалась вторая! Точно два паровоза неслись прямо на мальчишку, который стиснул в объятиях визжащего поросенка.

Мы вскрикнули от страха, предупреждая Пахо об опасности. И когда первый зверь был совсем близко, мальчишка тигром отскочил в сторону, издав пронзительный боевой клич. Еще прыжок, еще, но свою беспокойную добычу он не отпускал. Каким-то чудом Пахо увернулся от преследования и доставил нам свой трофей!

Под градом камней свиньи отступили. Но когда звонарь стал привязывать на шею поросенку лубяную веревку, звереныш щелкнул зубами, вырвался и улизнул в заросли. Пришлось силой удерживать Пахо, чтобы он не ринулся вдогонку.

Наконец мы пришли к горному источнику — заполненной водой ямке в пещере Теумукеукеу. Разбили палатки, а наши друзья, сев на лошадей, галопом помчались вниз.

И вот мы одни, вокруг самый красивый ландшафт, какой только нам приходилось видеть до сих пор на тихоокеанских островах. Под сенью дерева, покрытого кроваво-красными цветками, мы сделали себе ложе из папоротника. Рядом стеной стоял лес с неведомыми растениями. Впереди полого спускался луг, дальше открывался вид на плато и горы Ханававе. Стемнело, мы разожгли костер, чтобы вскипятить чай с сухими апельсиновыми листьями. Я перевернул большой камень — под ним вокруг грозди белых яиц извивалась огромная ядовитая тысяченожка. И этот рай не без змеи...

Стало и в самом деле холодновато. Мы завернулись в пледы и уснули.

Чудесное это было время, когда мы жили в горах, дыша чистым, свежим воздухом. Простор и воля — и никаких комаров, никакой заразы. Только красивые растения и дикие животные — потомки одичавшего домашнего скота.

Когда во времена парусного флота на остров впервые приплыли белые, островитяне знали из домашних животных лишь одну свинью. С кораблей доставили на берег и другие породы скота, но полинезийцы считали всех их разновидностями свиньи! Лошадь называли "свиньей, которая быстро бежит по дороге", коза стала

называться "свиньей с зубами на голове". Новые «свиньи» размножились так же быстро, как старые. Люди вымирали, и долина за долиной становились необитаемыми, а скот, уйдя в горы, отлично там прижился. Вот откуда на острове появилась дичь.

Множество диких лошадей, ослов и других животных паслись на горных лугах. Горе тому, кто встретит стаю диких собак! Большие и маленькие псы всевозможной масти с воем и лаем гонятся за перепуганными козами и овцами; они справляются даже с телятами. А если одна из собак погибнет от грозных клыков дикого кабана, то вся стая с воем набрасывается на убитую.

Дикие кошки лазят по деревьям, грабя гнезда, или охотятся за крысами и дикими курами среди развалин в долине. Птенцы и птицы — добыча кошек, а яйца остаются крысам, которые тоже умеют лазить по деревьям. Поэтому количество птиц резко сокращается. Многие ранее известные виды почти совершенно вымерли, иных уже нет совсем. Морским птицам достается не так. Они гнездятся на голых утесах или отвесных скалах, куда крысам не пробраться.

Да-а, все эти одичавшие животные внесли немало своеобразие в местную фауну...

Островитяне ловят лубяными арканами длинноногих диких жеребят. Впоследствии нам не раз доводилось верхом на укрощенных конях подниматься на высокогорные плато. Отличные кони — сильные, надежные.

Часто тропы вились вдоль головокружительных пропастей, на дне которых громоздились камни. У нас невольно сосало под ложечкой, когда кони трусили по самому краю тропы, небрежно пощипывая свисающую вниз травку. Поводьями служила веревка, обвязанная вокруг лошадиной морды. Если мы натягивали ее, пытаясь отвести лошадь от края тропы, животное станови лось на дыбы и затевало такую пляску, что мы поспешно уступали. Впрочем, мы быстро прониклись доверием к этим жителям гор. Бывало, едешь ночью, в кромешном мраке, по горным карнизам — и никогда лошадь не оступится. Нам рассказали лишь об одном случае, когда островитянин вместе с конем сорвался в пропасть. Но тогда тропа была сырой и скользкой после дождя.

Кстати, мы тоже однажды попали в переделку на краю бездны и испытали неприятное чувство страха. Мы шли по горному карнизу,

Лив — впереди, я — за ней, ведя на поводу Туивету, укрощенного дикого жеребца, сильного и не очень-то послушного. Узкий уступ был не больше полуметра шириной. Справа в долину Ханававе обрывалась пропасть, слева вздымалась отвесная стена. Робко прижимаясь к скале, мы любовались замечательным видом. Вдруг впереди показались идущие нам навстречу три дикие лошади: могучий жеребец, кобыла и жеребенок с курчавой гривой. Кобыла и жеребенок повернули обратно, а жеребец остался охранять отступление.

Звонко заржав, Туивета мотнул головой и рванулся было навстречу чужаку, который подходил все ближе. Я дернул повод — тогда Туивета встал на дыбы, силясь вырвать веревку у меня из рук. Я крикнул Лив, чтобы она прижалась плотнее к скале, и сам сделал то же. Туивета опять бросился вперед, и жеребцы встретились — почти рядом с нами. Мгновение они, дрожа от напряжения, стояли голова к голове, точно мерялись силами. И вот началось... Они кусались, брыкались, ржали, вставали на дыбы. Каждую секунду мы ждали, что один из них полетит кувырком с обрыва, как это бывало у нас на глазах с дикими козами, спасающимися от собак. Но жеребцы твердо стояли на ногах. Только вьюк взлетел в воздух и исчез в пропасти... Пледы застряли в расщелине, а все остальное пропало безвозвратно.

Победил в поединке Туивета. Дождавшись, пока кобыла и жеребенок уйдут на достаточное расстояние, чужак отступил, сохраняя гордый вид. Теперь Туивета спокойно позволил поймать себя. Он был доволен победой, и только пропажа вьюка смущала его.

...После каждой такой вылазки в горы мы крайне неохотно возвращались в долину. Вверху было так хорошо и вольготно! Но нас ограничивали запасы продовольствия. Плодовых деревьев в горах почти не было, охотиться нам было не с чем.

Из первого похода мы возвращались, чувствуя прилив новых сил. Оцепенение, которое так долго владело нами, прошло, и даже долина казалась уже не такой душной. Католики встретили нас любопытными взглядами. Пока мы жили в горах, они подсылали к нам лазутчиков — проверить, не затеваем ли мы каких-нибудь козней против них. Мы показали лазутчикам банку с зоологическими образцами, и нас оставили в покое.

Твердым шагом мы направились прямо к дому патера, решив познакомиться с нашим врагом и дать ему понять, что мы не конкурирующие с ним проповедники.

Сразу за большой дощатой церковью католиков стояли два домика с террасами. Один домик пустовал; в прошлом, в ту пору, когда на острове было много жителей и он не считался захолустьем, в нем жил французский управитель с жандармами. Рядом с домом валялся старый барабан; прежде старик Иоане бил в него, извещая о появлении шхуны в бухте. Где ты, бывшее величие...

Мы подошли к террасе второго домика. Там, окруженный ребятишками, сидел человек в черной сутане. Он обучал детей азбуке. Родители не могли этого сделать, так как они сами были неграмотны. Увидев нас, человек в сутане встал. Мы поднялись по ступенькам и оказались лицом к лицу с отцом Викториним. Его маленькая щуплая фигурка буквально тонула в просторной сутане. Он очень вежливо предложил нам сесть. Мы сели.

Патер был весь сплошная улыбка, его любезность не имела границ. Казалось, он не чувствует к нам никакой вражды — если бы не колючие глаза, которые так плохо согласовались с улыбкой, со всем его обликом. Эти глаза ненавидели нас.

Мы затеяли светскую беседу. О том, о сем, о нас самих. Очень тонко патер отвел разговор от острых вопросов. Но мы все-таки воспользовались случаем и дали ему понять, что коллекционируем представителей фауны, а не человеческие души.

Отец Викторин рассказал нам о себе. Тридцать три долгих года, с тех пор как его прислали сюда из Франции, он в одиночестве путешествует по островам Маркизского архипелага. Живет вместе с полинезийцами в их грязных лачугах, ест их пищу, сидит у ложа больных и умирающих. У него нет ни единого друга: он не смог завоевать расположения островитян. Он не знает никаких развлечений. Природа во всех ее проявлениях для него не существовала. Жизнь большого мира шла своим чередом, жизнь архипелага — своим. Одинокий, заброшенный, он оказался как бы отверженным, весь смысл его бытия был в одном: сделать из островитян католиков, всех записать в приходские книги! Хоть именем овладеть, если не удастся завоевать душу!..

Этакий филателист, панически боящийся потерять хоть одну марку из своей коллекции.

Что ж, его можно было понять. Не удивительно, что он прибегает к любым средствам для достижения своей цели. И отец Викторин не скрывал своей жгучей ревности к нам. Нас двое. Мы молоды. Он один и стар, и ему нечего вспомнить, потому что жизнь потрачена впустую.

Мы молча пошли домой.

Глава шестая

МЫ НАРУШАЕМ ТАБУ

На лодке вдоль побережья. Страшный склеп. Тайна "Большого камня". Быть беде. На гребне волны. "Ночная вода" принимает гостей

С большим трудом наша лодчонка пробивала себе путь через длинные валы, катившие к берегу. Утреннее солнце ласково освещало дикий остров, над океанской гладью веяло холодком — неся пассат.

На корме в лодке лежала Лив, обняв гроздь бананов. Она слушала, как мы с Тиоти обсуждаем план нашей поездки. За кладами в Ханахоуа? Нет, сорвалось, и все из-за отца Викторина. Для рыбной ловли маленькая долбленка Тиоти еще годилась, но с наветренной стороны лучше на ней не появляться. А направлялись мы в долину Ханававе, решили исследовать участок леса, объявленный запретным. Один из великих шаманов прошлого наложил табу на эти заросли, и с тех пор никто не смел туда заходить. Большинство табу давно утратили свою силу, но этот запрет еще действовал, как и тот, который охранял вход в склепы Ханахоуа. Всяческие ужасы, а то и смерть грозили нарушителю. Протестант Тиоти очень красочно все это расписывал. Он ничуть не сомневался в том, что древние людоеды знали с бесами.

Гребем и гребем, вверх и вниз по волнам, а берегу нет конца. Долина за долиной скользили мимо. Забытые, обезлюдевшие. Высоко-высоко на склонах паслись пятнистые козы; из-под пальм, щурясь, смотрел на лодку щетинистый кабан. Посмотрел и опять принялся уписывать падалицу под хлебным деревом. Кто сказал, что долина необитаема? Вон сколько домашних животных! Только люди вымирают.

Но вот наконец горы раздвинулись, и нашему взору предстала долина Ханававе. Полно, не мираж ли это?.. Стройные пальмы, острые пики. Красные скалы и зеленые заросли. Выветривание создало на склонах гор причудливые фигуры троллей и других исполинских чудовищ. Не мудрено, что здесь родились суеверия... Точно заколдованный мир, огороженный неприступными хребтами. В глубине долины высоко в горе мы увидели отверстие, сквозь которое просвечивало небо. Само время прогрызло туннель в вершине. Через этот проход когда-то прорывались в Ханававе воинственные людоеды из Ханахоуа. Они лазили по горам не хуже коз и прямо в скале вырубили узенькие тропки. Но с тех пор тропы осыпались, и теперь к туннелю, который носил замысловатое название Техавахиненао, было не пройти. Так что с этой стороны гор в Ханахоуа не попадешь.

До того как высадиться на берег, надо было обеспечить себя пищей; мы не захватили ничего съестного. В глубине бухты резвились серебристые рыбки. Тиоти встал в лодке и с силой метнул копье с плоским наконечником. Описав дугу, оно опустилось прямо в рыбу

стаю, и торчащее из воды древко красноречиво говорило о том, что цель поражена.

И вот уже мы идем через деревушку. Полсотни островитян — вот и все, что осталось от могучего племени в долине Ханававе, где некогда правили три короля: один в верховьях, у гор, второй в средней части долины, а третий — на берегу. Все трое враждовали с обитателями Ханахоуа, и в лесу до сих пор можно увидеть каменные вышки, с которых караульные наблюдали за туннелем в горе. А когда враг вел себя смирно, три короля воевали между собой. Смерть угрожала каждому, кто смел переступить границу соседа. Из верхней части долины никто не смел спускаться к берегу, ловить рыбу, а жителям побережья нельзя было подниматься вверх за плодами...

Мы шли по узкой тропке. Впереди, насвистывая, шагал долговязый Тиоти; у него на плече лежала заостренная палка, на которую был нанизан плод хлебного дерева. За ним, неся рыбу, следовал я. Замыкала шествие Лив. Она без усталости уписывала апельсины. Чудесные плоды — сочные, ароматные. Но апельсиновый рай Ханававе явно никого не соблазнял... Выйдя из него, мы очутились в густых зарослях. Тропа извивалась между кустарниками и древними каменными изгородями. Тиоти перестал свистеть. Мы приближались к заколдованному лесу. Наш проводник нерешительно предложил сделать привал. Чудесный запах дыма и печеных плодов хлебного дерева распространился меж стволов. Рыбу изжарили на угольях.

Закусив, повели речь о табу. Тиоти его не боялся. Он звонарь, протестант, ему никакая чертовщина не страшна. Людоеды, табу — это все с бесами связано. Он легко может доказать это. И Тиоти рассказал про один случай.

Последнего великого шамана-кудесника — он еще был жив, когда на Фату-Хиве появились белые, — звали Тукопана. Он прославился на все Маркизские острова своим колдовством. Перед смертью Тукопана призвал короля и весь свой народ и показал им двух идолов, сделанных из белоснежного камня — одного побольше, другого поменьше. Кудесник возвестил, что его душа вселится в большого каменного бога, который будет носить имя Тукопана. В маленького божка вселится душа его любимой покойной дочери. Все будущие поколения должны поклоняться этим идолам.

Тукопана умер. Каменные изваяния поставили на площадке у моря — на той самой площадке, на которой мы однажды побывали — и окружили их сотнями оскаленных черепов.

А лет двадцать назад на Маркизские острова прибыл французский губернатор. Он услышал историю про Тукопану и его дочь, и ему очень захотелось присвоить редкостные статуи с Фату-Хивы. Губернатор силой заставил четырех полинезийцев отнести тяжелых идолов на его шхуну и увез изваяния в деревню на Хива-Оа, где был его дом. Тукопану и его дочь поставили у въезда на участок губернатора. Жители Хива-Оа сильно перепугались.

Вскоре над Маркизским архипелагом разразился страшный ураган. День за днем хлестал проливной дождь. Огромный поток сорвался с гор и понесся вниз по долине. Он валил деревья, мчась прямо к усадьбе губернатора. Дом был разнесен в щепки, а когда наводнение кончилось, Тукопана и его дочь словно провалились сквозь землю. И по сей день продолжают еще поиски этих больших каменных изваяний. Но тщетно...

Новый дом губернатора построили далеко от старого участка.

Мы все еще были под впечатлением рассказанного, когда пересекли журчащий ручей и нырнули в лес, охраняемый табу... Темно и сыро, густые заросли манго — словом, обычные дебри. Почему на них наложен запрет?

Вдруг перед нами выросла высокая замшелая стена. От волнения у меня пробежал холодок по спине. Стена высотой с человека была сложена из больших обтесанных камней. Я осторожно взобрался на нее. Лив и звонарь последовали моему примеру, и мы очутились на площадке, сделанной из тщательно пригнанных друг к другу тяжелых камней. Густые кроны почти не пропускали света, было темно и мрачно.

Я старался понять, как могли древние люди доставить сюда такие огромные плиты и сложить из них стену... Вдруг раздался громкий возглас Тиоти — он что-то обнаружил!

Мы подошли к нему. Две большие красные плиты были приставлены друг к другу, наподобие скатов крыши. Дерн и корни почти полностью скрыли камни, но когда мы их расчистили, то увидели на плитах древние высеченные рисунки, странные фигуры. Боги или дьяволы?.. Во всяком случае, нечто гротескное. Одни

размышляли, подперев рукой подбородок, другие стояли, сложив руки накрест, третьи вскинули руки вверх. Какие большие торчащие уши — на человеческие и не похожи! Среди бесовских созданий было причудливое двойное изображение: на одном цоколе — две совершенно одинаковые фигуры.

На второй плите были высечены три пляшущих большеглазых существа с отвислыми ушами; одна рука на бедре, другая изогнута над головой. Они четко выделялись на кроваво-красном камне. А рядом с ними вычерчен какой-то геометрический орнамент.

Неожиданный ливень заставил нас поспешно укрыться под широкими листьями. А когда мы вернулись на старое место, то заметили еще одну плиту, приставленную сбоку к двум первым. Промежуток между плитами в другом конце был тщательно заложено камнями. Мы осторожно разобрали каменную преграду и увидели за ней черное отверстие. Да-а, тут что-то есть...

Лив даже ахнула от возбуждения. Я осторожно спустил в отверстие ноги. Это было уже слишком для звонаря.

— Будь у тебя большой фонарь, ты бы мог выгнать оттуда бесов, — сказал он.

А так как у нас фонаря не было, Тиоти предпочел отойти в сторонку.

Проход был очень узкий, но я втиснулся в него, подняв кверху руки, и очутился в крошечной тьме. Ощупывая сырую холодную стену, сделал шаг-другой вперед, потом решил зажечь спичку. Чиркнул, но она тут же погасла. Мелькнул кружок света на гладком влажном камне — и опять мрак.

Еще одна спичка, еще... Гаснут! Я присел на корточки, заслонил коробок рукой и чиркнул снова. Опять впустую. Но то, что я успел заметить во время мгновенной вспышки света, заставило меня вздрогнуть: череп! Даже в темноте я мысленно видел его. Достая спичку, чиркаю — не тем концом. Еще раз. Спичка загорелась. Да тут целый скелет простерт на земле! Пожелтевшие кости наполовину ушли в почву. Наверно, какой-нибудь древний король или могущественный кудесник нашел здесь последнее пристанище...

Причудливые фигуры на крыше склепа явно были призваны отгонять злых духов. А так как самые злые «духи» на тихоокеанских

островах — белые люди, я поспешил выбраться из склепа на волю. Спи спокойно, старина...

Сразу же за каменной платформой поднималась гора Мотунуи — "Большой камень". Она торчала над лесом, будто "чертов палец". Ветер и дождь отполировали скалу, и лишь несколько косматых деревьев ухитрились закрепиться на крохотных выступах, свесив вниз длинные-длинные корни. Вот по этим-то корням мы полезли вверх — Тиоти, его друг Фаи и я. Как ни спорила Лив, мы ее оставили в долине. Тут и мужчине-то взобраться не просто! Цепляясь руками и ногами, помогая друг другу, мы карабкались по тугим корням.

Большой камень сдвинулся под моим коленом и запрыгал вниз. Провожая его взглядом, я прямо под собой увидел широкополую шляпу звонаря.

— Берегись! — завопил я и в ужасе зажмурился.

Теперь конец Тиоти... Не решаясь еще раз посмотреть в ту сторону, я слабым голосом спросил, обращаясь в пространство, что произошло.

— Камень разбился о голову Тиоти, — донесся снизу спокойный ответ.

Говорил Тиоти. Значит, сумел увернуться!

Узкий карниз пересек отвесный склон. Фаи вскарабкался на него первый — и хотел тут же вернуться: скелеты! Там была целая пещера, полная старых деревянных коробов, в которых лежали черепа и кости, обернутые в лоскуты белой тапы. Тапу делали, обрабатывая колотушками кору дерева эуте; теперь это дерево исчезло.

Со свода пещеры свисали длинные косы, сплетенные из черных как смоль человеческих волос. А за деревянными коробами, которые были выдолблены в мощных стволах каменными орудиями и углублены при помощи огня, стоял ящик, сколоченный из досок. В нем лежал скелет в европейской одежде с пуговицами. Неприятное зрелище: уж не моряк ли попал когда-то в лапы ненасытных людоедов...

Храбрый Фан уже начал спускаться, когда я услышал его вопль:

— Она может упади! О-о! Тогда меня тюрьма сади!

Мы заглянули в пропасть. Лив преспокойно карабкалась вверх по корню! Миг, и она уже на карнизе!

Когда мы наконец спустились в долину, я облегченно вздохнул. А наши смуглые друзья были в полном смятении. Нарушено табу!.. Теперь не миновать кары! Быть беде. Фаи и Тиоти настолько верили в это, что действительно следовало ждать какого-нибудь промаха.

На следующий день мы простились с долиной и стали спускаться на воду нашу лодку. Надо сказать, что это было далеко не просто. Один за другим могучие океанские валы, рокоча и пенясь, набегали на берег и с ревом обрушивались на гальку. Только полинезийцы умеют покорять эту бурную стихию. Они обычно долго стоят на берегу, ожидая «подходящей» волны. Что это за «подходящая» волна, нам так и не удалось уяснить. Может быть, она чуть пониже других? Или чуть больше отдалена от следующего вала?

Итак, мы стоим, ожидая «подходящей» волны. Стоим на безопасном расстоянии от прибоя, лодку держим в руках, готовые, как только настанет подходящий момент, бежать с ней в воду. Внимание, обрушилась ожидаемая волна! Мы ринулись в пенный хаос, прыгнули в лодку и стали грести как безумные, чтобы успеть отойти подальше от берега, пока нас не накрыло следующим исполинским валом.

Несколько сильных гребков, и мы очутились на гребне, который тотчас взметнулся вверх и стремительно понесся к берегу, курчавясь грозной пеной... И тут оказалось, что звонарь, пребывая в расстроенных чувствах, забыл воткнуть затычку в днище! Из дыры фонтаном била вода! Я выпустил весло и зажал дыру ладонью, а звонарь греб и греб, силясь вырвать лодчонку из объятий волны. Лодка уже наполовину заполнилась водой... Нам еле-еле удалось пробиться за полосу прибоя. Тиоти стал вычерпывать воду своей шляпой, Лив — скорлупой кокосового ореха, а я поспешил законопатить отверстие кокосовой пенькой. Опасность миновала...

Океан плавно покачивает наше суденышко, мы идем вдоль берега, где стоят чередой пышные пальмы... Нет, возвращаться домой рано, мы намеревались пройти еще дальше. На северной оконечности острова есть безлюдная долина — Таиокаи. Нас манило туда Ваи По — "Ночная вода" — таинственное подземное озеро, о котором не слышал до нас ни один белый. Этому озеру посвящено старинное предание, герои которого — Капири и Кеакеа — заходили в пещеру и видели теряющийся во мраке водоем...

Вверх-вниз, вверх-вниз по неровной поверхности океана. Смуглый белозубый Фаи не отстает, хотя его лодчонка еще меньше нашей. Она нам пригодится на таинственном озере.

Можно было подумать, что все долины кончились — тянулись сплошные обрывы, острые пики и шпильки. Глубина такая, что прибой нет, волны покорно лижут скалу. Мы подошли к ней вплотную.

Стаи красных, серых, зеленых и черных крабов металась по каменной стене, ныряя в ямки и расщелины. Но от копья Тиоти не уйти! Попадались большие гроты — такие большие, что в дождь там могли бы укрыться несколько лодок. Вода — кристальная, а рыбы — как в садке. Огромные рыбины всех цветов радуги сновали туда и обратно, дно испестрили маленькие кораллы и морские анемоны. У самой поверхности воды, укрывшись в ямки, высовывали свои грозные клешни омары. Не такие, как у нас в Норвегии, а полуметровые богатыри, с узловатым колючим панцирем, расписанным яркими узорами. Непревзойденные красавцы здешних вод.

Но всего удивительнее была рыба, которая умела ходить по суше. Величиной с палец, черная, большеголовая, она скользила с волной к скале, подпрыгивала, прилеплялась к камню и начинала скакать так, словно боялась, как бы ее не замочило! Нагуляется вдоволь и ныряет в воду, но не надолго. Вот она уже спешит к берегу с очередной волной.

На закате мы добрались до Таиокаи. Подойти к берегу так же трудно, как отойти от него, нужно опять-таки подстеречь «подходящую» волну. Обычно Тиоти великолепно с этим справлялся, но сегодня у него все не ладилось.

Лодчонка Фаи уже преодолела прибой, когда звонарь наконец облюбовал себе волну. Благодаря балансиру полинезийские лодки чрезвычайно устойчивы. Они могут опрокинуться лишь в том случае, если балансир высоко подбросит или утопит волной. А для этого требуется немалое усилие. Но мы слишком рано оседлали гребень... Балансир взлетел вверх, лодка опрокинулась, и вот уже мы барахтаемся в воде, отчаянно цепляясь за днище. Могучий вал вышвырнул нас на берег.

— Табу, — первым делом вымолвил звонарь, когда мы, избитые, наглотавшиеся соленой воды, поднялись на ноги.

Но ведь все обошлось благополучно! И лодка как будто цела.

В подступивших к самой воде зарослях мы развели костер и устроили привал, чтобы обсушиться и залечить свои ссадины. Потом свернулись калачиком, намереваясь поспать.

В жизни не проводил более беспокойной ночи! Оказалось, что на этом берегу обитают тысячи раков-отшельников. Всю ночь напролет они бродили туда и обратно, таская за собой свои краденые раковины, некоторые величиной с детскую ладонь. Самые нахальные упорно пытались протиснуться под нами, карабкались через пас, щипали и кусали без всякой жалости. И когда рассвело, наше терпение лопнуло, мы решительно стряхнули с себя всех мучителей. Они обиженно спрятались в свои домики.

Тиоти, Лив и я стали искать на берегу что-либо съедобное на завтрак, а Фаи, вооружившись веревкой из луба борао и большим ножом, пошел в лес. Вернулся он с большой ношей апельсинов и плодов хлебного дерева. Кроме этого мы зажарили несколько съедобных улиток прямо в их раковинах.

А затем отправились на разведку. Некогда в Таиокаи было многочисленное население. Но злой рок преследует эти острова... Целый горный гребень обрушился и засыпал долину вместе с хижинами и людьми. От сотрясения родилась могучая волна, которая прошла не один десяток километров по океану. И по сей день долину Таиокаи окружают страшные, крутые обрывы. Большая часть долины завалена глыбами, лишь кое-где можно увидеть остатки древних стен; сверху гигантская осыпь поросла кустарником.

Неприятное место... Ночью мы то и дело слышали грохот камнепадов.

У подножия горы Фаи отыскал вход в грот. Широкая расселина уходила во мрак. Согнувшись, мы нырнули туда и пошли вниз по камням. Вдруг в темноте, озаренный светом из трещины позади нас, засветился белый песчаный бережок. Над головами навис тяжелый свод, неровный, волнистый, словно окаменевшее море. Все здесь казалось таким огромным... Белый песок омывала кристально чистая вода подземного озера, которое терялось в непроницаемой тьме. Ваи По — "Ночная вода"... Наши друзья были поражены не меньше нас: такие большие гроты на здешних островах редкость.

Тиоти и Фаи принесли в грот маленькую лодку и благоговейно спустили ее на воду. Лив и я, захватив с собой керосиновый фонарь,

отправились путешествовать в таинственный мрак. Казалось, в гроте звенит колокольчик. Из тьмы доносились чистые мелодичные звуки. "Клиkk-клякк-клякк-клякк-клиkk..." Волны от лодки разбегались по зеркальной глади и извлекали чудную музыку из невидимых каменных степ. Призрачный свет из входа падал на Фаи и Тиоти; они сидели на корточках на берегу тихо, как мыши. Несколько серебристых полосок протянулись по синей воде, смешиваясь с красными и желтыми бликами от нашего фонаря.

Красота грота произвела на нас незабываемое впечатление.

Но вот за черным выступом исчезли Фаи и звонарь, пропали все краски. Теперь со всех сторон нас окружал плотный мрак, и огонек фонаря казался таким крохотным, беспомощным... Напоследок наши друзья успели еще крикнуть нам что-то про табу и про морских чудовищ.

Мы гребли не спеша, и лодка скользила медленно-медленно. Лучше быть осторожным: еще попадешь в какое-нибудь течение. Да мало ли что еще может случиться.

Мелодичный звон прекратился, теперь было слышно только, как падают капли со свода. Мы зачерпнули воды и отпили глоток. Холодная, удивительно вкусная, чуть солоноватая. А ведь мы, наверно, были ниже уровня моря.

Лив взяла заложенный за ухо цветок тиаре и бросила в озеро. Цветок замер на месте: у поверхности совершенно не было течения. А лодка уходила все дальше, дальше... Когда же кончится грот? Вдруг мы больно стукнулись обо что-то головами. Свод опустился совсем низко. Пригнулись, но и это не помогло; вскоре нос лодки уперся в скалу.

Однако "Ночная вода" уходила под скалой еще дальше.

Предание рассказывает, что где-то здесь, если нырнуть, можно найти скрытое отверстие. Широкий ход ведет в другую пещеру, которая расположена выше и не затоплена водой. Будто бы там, пока обвал не погубил жителей Таиокаи, жил шаман здешнего племени. И будто бы скелет шамана и по сей день сидит в каменном кресле у алтаря в подземном святилище. Мы не решились проверить...

Когда мы выбрались наружу, наши смуглые друзья озабоченно глядели на небо. Тиоти почесал затылок. Плохо дело. Конец хорошей

погоде. Теперь опасно выходить в море на каноэ. Увы, погожие дни редки на Фату-Хиве...

Надо было спешить. Мы побежали к лодке и снесли ее к воде. Нам стоило немалых усилий прорваться через бушующий прибой. А теперь — назад, к долине Омоа, к нашей бамбуковой хижине, скорее, пока шторм еще только начинается.

Мы отошли подальше от берега, а Фаи вел свою лодчонку так близко к скалам, что ее швыряло то в одну, то в другую сторону. Валы стали еще выше и круче прежнего. И хотя мы выбросили за борт все наши запасы фруктов, казалось, нас вот-вот захлестнет.

Был уже вечер, когда мы опять поравнялись с Хана-ваве. Солнце погрузилось в океан, оставив в небе красочное зарево. Потом и оно погасло, наступила ночь. Тьма-тьмущая, хоть глаз выколи.

Водная равнина становилась все более пересеченной. Мы то скользили вниз по крутому склону, то с трудом карабкались вверх, то скатывались наискосок в пропасть. Приятного мало... Ничего не видно, вдруг откуда-то из мрака на тебя обрушивается стена холодной воды. Давай вычерпывай! А через минуту лодка уже опять почти полна. И так все время... Мы вычерпывали воду, словно заводные. Потому что если уровень воды в лодке сравняется с уровнем океана, дело будет совсем плохо! Нет, долбленка-то не потонет. На этот счет Тиоти нас успокоил. Знай гребь, пока голова над водой торчит! А вот акулы... Они бы, возможно, и не стали нападать на нас, но после рыбной ловли в лодке остались следы крови, а кровь акулы чуют издали. Стоит, например, сорваться в море раненому козлу — они тут как тут. Если бросить за борт рыбы внутренности — тотчас налетят. Самые крупные из них были втрое длиннее нашей лодчонки. Маркизские акулы вообще известны своей величиной.

Ох, какая это была долгая ночь... Кромешный мрак, пляшущая на волнах лодка...

Наконец мы подошли к долине Омоа. Издали заметили свет в хижинах; кроме того, Пакееее, ожидая нас, развел между пальмами огромный костер.

Идем к берегу, от которого нас отделяет громогласно ревущий прибой. По-прежнему тьма, только на берегу колышется пламя и мечутся, подбрасывая хворост в костер, полуголые фигуры.

Мы ждали команды звонаря.

— Пошел!

Нас подхватил несущийся к берегу вал. Выше, выше... Вокруг все кипело, бурлило. С огромной высоты мы вместе с волной обрушились на гальку. Тотчас сильные руки извлекли нас из грохочущей воды и отнесли к костру. С благополучным возвращением!

— Кончилась хорошая погода, — вздохнула Лив.

— Да, счастливо отделались, — подхватил я, выходя на нашу тропу.

— Табу, — буркнул нам вслед Тиоти.

Глава седьмая

ЗА КУЛИСАМИ ПАЛЬМ

*Нравы и болезнь «фе-фе». С факелами за летучими рыбками.
Пленники в собственной лачуге. Наши лесные приятели. Дети рая.
Тяжелые дни. Отец Викторин бежит с острова. Прощай,
бамбуковая хижина. На шлюпке в открытый океан. Высадка на
берег Хива-Оа*

Наступила пора путешествий. Мы бродили то по горам, то по дебрям, а в хорошую погоду несколько раз ходили на лодке в Ханававе. Здесь нас привлекала пещера на отвесном склоне, вход в которую,

наполовину заложенный камнями, был виден с моря. Но пробиться в нее снизу нам не удалось, а сверху пути вообще не было.

В прошлом племена Ханававе и Омоа постоянно враждовали и вооруженные стычки между ними были в порядке вещей. Воины шли за советом к своему шаману, и тот в состоянии одержимости плясал, стуча подвешенными к поясу черепами и выкрикивая бессвязные фразы. Все, что он говорил, толковалось как наказ высших сил.

Однажды шаман омоанцев предупредил, что люди из Ханававе идут на Омоа войной. Несколько человек, захватив все свое имущество, поднялись в пещеру, и когда на море внизу показались лодки врага, они из засады сбросили на них тяжелые обломки скал. Надежная баррикада защищала храбрецов от копий и камней. Но вышло так, что они потом не смогли выбраться из пещеры и остались там навсегда. Так рассказывают островитяне...

Не удалось и нам проникнуть в пещеру, зато мы нашли много интересного в горах и в джунглях. Наскальные изображения, захоронения в чаще леса... А в верхней части долины Ханававе, на безлесном гребне, покрытом травой в рост человека, были культовые сооружения из кроваво-красного камня. Мы наткнулись на них, пробираясь сквозь гущу травы по тропам, вытоптаным дикими свиньями.

На остром гребне стояли высокие платформы и стены из обтесанного красного камня. Здесь же были воздвигнуты идолы метровой высоты, около ног которых лежали грозные каменные топоры для обезглавливания людей. Наши проводники и не подозревали о существовании этого памятника старины.

Но недолго пришлось нам бродить по горам и подолам. Болезненные нарывы и язвы на ногах приковали нас к дому. Они появились уже давно, но до сих пор мы как-то на них не обращали внимания. Теперь стало совсем худо. У Лив было три нарыва почти с ладонь, у меня появилось много болячек на ступнях и икрах. Стоило замочить ноги в море, как они вздувались, словно шары. А в лесу от непрерывных дождей все размокло, и мы ходили по колено в грязи.

Поэтому мы предпочитали отсиживаться в бамбуковой хижине и промывать болячки горячей водой. Как-то к нам пришел Тиоти, принес свежей рыбы. Он заверил нас, что болезнь «фе-фе» можно вылечить за одну неделю, нужно только применить нужное лекарство, и отправился в лес за лепестками желтых цветов борао. Из них мы

сварили густое зелье, которым и смазали болячки. Да, прав был Ларсен из Мосса, когда предостерегал нас...

Зелье вытянуло гной, но остались незаживающие язвочки.

Мы бинтовали ноги пальмовыми листьями и сидели дома, выходя только за плодами. И лишь иногда мы позволяли себе развлечься. Как-то нас позвали на совершенно необычную рыбную ловлю. Такой потехи я еще никогда не видывал!

Пужинав у Пакеекее, мы дождались темноты и пошли на берег. Море было настроено добродушно. Позади нас качались черные пальмовые кроны, над головой сверкало звездное небо... Спустили на воду две лодки; в одну сели Пакеекее и Лив, в другую — звонарь, Пахо и я. На носу лежали трехметровые связки теиты. Из тонких сухих стеблей этой травы, связанных вместе, получались великолепные факелы. Выйдя в залив, мы их зажгли.

Трескучее пламя, рассыпая искры в ночном воздухе, прочертило на воде световые дорожки. У лаково-черной поверхности кишели какие-то мальки, но нас они не занимали. Мы пошли вдоль крутого берега дальше, в сторону Тахаоа. Беспечное пламя причудливо освещало наши лодки, во мраке вверху хрипло кричали гнездящиеся на скалах морские птицы.

Вдруг появились летучие рыбки. Будто сверкающие снаряды вырывались из тьмы и, пролетев мимо нас, погружались в немую пучину. Их-то нам и предстояло ловить! Не удочкой и не острогой — а хватать на лету, словно птиц! Что тут было... Трескучие факелы делали свое дело: множество рыбок со всех сторон летело на свет. Неслись, точно стрелы, пущенные хорошим луком; только и слышно было, как они ударяются о борта.

Глаза берегите! — крикнул звонарь.

Уместное предупреждение: блестящие стрелы проносились возле самой головы...

Тиоти размахивал в воздухе сачком на длинной палке. Есть! Одна рыбка шлепнулась из сачка на дно лодки. Отсюда она уже не могла взлететь. Летучая рыбка — словно планер: чтобы подняться в воздух, ей нужен разгон, и она набирает скорость в воде.

Я поднял пленницу. Длинной с локоть, спина черная, брюхо белое, по бокам серебристо-голубые полосы... Длинные пятнистые «крылья», громадные черные глаза — словно шары по бокам головы.

Еще одна! Вот это да! Вдруг я увидел рыбу, которая неслась прямо на меня. Удар в живот, и я повалился с банки на дно. Пахо тоже чуть не упал — от смеха. Прямое попадание! Ничего, зато теперь у нас уже три рыбы. С другой лодки тоже доносился хохот: видно, и там кому-то досталось!

А рыбки все летели — словно озорные мальчишки затеяли игру в снежки. Все освещенное пространство вокруг лодки пронизывали блестящие снаряды. У звонаря от меткого попадания слетела с головы шляпа. Мы хохотали и размахивали руками, хватая рыб в воздухе и в воде, приседали и извивались, мокрые от брызг и шлепков. Тиоти как мог защищался своим сачком.

Когда от факелов остались одни хвостики, мы надели их на палки, чтобы уж горели до конца. Но вот, шипя, погасли в воде последние искры, и тотчас рыбы гонки прекратились. Снова только свет звезд да хриплые крики птиц...

У наших ног лежало тридцать пять рыб. Большинство из них сами влетели в лодку. Богатый улов! Но звонарю все было мало. Теперь Тиоти хотел добыть као-као. Довольно скоро к нашему прежнему улову прибавились четыре здоровенные рыбины с головой, напоминающей длинный клюв. Но пятая заставляла себя ждать. Я чуть не заснул.

Сильный стук веслом о борт заставил меня встрепенуться. Поймал? Нет, не клюет. Снова потянулось ожидание. Вдруг Тиоти опять взял весло и принялся стучать, так что гул пошел над водой.

— Зачем ты так делаешь? — не удержался я.

— Рыбу бужу, — объяснил звонарь...

Шла неделя, другая, третья, а «фе-фе» все не унималась. Напротив — язвы увеличились, и боль порой была такая, что мы не могли встать с постели.

Ели что придется. Дождь лил не переставая, почва в лесу превратилась в сплошную жидкую грязь, воздух насытился испарениями. Сырость была страшная. Наша хижина покрылась плесенью, нары стали гнить. Кругом стояли лужи, и комары размножались в невероятных количествах. Вот для кого здесь был рай!..

Комарье тучами окружало хижину. А ветер помогал им проникать даже сквозь сетку на окнах. С утра до вечера мы их давили, обеспечивая работой полчища крохотных мурашей, которые подьедали с пола комариные трупы. Казалось, все насекомые дебрей ищут спасения в нашей хижине! Всюду, всюду что-нибудь копошилось. Даже в постели завелись муравьи. Три семьи облюбовали наше ложе из листьев.

Чтобы не шлепать босиком по грязи, мы купили в «магазине» Вилли тапочки; они были такого размера, что пришлось их привязывать к ногам. Однажды утром Лив побрела за водой к роднику; вдруг раздался ее дикий вопль. Огромный — чуть ли не с мышь! — косматый паук забрался к ней в тапочку и основательно укусил ногу. Хорошо еще, что укус оказался не опасным.

А затем началось самое худшее... Из щелей в стенах посыпалась мелкая, как мука, белая пыль. Она покрывала пол, собиралась в лепешки на стенах, роилась в воздухе. От нее нигде не было спасения. Ляжешь спать, а наутро тебя словно снегом занесло. Мы дышали пылью, глотали пыль...

Иоане и его друзья все-таки подвели нас. Ведь они должны были знать, что на зеленый, молодой бамбук нападет жучок. Только желтый бамбук, да еще вымоченный неделю в соленой воде, годится для постройки. Видно, они не верили, что мы задержимся здесь надолго.

А пыль все летела и сыпалась, сыпалась и летела. Что ни день — генеральная уборка. Но толку мало. Кончилась бамбуковая идиллия. Ее уничтожили пыль и комарье, пауки и плесень.

Правда, было у нас одно утешение — Пото. На маркизском диалекте «пото» — «кот». Наш Пото был чудесным полудиким котом. Полосатая шубка, пушистый хвост, мягкая походка хищника... Он пришел к нам, надеясь поохотиться на мышей и ящериц. Из окна мы хорошо видели, как он в первый раз крался к нашей кухне. Внимательно все обнюхал, подъял крошки от кокосового ореха, еще что-то...

На каменном столике стояли в ореховой скорлупе густые сливки, которые мы готовили сами. Лив натирала теркой кокосовый орех, получившуюся массу заворачивала в кокосовую пенку и выжимала жирный сок. Он играл немалую роль в нашем домашнем хозяйстве и отлично заменял настоящие сливки.

Вскочив на стол, Пото сунул мордочку в скорлупу. За всю свою кошачью жизнь он не пробовал такой вкусной еды! Вылизав миску начисто, кот аккуратно умылся лапками и игриво покатался на камне. Потом, видно, услышал какой-то шум из хижины, так как в следующий миг его уже не было.

Но назавтра Пото явится снова и смело прыгнул на стол, где его уже ожидали сливки. С тех пор он стал навещать нас каждый день.

Как только Лив садилась тереть орех, из леса выхолил Пото. Любопытный кот никак не мог надивиться на странное двуногое создание. Он ложился на каменную ограду и смотрел оттуда на Лив. Но мало-помалу дикарь становился все более ручным и наконец до того осмелел, что стал подкрадываться за кокосовой массой прямо к ногам Лив. Однако тут стали ревновать куры, наши единственные домашние животные — две молодые курицы, которые всегда расхаживали с таким важным видом, будто они были петухами, и постоянно дрались между собой так, что только перья летели. И когда Пото посягнул на крошки, которые драчуньи считали своим достоянием, ему пришлось отступить. Казалось, в лес летит пушистый мяч, преследуемый по пятам разгневанными птицами.

Чтобы умиротворить девиц, мы раздобыли в деревне петушка. Но когда мы опустили отважного рыцаря на землю между двумя «вахинами», новый красавец встретил далеко не любезный прием. Они задали ему такую взбучку, что он еле унес ноги в лес, где его появление очень обрадовало диких собак... А наши отнюдь не женственные куры, выпятив грудь, вышагивали по двору, чрезвычайно гордые своей победой. Этак они скоро даже нам перестанут дорогу уступать!..

Они неслись, но явно стыдились этого. Чтобы найти яйцо, нам приходилось обыскивать чуть ли не весь лес. Найдешь, а оно уже протухло... Но мы все им прощали: все-таки хоть какая-то компания!

Бывало, только удивись: что это на дворе пусто — как уже из леса или из-за каменной стены бесшумно крадется Пото, а откуда-то сверху, громко хлопая крыльями, летят воинственные подружки.

У Пото был закадычный друг, которого мы назвали Леопардом. Леопард был примерно того же возраста, только порыжее и более робкий. Пото каждый день приводил друга к участку и преспокойно

шагал через двор к кухонному навесу. Оттуда он оглядывался на Леопарда, как бы зовя его, но тот робко жался к ограде. Как ни заманивал Пото приятеля, рыжий дальше стены не шел, предпочитая издали смотреть, как Пото с наслаждением уписывает вкусное угощение — разумеется, если в это время не было поблизости кур.

И еще один приятель завелся у нас — ящерица Гарибальдус. Большая, с новорожденного котенка, она лихо расправлялась с насекомыми, не отступая даже перед коварной тысяченожкой. Нельзя сказать, чтобы Гарибальдус охотилась бесшумно: она топала по стенам так, что источенный жуками бамбук жалобно скрипел, посыпая нас пылью. А когда мы ложились спать, Гарибальдус устраивала на потолке целый концерт: пищала, шипела, квакала.

Родители явно не приучили ее к чистоплотности — с потолка нет-нет да и летели вниз лепешечки, и почему-то всегда на мою голову! По-моему, она это делала нарочно. Сколько бы я ни менялся местами с Лив, это меня не спасало. А стоило мне ударить кулаком по столу и пригрозить, что я сейчас посажу безобразницу в формалин, как Гарибальдус, весело хохоча, исчезала в какой-нибудь щели в потолке.

За все то время пока мы не выходили из дому, привязанные к хижине болезнью, у нас не было другой компании. С четвероногими и пернатыми друзьями были связаны все события нашей однообразной жизни; островитяне неделями не появлялись в долине. В листве деревьев обитали птахи, а по соседству с нашим участком ходила дикая лошадь с жеребенком, но они были уж очень робкие. А однажды к нам во двор забрели крабы! Мы даже поймали несколько штук. Вдали от моря, в сердце острова! Для меня это было совершенной новостью.

Были у нас и враги. Самые страшные из них — комары. Комары и отец Викторин. Мы прятали ноги в мешки, кутались в пледы — и все равно кожа была бугристой от жгучих укусов. Порой нами овладевал садизм. Мы давали комарам как следует напиться крови. Раздувшись, словно шары, они летели, сытые, довольные, к окну. Но теперь ячея сетки не пропускала их! И мы с наслаждением расправлялись с кровопийцами...

Часто за окном гудела целая туча комарья. Стоило приставить к сетке палец, как они тысячами бросались на добычу, вытянув свои

хоботки. Подразнив их всласть, мы хватали какого-нибудь мучителя за хоботок и втаскивали внутрь. Вот бы отца Викторина так...

Нередко боль в ногах заставляла нас лежать. Иногда мы все-таки выходили, прихрамывая, на добычу в лес. Но вдруг обнаружилось, что с фруктами дело плохо! Все плодоносящие бананы срублены, у хлебного дерева наступила передышка. Ох, как нам хотелось есть! "И какая же была радость, когда звонарь приносил рыбу! Только тот, кто голодал, поймет нас. Обычно человек в цивилизованном обществе настоящего голода не знает, он жалуется на голод перед обедом, когда его одолевает аппетит. Для него еда уже не то неземное наслаждение, каким она, наверно, была в прошлом.

Рыба-меч... С каким удовольствием мы ее ели!.. Конечно, можно приготовить дорогое, изысканное блюдо. Безусловно, будет вкусно. Но и только. Тот, кто по-настоящему голоден, готовит куда проще, зато испытывает такое наслаждение, о котором никакой лакомка и мечтать не может. Трапеза изголодавшегося — сплошное блаженство и счастье.

Совершенно неожиданно выяснилось, куда исчезают все плоды. Как-то рано утром, еще до рассвета, мы увидели в лесу целый отряд вахин и молодых парней во главе с нашим старым приятелем Иоане! В мешках и прямо в охапках они тащили плоды, за которые мы честно уплатили вперед. И ведь им эти плоды были совсем не нужны. Это делалось нарочно... Они обобрали даже кокосовые пальмы возле самой хижины. Порядком разозленный, я догнал отряд Иоане возле реки, где они грузили мешки на лошадей. Неплохо поживились!..

— Иоане, — сказал я, — ведь эти плоды мои.

— Аоэ,^[7] — беззастенчиво солгал Иоане. — Я собрал их на соседнем участке.

Мы оба были настроены одинаково агрессивно. Но спорить бесполезно. Против меня будет все племя во главе с вождем.

А еще через несколько дней я застал Иоане, когда он слезал с кокосовой пальмы возле нашего дома. Я бросился к нему. Он зло посмотрел на меня.

— Это наш участок, — сказал я.

— А пальма моя! — крикнул Иоане.

— Мы же заплатили за пользование участком и за фрукты.

— За фрукты платили, а за орехи нет.

— Нет, уплачено за все съедобное и за орехи. Мы не можем обойтись без орехов. К тому же фрукты тоже все исчезли.

Я с трудом сдерживал себя.

— Кокос — не еда, кокос мои деньги! — завопил он.

Не знаю, чем бы это кончилось, если бы Иоане не ушел, буркнув, что я могу забрать оставшиеся орехи.

Что делать. Мы не дома. Придет судно — можем послать жалобу. Но через сколько месяцев ее рассмотрят? Через сколько лет пришлют решение? К тому же островитяне будут настаивать на своем — попробуй установи, кто прав. Всем известно, что белые грабят полинезийцев. Так что лучше помалкивать... Но ведь орехи нам необходимы, это наша главная пища!

Жизнь в джунглях становилась невыносимой. Без конца хлестал ливень, куда-то пропали все раки, полчища комаров безжалостно преследовали нас. Их развелось столько, что островитяне не могли работать в долине — заготавливать копру. Скорее бы явился корабль, который мог бы забрать нас из этого ада и доставить туда, где есть врач, способный подлечить наши язвы!

Одна женщина в деревне наступила на рыбью кость. Ранка быстро разрослась, распространившись на всю ступню. Пришлось ей потом на Таити отнимать ногу...

Как мы ждали корабля... И однажды поздно вечером, когда мы сели ужинать, издалека донесся гудок парохода. Там, за лесом, в океане — пароход! Не мудрено, что нам в ту ночь было не до сна. Задолго до рассвета мы достали нашу самую лучшую одежду, от которой давно успели отвыкнуть.

Я даже оторопел, когда взглянул в зеркальце, чтобы завязать галстук: он совершенно исчез под косматой дикарской бородой. На плечи длинными прядями падали волосы. Лив-то что — ее только красили длинные волосы. Ну да неважно! Хотя смешно, конечно, с непривычки. Сами виноваты — отдали свои бритвы и ножницы...

Натянув на ноги мешки для защиты от грязи, мы поплелись вниз по долине. Не доходя до деревни, мешки сняли и пошли по главной улице во всем параде. Фатухивцы ахнули.

Но что это? Синяя гладь океана, белые гребни волн — и никаких пароходов! Ничего — хоть бы шхуна была!

Пакееее рассказал, что ночью он видел огни, но пароход прошел мимо... Он тоже приуныл. Этому мученику веры, которого преследовали все соплеменники, приходилось не сладко. Соседи переносили его межевые камни, устраивали ему всевозможные козни. Только что вождь оштрафовал священника за кражу феи. Это Пакееее-то, который не то что украсть, а даже солгать не способен? Я рассказал ему о том, как Иоане воровал наши фрукты и уверял, что они собраны на соседнем участке.

Се па бьен!^[8] — ответил Пакееее. — Соседний участок — мой!

Звонарь сообщил нам еще одну неприятную новость. Сын Иоане — Хаии, страдающий слоновой болезнью, да-да, тот самый, который подмешивал мочу в апельсиновый сок, посылаемый священнику, поймал на берегу скорпиониху с детенышами и заготовил для нас полную коробку этих тварей. Так что нужно быть начеку...

Положение в деревне было бедственное. Местные жители целиком зависели от поставок риса и муки, а подвалы Вилли уже давно опустели. «Тереора» привезла очень мало продуктов. В Ханававе тоже голод, туда ходила лодка, чтобы узнать, как дела. И там ждут парохода...

Дни складывались в недели, недели — в месяцы, и когда прошло три месяца без каких-либо перемен, мы решили, что все ясно. Последние новости о том, что происходит в мире, были шестимесячной давности. Тогда шла война в Испании и в Китае. Видно, теперь началась мировая бойня. От островитян мы слышали, что во время первой мировой войны они годами были оторваны от внешнего мира. За копррой в то время никто не заходил. На Фату-Хиве тогда даже не знали о том, что был разрушен Папееэте.

На четвертый месяц тщетных ожиданий в деревне стало совсем плохо. И особенно отвратительно чувствовал себя отец Викторин. Он решил любой ценой покинуть Фату-Хиву.

До ближайшего острова — больше ста километров пути по бурному океану. А самым крупным судном на Фату-Хиве была старая разохшаяся шлюпка, которая лежала под пальмами на берегу. Она принадлежала Вилли Греле, но он давно забросил ее и решил купить себе новую лодку.

По приказу отца Викторина фатухивцы законопатили щели в шлюпке, провели ее через полосу прибоя и поставили на якорь в бухте,

чтобы разбухли доски. Затем они срубили в лесу несколько тонких деревьев для мачты и оснастили ее огромным парусом, который, на наш взгляд, подходил для более крупного судна, чем открытая шлюпка.

В эти дни океан бороздили буйные валы. Дул сильный ветер — правда, в нужном направлении, на север, к ближайшим от Фату-Хивы островам Хива-Оа и Тахуата.

И однажды утром, таким же хмурым, как и многие предыдущие, отец Викторин решился. Вместе с командой гребцов он вышел на подлатанной скорлупке в океан. Нельзя было не воздать должное его отваге. Огромные волны швыряли лодку вверх-вниз, она то и дело исчезала за водяной горой, и нам казалось — навсегда. Но всякий раз ее выносил вверх гребень очередной волны. И белый парус затерялся вдали. А мы стояли на берегу, волнуясь за смельчаков...

Отец Викторин хотел остаться на Хива-Оа, главном острове архипелага, а его спутники должны были вернуться с рисом, мукой, сахаром. Вернутся ли?.. Наконец через неделю наблюдатель на берегу сообщил, что видит шлюпку.

Могучие волны легко вынесли ее на берег. Команда была совершенно измотана. Им пришлось грести всю дорогу. Мачта сломалась, из днища вышибло доску, и они немало потрудились, вычерпывая воду, пока длилась починка. Отец Викторин добрался благополучно, но из продуктов они раздобыли только небольшой мешок муки.

Путешественники еле добрались до своих хижин и заснули как убитые. Гребцы привезли с собой известие о том, что никакой войны нет, виноваты спекулянты копррой...

Положение становилось совершенно отчаянным. Суда не появлялись.

Ко всему прочему стало окончательно ясно, что наши ноги под угрозой ампутации. Даже островитяне не могли смотреть на них без ужаса. Теперь, когда патер уехал, большинство фатухивцев восстановило с нами добрые отношения. Вилли, честный католик, долго был в затруднительном положении, но теперь и он всячески старался нам помочь.

И вот мы созвали совет. Выбора никакого не оставалось: надо отправляться в путь. Вилли и еще несколько человек решили плыть за

мукой и рисом и согласились взять нас с собой. Хижину пока можно запереть.

Но как сохранить наши коллекции от разграбления? С собой мы можем захватить только чемодан с одеждой, а черепа, идолов и древние изделия придется оставить... Что, если еще раз выступить в роли фокусника? Я позвал к себе в гости самых «надежных» фатухивцев и дал им понюхать формалин. Они зачихали, запрыгали, держась за нос, а я объяснил, что это смертельный яд, им будет облит весь пол хижины. Жидкость, которая убивала даже тысяченожку, произвела сильнейшее впечатление. Тысяченожку! Ведь ее хоть режь на тысячу кусков, хоть топи — все равно живет. А эта жидкость ее умертвляла. Для большей убедительности я, прежде чем поливать пол, заткнул ватой нос и завязал глаза. Потом молнией выскочил наружу и захлопнул дверь. Через несколько минут все помещение заполнит смертоносное испарение!..

И простившись со своим первым жильем, провожаемые тучей комаров, мы побрели вниз по долине, совершенно уверенные в том, что наши коллекции хранятся надежно, как в сейфе.

Эту ночь мы провели у Вилли. Ни одного комарика!.. Мы уже успели забыть, что такое спокойные ночи. Точно всю жизнь прожили в лесу.

Под утро нас разбудил собачий лай. Одновременно из леса вынырнуло несколько фонарей — это собиралась команда. Сегодня — в путь. Как-то погода? По ночному небу мчались тучи. Значит, в океане сильное волнение. Подождем немного...

Было холодновато; поставили чай, чтобы согреться и разогнать сон. Странно было сидеть в окружении старых недругов. Ни звонаря, ни Пакеееее... Зато вместе с нами пил чай Иоане. Он беспокойно поглядывал на небо. Накрапывал дождь.

До чего же прибой грохочет! Никогда еще мы не слышали такого шума. От холода и страха по телу бегали мурашки.

Кажется, светает? Да, утро теснит ночь. Вилли встал и распорядился: "Хамаи!".^[9]

Итак, в путь!.. Приступаем к безумному предприятию. Но ждать на острове — еще хуже. Мы вереницей спустились на берег, и тут все сомнения и колебания вытеснил из головы оглушительный рев прибоя. Искусные гребцы доставили нас на каноэ к шлюпке, которая стояла на

якорю в бухте, и вернулись за другими пассажирами. Последний заход сделан, а на берегу еще стоит кто-то, отчаянно размахивая руками. Это полукитаец из Ханававе — он тоже пресытился Фату-Хивой. Но у нас все места заняты, а он притащил все свое имущество, да к тому же еще свинью и несколько кур! И смешно, и жалко человека. Ему так хотелось плыть с нами, но шлюпка и без того перегружена. Борты еле-еле поднимались над водой. По правде говоря, нам с Лив вся эта затея вообще казалась безрассудной. А впрочем, ведь в прошлый раз все обошлось благополучно.

Под банками лежали запасы бананов, на носу стоял бидон с пресной водой. Если все будет хорошо, то мы при благоприятном ветре за день доберемся до цели. Правда, у нас нет ни карты, ни компаса, но достаточно с самого начала взять верный курс и идти в этом направлении до тех пор, пока из-за горизонта не появятся горы Хива-Оа. Вот если опустится туман, тогда мы пропали — не заметим, как окажемся за пределами архипелага.

Перегруженная лодка угрожающе кренилась. Фатухивцы еще раз проверили направление ветра. Все в порядке: пассат дул нам прямо в спину.

Нас было одиннадцать. Роль капитана исполнял старик Иоане; он сидел на корме, держа рулевое весло. Рядом с ним на чемоданах и мешках пристроились Вилли, Лив и я. Впереди сидели гребцы: энергичные черты лица, закаленная обветренная кожа, смуглые торсы, тугие мышцы. Молоток и гвозди наготове — на тот случай, если не выдержат доски в днище.

Иоане, облаченный в свое обычное одеяние — соломенную шляпу, белые шорты и майку, нетерпеливо ждал. Казалось, он высечен из камня, только лицо улыбалось волнам и ветру. Все готово. Иоане встал, обнажил голову, перекрестил грудь и лоб. Гребцы, суровые, торжественные, сидели опустив головы, а Иоане медленно читал молитву на родном языке. Затем все еще раз перекрестились — церемония окончена.

Внезапно в шлюпке словно разразился ураган. Иоане командовал, размахивая руками, матросы кричали, прыгали туда и обратно через банки. Мигом выбрали якорь, в страшной суматохе подняли парус. Как только шлюпка не перевернулась! Все точно обезумели. Даже обычно спокойный Вилли вопил диким голосом, отдавая распоряжения.

И вот мы птицей летим по волнам. Фатухивцы сияли от радости. Казалось, они сбросили с себя оцепенение, кровь предков забурлила в их жилах. Иоане крепко держал руль, вызывающе задрал щетинистый подбородок.

Эх, и мчались же мы! Поневоле кровь закипит у сонных сынов дебрей. Если бы можно было все плавание совершить под прикрытием Фату-Хивы... По скоро нас начнет трепать еще больше. В открытом море волнение, наверно, будет посильнее.

И действительно. Когда вдали исчезли зубчатые скалы острова, мы вплотную познакомились с океаном... Могучие пенящиеся валы горой вырастали над нами, но шлюпка легко взмывала на них в тучах брызг. Вот смотрим сверху в глубокую серо-зеленую долину, а вот мы уже внизу, теснимые исполинскими валами. Да, тут туго пришлось бы и не такой скорлупке, как наша.

Мы не знали, что одновременно с нами борется со штормом и «Тереора». Волны обрушились на палубу шхуны, ворвались в кают-компанию и все переломали. А крохотное суденышко с Фату-Хивы уверенно справлялось с бушующей стихией. Мы стремительно перелетали с гребня на гребень.

Иоане был отличным рулевым. Оскалив рот в застывшей улыбке, он внимательно следил за волнами и умело вел лодку на гребень. Когда же нас накрывал водяной вал и шлюпка скрипела по всем швам, он только еще крепче вцеплялся в руль, не сводя глаз со следующей волны. Его окатывало водой, соль ела глаза, но он ни на миг не выпускал из рук руля. Великолепный рулевой!

Двое гребцов, помоложе, скорчились на дне шлюпки; товарищи безжалостно высмеивали моряков, которые поддались морской болезни. На раздувшиеся ноги Лив было страшно глядеть — все бинты сорвало и унесло за борт... Она лежала без сознания на мешке, и я удерживал ее изо всех сил, когда нас захлестывало.

Иногда вся шлюпка погружалась в морскую пену, и казалось, что мы вот-вот пойдем ко дну. Но лодка вырывалась из могучих объятий океана, отдав ему лишь несколько фруктов из наших запасов. Вычерпывать, живо! Ни секунды передышки, непрерывное напряжение. Не раз мне чудилось, что настал конец: когда мы неслись вдоль водяной стены, которая вздымалась все выше, выше и вдруг рушилась прямо на нас!.. Или когда мы с безумной скоростью

перелетали через гребень и мгновенно скатывались в ложбину между волнами, так что весь корпус нашей лодки скрипел, вонзаясь в фонтаны брызг! На моих глазах шлюпка и ее команда совершали чудеса.

Но как бы высоко мы ни взлетали на могучих валах, даже с вершины гребня земли не было видно. Фату-Хива давно исчез, следующий остров еще не появился. Однако Иоане не сомневался в верности нашего курса.

Я плохо помню эти часы. То хлестал дождь, то жгло ослепительное солнце... Голые смуглые спины чернели на глазах: у меня и Лив вздулась пузырями кожа, обжигаемая морской солью и лучами солнца. Хорошо еще, что волосы отросли — а то бы нам не избежать солнечного удара. Помню, как вокруг нас в ложбине плясали, фыркая, черные дельфины. В следующий миг лодку подкинуло вверх, и мы потеряли их из виду.

Мы плывем все дальше и дальше... Уже день в разгаре. Сквозь полудремоту я услышал голос Иоане:

— Мотане!

Надо менять курс. Засуетились матросы, до тех пор вяло следившие за тем, чтобы волны не поломали рею.

Мотане... Необитаемый скалистый островок севернее Фату-Хивы. Он нам очень нужен для проверки курса. Мы должны пройти западнее его.

Теперь, когда мы видели на севере темную глыбу Мотане, стало как-то веселее на душе. Пусть нас по-прежнему швыряет во все стороны и окатывает водой с головы до ног — впереди земля! А вот левее Мотане на мглы проступили зеленые полосы долин на фоне гор. Это Тахуата — словно непрестанно отступающий мираж... Нам еще плыть и плыть до него: горы видно издалека.

Между Мотане и Тахуатой вдали из океана длинной серо-зеленой полосой вынырнул Хива-Оа. Я крикнул Лив, что появился наш остров. Но она не услышала моего голоса.

Самое опасное еще предстояло. В проливе между южной оконечностью Хива-Оа и Тахуатой проходит сильное океанское течение, поэтому здесь особенно большие волны. Наши гребцы хорошо это знали. Встревоженный Вилли посоветался с Иоане. Но

другого пути все равно не было. Будем, насколько возможно, держаться правее.

Мы полным ходом неслись к бушующей полосе. Иоане сидел, как наэлектризованный, он напрягся, точно зверь перед прыжком.

Все зависело от него.

Крупнейшая на Хива-Оа долина называется Атуона. Тут расположена столица архипелага, в которой обитают двести-триста жителей. Когда-то в Атуоне жил губернатор Маркизских островов; это здесь исчезли статуи Тукопаны и его дочерей.

В долине разбросаны дощатые хижины, но их не заметно с моря за пальмами. Издали видны только лес и горы, полумесяцем окаймляющие широкую долину. Здесь прожил последние годы своей жизни художник Гоген. Его могила расположена на холме в долине.

На Маркизском архипелаге почти нет белых: на Нуку-Хиве их лишь двое — администратор и один миссионер; все остальные — жандарм Триффе, телеграфист Бельвас и владелец небольшой лавчонки мистер Боб — живут на Хива-Оа. Еще на Хива-Оа есть миссионерский пункт, где обитают священники и две монашенки-католички. И, наконец, здесь живет норвежец Генри Ли; у него плантация в одном из глухих уголков острова. Остальные жители архипелага — полинезийцы и метисы.

Островитянину, никогда не бывавшему на Таити, Атуона, в которой находились лишь кучка деревянных домов и заброшенная резиденция губернатора, кажется большим городом, верхом красоты, царством небесным.

Мы подошли к столице, когда солнце уже заходило.

Промокшие насквозь, смертельно усталые, мы вспоминали кошмарный путь в скорлупке среди неукротимых исполинских валов...

Идем к берегу, четко звучат слова команды, черные от загара гребцы убирают парус и мачту. Цель трудного плавания достигнута, но напряжение все еще не оставляло нас. Мы отлично знали, что рано чувствовать себя в безопасности. Подходить к берегу с наветренной стороны — дело серьезное.

Гребцы взяли за весла. Далеко в море простиралась отмель, и могучие валы с оглушительным ревом обрушивались на нее. Сегодня

они докатывались до самого леса... Несколько островитян стояло на берегу, любуясь игрой могучей стихии.

Лив очнулась, но глаза ее безучастно смотрели на пенный хаос. Гребцы внимательно слушали команду Иоане. Недомогавшие парни получили одно весло на двоих — настала пора напрячь все силы.

Решительно идем к кромке прибоя, но сзади нас вырастает грозный вал, и приходится отступать, отчаянно работая веслами. Шлюпка взлетает в воздух, точно мячик... Пронесло. Теперь молено опять вперед.

Иоане, с лицом разъяренного демона, срывающимся голосом выкрикивал команды. Без его указаний гребцы не делали ни одного движения. Он был весь внимание и энергия. Только его воля и опыт могли нас спасти.

Вот она, нужная волна!.. Иоане командует:

— Греби, греби, греби!

И гребцы, стиснув зубы, сверкая глазами, навалились так, что весла затрещали.

Через всю полосу прибоя стремительно нес шлюпку бурлящий гребень. Мы вцепились в борта. Вдруг двое парней выпустили свое весло.

Иоане взревел от ярости. Одним прыжком Вилли пролетел мимо нас и схватил весло; парни лежали плашмя на груди фруктов.

По Вилли опоздал. Шлюпка уже развернулась боком к волне, и Иоане ничего не мог сделать. Бросив весла, гребцы вскочили на ноги и нырнули за борт.

Я схватил Лив и тоже прыгнул в воду. Вилли последовал за нами. Нас подхватил кипящий вихрь...

Опомнился я, лишь когда ощутил под ногами песок, и тут же побежал вместе с Лив к берегу, спеша уйти от неумолимо надвигающейся с моря новой, отливающей стеклянным блеском стены. Борясь с кипящим водоворотом, мы вырвались из цепких объятий предыдущей волны и упали на траву.

А наши спутники облепили, словно муравьи, шлюпку, которую швыряло прибоем. Во что бы то ни стало надо спасти ее! Они поминутно исчезали в лавине воды, но лодку не выпускали. Плывая больше под водой, чем по воде, они вытащили на берег все мешки и чемоданы, а затем привели и шлюпку!

На всякий случай мы отнесли все подальше в лес. Весла, фрукты и прочие мелочи волны сами потом выбросят на берег...

Мы добрались до Хива-Оа.

Глава восьмая

НА ХИВА-ОА

Бездомные в деревне Атуона. Через горы в Пуамау. Исполинские боги в дебрях. Культовая площадка и неприступное укрепление. Мауриури — привидение Южных морей. Охота на кур. Удивительные судьбы. Ханаиана — долина смерти. Комитет заседает

От берега в пальмовую рощу шла поросшая травой дорожка. Сперва мы увидели домик телеграфиста, потом, возле самой дороги, — футбольное поле, правда, не очень-то ровное. Все-таки

цивилизация!.. И островитяне здесь были одеты более элегантно, чем наши друзья на Фату-Хиве. Шляпы набекрень, в уголке рта небрежно болтается сигарета — сразу видно, что сюда часто наведываются увеселительные яхты.

Местные жители смотрели на нас критически. Они уже успели узнать белых. Островитяне делили их на три категории: мундиры, требующие почтения, туристы — объект их насмешек и заготовщики копры, к которым они относились безо всякого уважения.

Мундир для них воплощал в себе правительство, власть. Власть, которая издает законы и отправляет островитян в тюрьму на Таити...

Турист, по их понятиям, олицетворение глупости. Он тратит жизнь на то, чтобы слоняться по белу свету и бросать деньги на ветер. За старого, потрескавшегося каменного божка он отдаст не только кучу денег, но даже шляпу и костюм!

А сколько глупых вопросов он задает! Турист не видит разницы между феи и другими бананами, годовалый ребенок — и тот толковее его. Ни дома, ни красивые наряды островитян его не привлекают: сойдя на берег, он сейчас же устремляется в лес — дескать, вот где красота!

Но турист — хоть миллионер. Не то, что заготовщик копры. Эти тоже белые, но совершенно нищие. Правда, голова у них варит лучше, они не донимают людей глупыми вопросами. И с кокосовой пальмой умеют обращаться не хуже островитян, и лихо пьют кокосовое вино. Но они приезжают не сорить деньгами, а выкачивать их. Туристы и правительственные чиновники смотрят на них свысока. Заготовщикам недостает благородства. В общем, какие-то странные люди...

Поскольку мы прибыли на скромном туземном суденышке и сошли на берег в такую дрянную погоду, нас встретили с холодком. А когда мы, одетые в мокрое тряпье, побрели по дорожке, еле передвигая ноги, местные жители вынесли окончательный приговор: это белые самого низшего разряда.

Точно так же оценил нас жандарм Триффе, когда мы вместе с Вилли и Иоане постучали в дверь его конторы. Ибо белый, который всю свою жизнь провел в одиночестве среди полинезийцев, перенимает их взгляд на вещи.

Тощий человек в пробковом шлеме смерил нас мутным взглядом. Не вынимая из кармана правой руки, протянул левую Лив для

приветствия. Затем повернулся к нам спиной и пригласил Вилли и Иоане переночевать у него, если им некуда пойти. На нас он больше не глядел. Что ж, вид у нас действительно был не особенно представительный.

Пошли дальше...

В дальнем конце деревни мы отыскивали лавку мистера Боба, просто Боба и все, или Попе по-местному. Он встретил нас в дверях — толстый, улыбающийся, в коротких штанах. Волосатые ноги, разрисованные татуировкой руки... Наколотый на руке голубоватый якорек отлично сочетался со всем его обликом: сразу видно бывшего моряка, который осел на суше.

Но и здесь места для нас не было. Мистер Боб сообщил, что у него уже поселились два фотографа, больше некуда. И исчез в доме, пробурчав что-то насчет несносной погоды. Действительно, шел дождь...

Только теперь мы начали понимать, что в чем-то сделали промах. Жить дикарем — не комильфо. Нас окружал все тот же мир, основанный на борьбе за преуспевание. Мы бросили вызов здешним белым тем, что не считались с правилами приличия. Задели их гордость, самодовольное убеждение, что они не отстают от времени, живут не в каком-нибудь глухом захолустье...

Мимо прошли наши гребцы. Их приютили в католической миссии.

Вилли был родственником вождя и устроился у него.

Вспомнив совет Пакееее, мы отыскивали дом протестантского священника. Грязный, темный барак на отшибе был, может быть, попросторнее большинства здешних лачуг, но ничуть не уютнее. Все, кто исповедовали веру священника-протестанта, могли поселиться в его бараке.

Навстречу нам вышел улыбающийся босой священник в черном пиджаке и полинезийской юбочке. Он пригласил нас присоединиться к пастве. Помню страшно фальшивое псалмопение, калейдоскоп странных лиц — затем мы повалились на только что освободившуюся кровать и уснули.

Когда мы проснулись, был ясный день. Сквозь разбитое окно лучи солнца падали на кучу кофе, разложенного для сушки на полу. В соседнем помещении кто-то стонал и кашлял.

Лив стиснула зубы... Нет, здесь оставаться невозможно.

Мы достали из «непромокаемого» чемодана нашу лучшую одежду. Она слиплась от морской воды. Ничего! Зато будем хоть немного похожи на туристов!

Лив — в шелковом платье и в туфлях на высоких каблуках, я — в костюме и шляпе отправились, прихрамывая, в деревню. Великолепный эффект! Никто не смотрел на пятна и складки. Теперь мы в глазах местных жителей были туристами! Совсем другое дело.

Боб стоял в лавке, окруженный горластыми покупателями. Он отпускал варенье, жидкость для волос, фуражки с блестящими козырьками. Одна женщина попросила полметра резинки. Боб приложил кусок резинки к мерке, растянул его до нужной длины и отрезал. Затем подал изумленной покупательнице коротенькую резинку...

— Мистер Боб, — обратился я к нему, — нам бы кое-что купить...

Боб смотрел на нас и не узнавал.

— Слушаюсь, мистер, — вымолвил он наконец, вежливо поклонившись.

— Варенье есть? — спросил я.

— Есть, мистер, сколько банок вам надо?

— Давайте все.

— Ты с ума сошел, — прошептала Лив, глядя, как Боб тащит одну за другой целые охапки банок с заманчивыми этикетками.

Тсс, — ответил я, — надо пустить пыль в глаза.

Все, — с почтением в голосе доложил Боб, заставив половину прилавка разноцветными банками.

— Еще что-нибудь вкусное есть? — осведомился я.

— Конфеты, леденцы и шоколад, — отчеканил Боб, стирая со лба пот и не сводя с меня почтительного взгляда.

— Несите весь запас, — распорядился я. — А как насчет табака?

— Какой вы курите?

— Я не курю, мне для подарков местным жителям.

Зрители, окружившие нас, буквально облизывались, видя, как Боб достает добрую порцию жевательного табака и длинный нож.

— Столько? — спросил он, примеряясь ножом.

— Чего там резать, все давайте, — небрежно бросил я, чувствуя себя Ротшильдом в деревенской лавке.

— А это что? — продолжал я.

— Жидкость для волос, с Таити прислали.

— Давайте.

Тут и Лив нашлась и стала отбирать товары для себя. Когда весь прилавок был завален покупками, мы уgomонились.

Я вытацил свой самый большой чек, готовясь уплатить.

Что вы, это не к спеху! — всполошился Боб и торопливо схватил чек.

Мы вышли из лавки, чувствуя себя князьями. Условились, что покупки нам пришлют. Куда? Этого мы пока сами не знали...

Положение было исправлено. Отныне на нас смотрели как на людей.

На дороге нам встретились «фотографы», о которых Боб говорил накануне. Он — худой, длинный, обвешанный аппаратами, на одной руке браслет из кабаньих клыков. Она — маленькая, юркая, как дикая кошка, с пышной шапкой ярко-рыжих волос.

Они были для нас словно оазис в пустыне. Мы тотчас подружились. Мадам Рене Шамон, французская журналистка, прибыла на Хива-Оа с кинооператором, чтобы сделать фильм об острове, где некогда жил Поль Гоген. Название фильма — "По стопам Гогена". Они уже сняли первые кадры — дорожку от берега в глубь острова, по которой ходил великий художник.

Мадам Шамон была женщиной энергичной, не признающей никаких препятствий. А увидев наши ноги и услышав, где мы ночевали, она буквально взорвалась.

— Се т'юн скандаль! — кричала она. — Вы находитесь в колониях моей страны, и сегодня ночью миссис Хейердал будет спать по-человечески, хотя бы мне для этого пришлось уступить свою собственную кровать!

Они поселились в пустующем домике губернатора, а к Бобу приходили только есть.

Мадам Шамон и кинооператор приплыли на «Тереоре» накануне утром. Они собирались поработать на Хива-Оа неделю-другую, пока шхуна набирает груз копры, а потом вернуться на Таити.

— А оттуда — домой! — воскликнул тощий оператор, счастливо улыбаясь. — Тысячу стройных пальм за одну сосновую иглу под снегом!

— Да уж, занесло нас в дыру! — бушевала Рене Шамон. — Вернусь во Францию—такую пародию сочиню!.. Назвали когда-то Южные моря раем, и теперь никто не смеет сказать правду.

На дороге показалась жалкая фигура Триффе, окруженная толпой островитян. Мадам Шамон подмигнула нам и налетела на беднягу, словно ураган. Он в отчаянии воздел руки к небу. И вот уже рабочие несут в пустующий бунгало, где некогда жил врач, кровати, постель, веники!

Через неделю мы сердечно попрощались с нашими заботливыми друзьями. Держа за руку нагруженного оператора, маленькая огневая француженка крикнула последнее "о ревуар" и прыгнула в шлюпку «Тереоры», пришвартованную к утесу, который заменял волнорез.

"Тереора" увезла также наших попутчиков с Фату-Хивы. За кормой шхуны прыгала на буксире старая лодчонка Вилли. Скоро они высадутся на уединенном островке, где стоит в лесу пустая бамбуковая хижина...

А нам пришлось остаться лечить ноги. Мы очень подружились с лекарем, недаром его, как и меня, звали Тераи! Я отлично помнил свое полинезийское имя: Тераиматеата.

Тераи родился на Таити. В тамошней больнице он научился оказывать первую помощь, лечить несложные болезни. И надо сказать, он хорошо знал свое дело. Тераи колол и резал, врачевал мазиями, извлекал больные ногти, чтобы спасти кость от инфекции. Совсем молодой — ему было немногим больше двадцати лет — он весил килограммов сто с лишним. Внешностью Тераи напоминал своего соплеменника Теринероо и был таким же добродушным здоровяком. Умница, полный чувства собственного достоинства, верный традициям своего народа, нисколько не испорченный новыми временами.

Вся деревня в долине Атуона состояла из дощатых домиков, крытых железом; один Тераи построил себе бамбуковую хижину с крышей из пальмовых листьев. Больница была рядом; больные лежали прямо на полу и сами готовили себе пищу. Ни одного свободного места...

Мы питались у китайца Чинь Лу, который жил особняком. С каждой неделей наши ноги все больше заживали.

Тераи один олицетворял здравоохранение на пяти островах южной части архипелага. Но разве успеешь всюду при такой

разобщенности! Раз в месяц он садился на коня и отправлялся навещать глухие горные долины Хива-Оа. Несмотря на солидный вес, Тераи был лучшим всадником на острове и держал самых резвых коней. Пешком Тераи вообще не ходил: времени не было. Когда наставал срок делать «обход», он садился на неоседланного коня и вихрем мчался вверх по долине.

Однажды мы попросили Тераи взять нас с собой. Язвы заживали хорошо, и нам хотелось размяться. Он долго пугал Лив трудностями пути, но в конце концов сдался.

Рано утром, еще до восхода солнца, из долины Атуона отправились в горы четыре всадника: четвертым был один местный житель, наполовину полинезиец, наполовину китаец. Сперва мы проследовали вдоль побережья до следующей долины, а уже там начали подъем все выше и выше... Тераи отобрал самых лучших коней, они то и дело срывались в галоп, но мы их сдерживали. До Пуамау далеко — сорок пять километров утомительного пути по диким горам. Да, мы снова были в сказочном горном крае и вновь испытали неопишуемое чувство блаженства от общения с нетронутой природой. Тропа петляла в густом кустарнике, воздух благоухал, и солнце взбиралось по небу все выше и выше, освещая долину во всем ее великолепии. Веера пальм, пышные кроны деревьев.словно зеленая волна омывала подножие гор. Над нами возвышалась покрытая растительностью высочайшая вершина острова. А далеко внизу — океан: сперва зеленоватая бухта, исчерченная белыми гребнями волн, затем сверкающий голубой простор до зубчатых контуров гористого островка Мотане, который словно плыл по волнам.

Белые птицы парили в воздухе, сине-зеленые ящерицы улепетывали с красной тропы, по которой ступали копыта наших коней.

В необитаемой долине дикие петухи кукареканьем приветствовали солнце. Весело ржали кони, чуя близость лугов, окаймленных тонкими стволами карликового железного дерева.

Я придержал коня, любуясь великолепным видом. Острые гребни, гряды, шпильки были краями кратеров; внутри них простирались светлые луга, покрытые папоротником и травой теитой. Луга окаймляла темная зелень лесов. Узловатые стволы и косматые кроны пандануса, мощные зонты древовидного папоротника. Заросли бороа

перемежались с растениями, присущими только горам. А рядом круто вниз обрывались совершенно голые стены.

Отсюда океан казался особенно огромным, ему не было ни конца, ни края. Вон зеленые горы острова Тахуата, еще дальше — словно парусный корабль — Мотане. Каким крохотным выглядел с этой высоты островной мир Иоане, Тиоти и Пакееее...

— Се жоли, — произнес чей-то голос за моей спиной.

Тераи тоже любовался горами.

— Что красиво? — Я удивленно взглянул на моего спутника.

— Горы, лес — все! Природа... Очень красиво.

Похоже, Тераи не такой, как все островитяне...

— А Папееэте? — спросил я. — Разве город не идеал красоты для вас всех?

— Для меня — нет, — ответил Тераи. — Препрежний Таити нравился мне больше.

— И все-таки большинство его жителей переезжает в город.

— Да, — согласился Тераи. — Очень плохо. А как ведут себя девушки?.. Это хуже всего...

— Все девушки?

— Все...

— Почему?

— Деньги. Белые мужчины.

Тераи тронул коня, и мы двинулись дальше рядом.

— Посмотрите, — показал Тераи, — такой была прежде наша страна. И мы были счастливы. Наш старый король сочинил гимн Таити. "Я счастлив — цветок тиаре с Таити". Вот и весь текст!

Начался красивый лес; здесь по заросшей тропе можно было ехать только гуськом. Между кронами редко проглядывало солнце, лианы и низко нависшие ветки заставляли нас то и дело нагибаться. Среди зеленой листвы резвились почти не боящиеся людей удивительные птицы редкой расцветки.

...Мы обогнули лесистый утес. Прямо из скалы бил чистый родник, и ручеек сбегал вниз, в дебри. Отсюда открывался прекрасный вид; к тому же здесь было отличное пастбище для коней. Мы устроили привал. Достали расплюснутую булку хлеба; тотчас из норки поблизости выглянула любопытная горная мышка. Заметив нас, она что-то сердито пискнула и скрылась. Видно, хозяйка здешних мест...

Кони напились из родника, покатались на густой, сочной траве, потом стали пастись. Все, кроме мышки, были в отличном настроении.

И снова в путь по узкому карнизу с многочисленными выступами. Здесь опасно ехать верхом, а пешком идти и вовсе нельзя: весь уступ заливало сочившейся из трещин водой, и на протяжении километра на нем лежал мощный слой скользкой глины. Кони шли очень осторожно, местами копыта проваливались в трещины. Вот один конь споткнулся... Всадник молниеносно соскочил на тропу, прямо в грязь.

Наконец неприятный участок остался позади, зато горы стали еще круче. Выйдя снова из зарослей, мы испытали такое ощущение, будто парим в воздухе... Прямо перед нами открылась бездна. Слух уловил далекий непонятный гул, из пропасти тянуло холодящим ветерком. С карниза мы увидели отвесную стену, которой, казалось, не было конца. Далеко-далеко внизу простерлась крохотная долина, и в ее устье — крохотный бережок.

— Здесь высоко, — произнес Тераи.

Конский круп совершенно заслонял вьющуюся вдоль обрыва тропу, и мы предпочли смотреть на каменную стену рядом. Узкий гребень... перевал, а за перевалом — новая бездна, со дна которой поднимались резкие порывы ветра.

Вот мы и пересекли весь остров! Перед нами другая долина, другой берег. А какой бурный прибой! Наветренная сторона... Но лучше не смотреть вниз, лучше опять повернуться лицом к стенке, пока кони медленно плетутся по карнизу.

Вдруг стенка исчезла! С обеих сторон — пустота. Впереди — вершина, сзади — другая, между ними, точно лезвие, гребень, за который цеплялась наша тропка... Тераи обернулся, улыбаясь. Слева пропасть, справа пропасть; и тут и там на дне — извилистый морской бережок, опоясанный белой каймой прибоя. Длинные пенистые валы исчертили зеленую гладь, но шум разбивающихся волн не доносился к нам. Мы слышали лишь слабый ровный гул да шорох ветра снизу.

Оставалось крепче держаться в седле и глядеть на конские уши. Сорвешься — будешь лететь без задержки. Соскочить некуда. Кони уверенно шли вперед, настороженно поднимая голову. Похоже было, что порывы ветра из бездны их беспокоят. А мы, пока тянулся гребень, даже боялись вздохнуть...

Пронесло!.. Тропа обогнула вершину, миновала еще один гребень и вокруг нас снова сомкнулась лесная чаща. Из нее мы выехали уже под вечер, на закате. Новый перевал — и опять такое ощущение, словно перед нами провалилась земля. Кони непроизвольно остановились.

Внизу полумесяцем изогнулась широкая, просторная долина Пуамау, окаймленная крутыми склонами древних кратеров. На длинный берег обрушивались океанские валы. Тусклые лучи вечернего солнца еще освещали лесной свод под нами. Один шаг — и ты будешь в долине... пролетев тысячу метров. Огороженная стеной Пуамау казалась нам другим миром.

Теперь тропа была высечена прямо в стене. Мы погнали вперед усталых коней. Впереди больше чем на километр тянулся узкий карниз, дальше тропа петляла по склону до самого подножия. А на часах уже шесть! Значит, нам предстоит весь спуск совершить в темноте...

Постепенно мрак поглотил все вокруг, даже уступа не видно. Лишь таинственное дыхание снизу говорило нам о том, что наш путь не совсем обычен, что мы едем отнюдь не по ровным лугам... Впрочем, об этом свидетельствовали и порывистые движения коней, наклоненная вперед тряская конская спина, стук камешков под осторожно ступающими копытами... Мы не видели друг друга и поминутно перекликались. В кромешном мраке голоса казались необычно звонкими.

Наконец конские спины выровнялись, копыта застучали чаще. Вот они уже шлепают по воде шумного ручья. Спустились... Тераи стегнул своего коня, и мы пошли через лес рысью, навстречу все более громкому гулу прибоя.

Деревья расступились, и рев валов стал оглушительным. В лицо нам дул морской бриз.

На берегу мелькнул огонек — свет в окне хижины. Приехали! Это был домик норвежца Генри Ли, владельца самой лучшей на архипелаге плантации кокосовых орехов. Мы соскочили с коней, одеревеневшие от долгой езды, и постучались в дверь. Из щелей в стенах доносился соблазнительный запах жарящейся яичницы.

Дверь распахнулась, нас ослепило светом. Хозяин стоял на пороге с фонарем в руке, внимательно изучая ночных пришельцев. Не часто

сюда являлись белые гости, и уж во всяком случае не с гор!

— Бонжур! — весело поздоровался он.

— Добрый вечер, — ответил я по-норвежски.

Он даже попятился от неожиданности.

... Не одну яичницу съели мы в тот вечер. И долго хлопали пробки в уединенной норвежской хижине в долине Пуамау на острове Хива-Оа.

Дьявольские, гротескные фигуры из красного камня... Огромные, тяжеловесные... Глаза — как тазы, рот от уха до уха. Громадные круглые головы, маленькие кривые ноги, руки сложены на животе. Этакие неуклюжие тролли стоят и ухмыляются на открытой культовой площадке. Некоторые повалены на землю; лежат бессильные и тарашат страшные глазища на звезды, которые следуют по своим извечным путям.

Это боги Пуамау.

Выйдя из чащи на древнюю культовую площадку, мы замерли на месте. Вся поляну занимали каменные стены и террасы, на которых стояли боги — красные исполины сверхъестественного размера.

Каменные лица строго глядели на нас, словно повелевая стать на колени. Боги первого загадочного населения архипелага привыкли к тому, что люди поклонялись им.

Мы ясно представили себе, как древние островитяне ночью, при луне молились и приносили жертвы каменным идолам. Дьявольские физиономии, барабаны, песни, ночной лес — все это, конечно, возбуждало воображение людей, и оно наделяло гротескных богов сверхъестественными качествами. Вся сила идолов была в самовнушении островитян, которые приписывали своим кумирам чудесные свойства.

Вот они по-прежнему презрительно улыбаются, хотя люди уже давно их покинули.

Сооружение этой культовой площадки не было доведено до конца. Рядом с низвергнутыми идолами лежали другие, которые так и не были воздвигнуты, даже не были изваяны до конца. Произошло так по вине полинезийцев; они прибыли на лодках из своей неведомой родины за океаном и вытеснили первых обитателей в горы, где те вскоре вымерли.

Взобравшись на древнюю террасу, мы подошли к одному из богов, чувствуя себя рядом с богатырем карликами, пигмеями. Как и все остальные идолы, он был высечен из кроваво-красного монолита.

Нелегко представить себе, как воздвигались пирамиды Египта. Не менее трудно вообразить, как доставляли на площадку и водружали на постаменты этих исполинов. По соседству с культовой площадкой нет красных горных пород, зато в верхней части долины расположена древняя каменоломня. Теслами из очень твердой породы здесь вырубали в склоне огромные глыбы.

Остается загадкой, каким образом древние жители острова спускали эти глыбы вниз по долине для обработки и установки на террасах. С берега вверх тоже доставляли камни для сооружения террас.

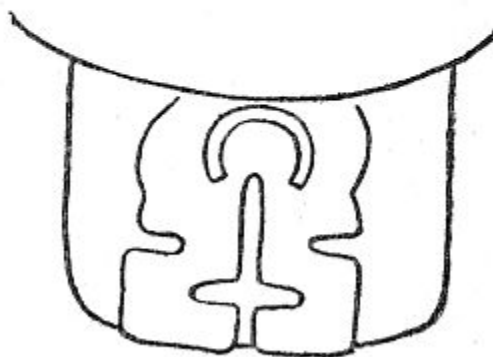
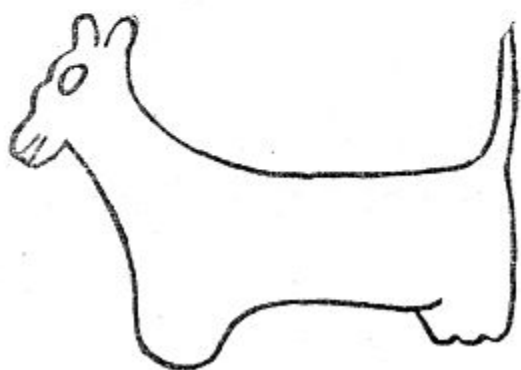
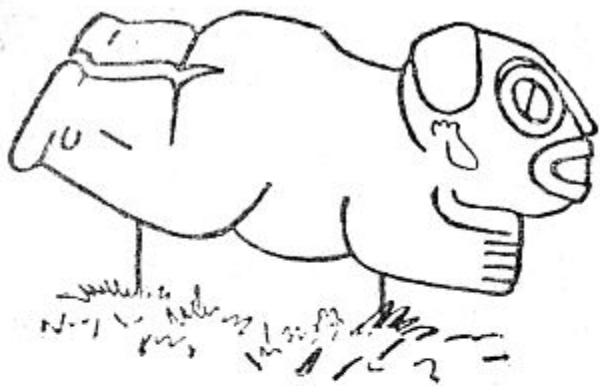
Мы нашли много жертвенников с изображениями богов. Поверхность камня была испещрена ямками. Что это — так называемые "солнечные символы" или вместилища для человеческой крови?

Наши друзья, островитяне, предложили свое объяснение: в старину не только люди, воздвигшие этих идолов, но и все другие существа обладали сверхъестественной силой. И ямки на камне — это следы присосков спрута...

В одном конце площадки мы увидели бога, лежащего на животе. Нет-нет, он не был повален, его так и изваяли, вместе с постаментом, уходящим в землю. Загадочный идол был совершенно не похож на других. Голова поднята, руки вытянуты вперед; он точно плыл. Мы расчистили ножом землю вокруг постамента и увидели на круглой колонне высеченные изображения богов. Что ж, это вполне понятно. Но кроме того, мы обнаружили силуэт животного длиной около полуметра. По хвосту можно было определить, что это собака. Вот это уже непонятно: когда первые обитатели острова ваяли своих кумиров, на нем не было собак. Они появились лишь позже, вместе с европейскими судами.

Следовательно, древние ваятели изобразили животное из своей далекой, неведомой родины?

Сверху — лежащий бог-великан; Снизу — изображения на колонне

Расчистив соседнюю стену, мы нашли на ней непонятные знаки. Письмена? Иероглифы? Никто не ведает...

Над культовой площадкой возвышалась остроконечная горная вершина. Она напоминала "Большой камень" — Мотунуи. Генри Ли кое-что рассказал нам про этот пик, на котором не побывал еще ни один белый. Однажды он сам стал карабкаться на высокий шпиль, но у самой цели сдался. Поверх глубокой расщелины, которая казалась бездной, лежал шаткий камень. Генри счел этот мостик чересчур ненадежным...

А его сын от жены-таитянки, удалой парнишка Алетти, был не прочь попытать счастья. И мы отправились в путь, пригласив с собой одного таитянина. Лив осталась у Генри Ли — ее ноги еще не зажили как следует.

Сперва шли вдоль лесистого гребня, затем лес кончился, потянулась голая скала. Здесь был широкий каменный выступ. Осторожно карабкаясь вверх, мы очутились на следующем уступе,

похожем на первый. Отсюда открывался великолепный вид на долину и домики на берегу... Дальше скальная стенка была почти гладкой, лишь кое-где выветривание создало причудливые колонны и ходы.

Уже совсем не за что зацепиться. Все-таки Алетти, шедший впереди, нашел расселину. Вверху она переходила в камин. Один за другим мы протиснулись сквозь него. Одолев камин, мы очутились перед следующей расселиной с шатким мостиком, сделанным самой природой. Теперь долина была прямо у нас под ногами. Там внизу парили белые птицы... Алетти смело пошел по камню. Пришлось и нам с таитянином следовать за ним.

Еще несколько шагов — и мы стоим на вершине острого шпиля. В незапамятные времена здесь, видимо, существовало укрепление. Руки людей расчистили круглую площадку и вымостили ее плоскими плитами. Площадку окаймляла каменная стена. Отсюда древние обитатели острова могли следить за появлением врага. Должно быть, они видели, как подходили с океана и высаживались на берег те, кому было суждено истребить первоначальных насельников...

Гора была неприступной крепостью, но на ее вершине могли разместиться только вожди. Воины, очевидно, занимали позицию на уступах внизу. Но и после их разгрома камин был для противника серьезным препятствием: ведь он пропускал не больше одного человека. А за камином, у шаткого мостика? Здесь даже женщине было под силу отправить непрошеного гостя вниз, в пропасть. Крепость могла держаться столько времени, сколько позволяли запасы продовольствия.

В нишах в скале мы нашли камни для пращи. Л сразу за стеной начинались два естественных туннеля, которые выходили на склон. В туннелях лежали кости и оскаленные черепа. Голод победил...

Целый народ погиб, погиб безвозвратно. В долинах развилась новая культура. Теперь ее вытесняет наша раса, но на смену нынешней культуре в опустевших долинах не развивается ничего нового.

"Тси-тси-тси-тси-тсиририри", — неслось к нам из ночного мрака.

Мы прислушались.

— Мауриури, — объяснил Генри Ли и показал на потолок. — Привидение, дух умерших предков, которые обращаются к своим

потомкам.

Он улыбнулся.

Мы не впервые слышали о мауриури. Нам говорили о нем еще на Таити. На шхуне наши спутники, полинезийцы, рассказывали про его зов; на Фату-Хиве о мауриури нам поведали Тиоти и Пакееее.

Мауриури, пайою — у него много имен, он известен на большинстве островов Южных морей. Полинезийцы твердо верят, что его стрекот — голос их предков. Никто не видел его — ни полинезийцы, ни белые. Таинственный голос доносится то с одной, то с другой стороны, то звучит прямо над головой! Но не пытайтесь найти мауриури, все равно ничего не выйдет! Вы можете услышать его голос в открытом море, плывя на шхуне. Не ищите на палубе — бесполезно. А если стрекот доносится с мачты, то сколько ни карабкайся вверх, он все равно будет звучать над вами.

Мауриури бесшумно появляется, бесшумно исчезает. И всегда только ночью. Самый яркий фонарь не поможет его найти. Если несколько человек сидят вместе, а услышав голос мауриури, расходятся в разные стороны, то зов следует за каждым из них. Но его так же отчетливо слышит и тот, кто остался сидеть на месте!..

Мы сами не раз слышали голос мауриури. Ночью на крыше нашего бамбукового домика их сидело сразу два-три. Мы пытались их обнаружить — нам попадались ящерицы, цикады, всякие прочие твари, только не мауриури.

Для островитян этот неуловимый дух — своего рода оракул. Если ночью над хижиной раздался крик, хозяин уже знает: это предостережение. Он начинает выпрашивать мауриури и до тех пор выкрикивает вопросы, пока дух не замолчит. Вот смолк: значит, произойдет именно то, о чем говорилось в последнем вопросе.

Полинезийцы кладут духам пищу: рыбу, фрукты, немного поипои. Насыпают щепотку табаку.

Однажды Генри Ли был в гостях у старика островитянина. Они ели поипои, в это время над хижиной закричал дух. Старик, не вставая, швырнул вверх комок поипои — липкое тесто так и прилипло к потолку.

— Нотеаха? — спросил Генри. — Зачем ты так сделал?

— Родственники, — невозмутимо ответил старик.

Пока мы, сидя вокруг лампы, толковали про загадочный голос, он внезапно смолк, и со двора в хижину ворвался Алетти. Положив на стол ветку с зелеными листьями борао, юноша поспешил плотно закрыть дверь.

— Эна инеи! — Вот он!

Мы рассматривали ветку, перебирали листья, но ничего не могли обнаружить.

Алетти объяснил, что, услышав характерный стрекот, он стал красться по направлению к нему. На дворе был всего один кустик, и звук доносился именно оттуда. Внимательно прислушиваясь, Алетти заметил наконец подозрительную ветку, срезал ее и примчался к нам.

— Алетти впустую болтать не станет, — строго произнес отец.

Мы осторожно подвесили трофей над столом. Если там что-то есть, уж мы непременно найдем! Все дружно уставились на ветку, освещенную керосиновой лампой. Вдруг из сухого, свернутого листика на мгновение высунулись какие-то ниточки и тотчас исчезли.

Мы переглянулись. Подозрительно... Подождем еще. Сидели молча, совершенно неподвижно, только тени колыхались на стене.

Внимание! Появилось маленькое невзрачное насекомое. Покрутило усиками, осталось довольно результатом разведки и выбралось на середину листика. Неужели эта крохотная тварь — и есть загадка, которую столько людей тщетно пытались разгадать? Эта серенькая козявка — виновник несчетных рассказов о привидениях?

Насекомое стало в позу, точно готовясь нам ответить. Вот на спине появилось нечто вроде воронки, раз-другой дернулась задняя нога... "Тси, тси", — и насекомое юркнуло назад в свое убежище.

Я увидел, как Генри стирает со лба пот. Алетти сиял от гордости, у Лив был такой вид, словно она с луны свалилась. Значит, не я один слышал!

А козявка снова вышла, стала в позу и упоенно застрекотала. Снаружи кто-то вторил...

Вороночка на спине напоминала граммофонный рупор. Она многократно усиливала вибрирующий звук, который возникал от того, что нога насекомого терлась об нее, как смычок о скрипку.

"Тси-тси-тси-тси-тсиририри", — неслось по комнате.

И тут зоолог во мне взял вверх: я схватил музыканта и сунул его в коробочку.

Бедняжка музыкант, самое прославленное насекомое и самое знаменитое привидение Тихоокеанской области, — ты пал жертвой науки...

"Тси-тси-тси", — неслось со двора.

Ничего, хватит мауриури еще не на одно поколение суеверных!..

— Это надо отметить! — воскликнул Генри Ли. — Алетти, поймай курицу! Хотите посмотреть на охоту? — обратился он к нам.

И в мрак тропической ночи выступила охотничья экспедиция.

Да, на кур охотятся ночью. Без оружия. Через лес мы вышли к прогалине, на которой стояло несколько деревьев. Алетти нес длинную жердь с поперечной палочкой на конце. Генри посветил вверх фонариком. Несколько диких кур сидели на ветвях, охваченные крепким сном. С величайшей осторожностью Алетти стал подносить к ним жердь.

Непонятно... Он же спугнет их! Сколько раз мы видели, как куры, хлопая крыльями, улетают от преследующей их собаки. Они отлично летают.

Вот жердь дотянулась до одной из куриц. Алетти осторожно подтолкнул спящую птицу сзади. Она сонно закудаhtала, затем, не просыпаясь, шагнула на поперечную палочку сперва одной, потом другой ногой. Сидя на жерди, она продолжала спать...

С невероятной осторожностью Алетти стал опускать жердь вниз между ветвями. Легкий толчок... курица закудаhtала... взмахнула одним крылом... Спит! Лишь когда жердь опустилась на землю и парнишка схватил добычу, птица проснулась и подняла отчаянный крик.

Опоздала, голубушка!

Генри Ли удивительный человек с необыкновенной судьбой. Он прибыл сюда еще юнгой, во времена парусных судов. Капитан его корабля любил выпить, пьянство и драки были на борту обычным явлением. И когда корабль после кошмарного плавания бросил якорь у Хива-Оа, Генри бежал и отсиживался в пещере на берегу, пока судно не ушло.

Он женился на женщине с Гавайских островов и нанялся на шхуну, плававшую в здешних водах. Достиг должности суперкарго, потом его жена получила наследство — долину на островке, он осел и стал заниматься заготовкой копры.

Теперь Генри был уже пожилым человеком. Первая жена умерла, многое переменялось. Здесь, на Хива-Оа, он возделал лучшую плантацию кокосовых пальм на всем архипелаге. С внешним миром он был связан только через шхуну, которая забирала копру. Дом Генри стоял в стороне от деревни. Любимые книги и сын Алетти — вот и вся отрада норвежца.

Чудесный парень этот Алетти и настоящий здоровяк! Он не знал, что такое школа, зато был самым искусным в этих местах охотником и рыбаком.

— Вот уже тридцать лет здесь живу, — сказал нам однажды Генри, — а подружиться с островитянами не удалось. Вреда они мне не причиняют. Моя плантация обеспечивает меня всем необходимым. Однако сблизиться с островитянами белому невозможно. Им это вроде бы ни к чему. К белому они подходят с мыслью: как бы из него побольше выудить. Островитянин подарит цыпленка — и ждет, что ему в ответ подарят быка. На других островах они хоть поприветливее. На маркизьянке я бы ни за что не женился.

— А вообще-то хорошо вам здесь? — спросил я.

— Что значит — хорошо?! Здесь у меня есть плантация и лавка. Поеду домой — буду нищим.

— А тропический рай, — не унимался я, — как насчет него?

Он расхохотался:

— Если знаешь, какой суп предпочитают клиенты, конечно будешь его подавать.

— И вас никогда никуда не тянуло отсюда?

— Нет, — ответил Ли. — В прошлом году я побывал на Таити — это мое первое путешествие за много лет. Каждый день ем отраву, чтобы не пристала какая-нибудь зараза, но в прошлом году мне пришлось все-таки отправиться на Таити в больницу, на операцию. Чудно мне показалось на этом острове. Я впервые увидел самолет, услышал радио. И привез оттуда жену, уроженку Тубуаи, солидную женщину — весом в сто килограммов! Алетти путешествовал со мной. Его больше всего поразила какая-то необыкновенная ласточка, здесь он таких не видел.

Во всей долине Пуамау у Генри Ли был лишь один друг — старый усач, француз. Они до полуночи просиживали, беседуя о философии и политике, об искусстве и науке, и когда спорили, то старик, шумно

втянув носом понюшку табаку, сердито стучал кулаком по столу. Ему ли не знать свет! Он был шеф-поваром на увеселительной яхте, стрелял медведей в лесах Канады, пас овец в Новой Зеландии, искал золото на Аляске...

Теперь этот потешный французик занимал лачугу по соседству с Ли. Он с гордостью повел нас к себе показать свой «дворец». Крыша — из связок травы, стены — из ящиков и обломков... Но сколько выдумки и изобретений было в этой конурке! Потянешь за веревочку или дернешь гвоздь — что-нибудь да появится.

Чтобы лечь, хозяин откуда-то вытягивает за веревочку кровать; нужен стол — дерни другую веревочку. Стоя посреди комнаты, старик мог дотянуться до любого отделения и приспособления.

Потянешь не ту веревку — вдруг сверху спускается конское седло. Или открывается ящик с чудесным свежим хлебом: усач его пек прямо над огнем в жестяном камине, стоящем между кроватью и столом.

Никогда мне не забыть этого человечка с его забавным покосившимся домиком... Дом и небольшой участок с отличным огородом и стройными пальмами — вот все его владения.

Старик был по-настоящему счастлив.

Тераи и четвертый член нашей компании уехали, но нас гостеприимный хозяин задержал. Генри Ли взялся окончательно залечить наши язвы. Сам он никогда не ходил босиком и дезинфицировал малейшую царапину на коже, но болезнь «фе-фе» знал хорошо.

Однако и мы не могли остаться здесь навеки. Пришел день прощания; с пастбища привели наших коней. Было искренне жаль расставаться. Утешало лишь то, что мы снова поднимались в великолепную страну гор.

Пропасти и обрывы, горные пики и пышные леса. И чистый, свежий воздух, лучше которого не найти.

На безлесном бугре среди зарослей папоротника сидела на тропе странная бескрылая птица. При виде несущихся галопом коней она стремительно бросилась бежать, потом вдруг нырнула в заросли папоротника и исчезла. Птица эта еще не изучена, ее никому не удалось поймать. Полинезийцы часто за ней охотились, но она слишком быстро бежит по своим бесчисленным ходам. Подобные

бескрылые виды известны и на других изолированных архипелагах. На всякий случай мы прочесали все ходы, но беглянка будто сквозь землю провалилась.

Свернув с тропы, ведущей в Атуону, мы двинулись вдоль гребня на север. Под вечер мы очутились в глубокой угрюмой долине — Ханаиапа. Это третья населенная долина на Хива-Оа. С трудом прорывается она к морю между грозно нависшими скалами.

Возле дороги одиноко стоял дощатый дом с железной крышей. Заглянули в окна: пусто... Большинство домов было заброшено, и лишь на самом берегу мы нашли обитаемое жилье.

К нам подошел островитянин и пригласил идти за ним. Мы узнали в нем одного из постояльцев протестантского барака в Атуоне.

— Вене, — сказал он. — Плюис томпер.

Это он «по-французски» предлагал нам переночевать в доме местного священника.

— Спасибо, — ответил я, — мы будем спать на воздухе.

Он покачал головой и указал на горы. Небо потемнело, вокруг вершины собрались тучи. Вдали рокотало. Гроза... Она бывает здесь очень редко, но уж если разразится — держись!

Мы отказывались до тех пор, пока над долиной не прокатился мощный раскат грома и не хлынул ливень.

Только после этого мы укрылись на террасе дома священника. Сгустился ночной мрак, а дождь все хлестал, ослепительные молнии рассекали тьму, и в узкой теснине грохотал гром. Никуда не денешься...

Мотаро, владелец дома, рассказал нам кое-что об этой страшной долине, в которой осталось всего тридцать жителей: туберкулез...

Суеверные люди не хоронили умерших, а клали их под пол своих лачуг. Понятно, что все остальные жители дома тоже отправлялись на тот свет.

Слоновая болезнь и проказа свирепствовали здесь с особой силой. Двое из оставшихся тридцати — помешанные.

Кошмарное место... Яркие молнии падали в теснину, от стенки к стенке металась раскаты грома. Мы сидели на террасе прямо на полу. Полинезийцы обиделись, когда мы отказались лечь на их кровати. Но мы скорее согласились бы всю ночь ходить под ливнем. Нельзя было без содрогания слушать этот кашель, стоны, хрипы.

Среди ночи вдруг раздался такой грохот, что мы подскочили. Казалось, весь соседний гребень обрушился в долину! Впереди летели мелкие камешки, за ними — обломки покрупнее, и наконец вниз по склону двинулась огромная скала.

Глыбы завалили русло речушки. Весь дом дрожал...

Но вот как будто все стихло, только мелкие камешки еще стучат. Сверкают молнии... Подождав немного, местные жители легли спать: в Ханаиапе привыкли к лавинам.

На следующее утро гроза, рокоча, ушла в океан. От самого гребня до подножия, там где прошла лавина, тянулся широкий след. Деревья будто сбрило, речка широко разлилась и стала густой от шоколадной глины.

Мы быстро оседлали коней: хватит, погостили... Вдруг подошел тот самый человек, который первым заговорил с нами накануне вечером. Он хотел что-то показать нам. Мы не особенно охотно последовали за ним.

В лесу за одинокой лачугой стояла древняя каменная стена; около нее я увидел своеобразный жертвенный камень с круглыми ямками. А затем мы очутились на прогалине, вымощенной большими плитами. Она вся была усеяна сотнями человеческих черепов — больших и малых, целых и разбитых.

Наш проводник широко улыбался беззубым ртом. Мы подумали, что древние обитатели острова — пусть даже они были людоедами — явно могли похвастаться куда лучшими зубами, чем их нынешние потомки.

Рысью мы двинулись вверх по тропе. Внизу осталась Ханаиапа, мрачная долина с тридцатью жителями, тремя церквами и с тысячей черепов.

Горы нам показались приветливее, чем когда-либо.

По главной улице Атуоны шагал толстяк Бельвас, местный телеграфист. Он шел вразвалочку, качаясь — точно ступал по матрасу. Перед лавкой Боба Бельвас остановился и визгливым голосом зачитал телеграмму толпе островитян во главе с Бобом и Триффе.

Взволнованным гулом встретила толпа новость о том, что назначен новый губернатор французских владений в Океании. На борту военного корабля он плывет на Маркизские острова — хочет

посетить находящиеся в его ведении территории, прежде чем обосноваться в постоянной резиденции на Таити.

Важная вест вихрем облетела всю деревню. Тотчас снарядили гонца, который должен был известить жителей других долин. Триффе объявил, что предстоит большой праздник.

Местные деятели срочно собрались на совещание. Наконец-то представится случай добиться улучшения условий жизни! Сам губернатор приедет, надо будет просить ассигнований и иной помощи.

Боб требовал отмены ограничений в торговле: ему разрешалось продавать только одну бутылку вина в неделю на каждого человека. Думаете, его беспокоит прибыль? Что вы, его волнует совсем другое: островитяне незаконно гонят кокосовое вино и напиваются до бесчувствия. Это же недопустимо.

Бельвас возражал. Белые покупают что хотят и сколько хотят, нынешний порядок очень хорош. Если отменить ограничения, все упьются до смерти. Все-таки пока хоть что-то сдерживает.

Предложение Боба провалилось.

Зато единогласно постановили вырыть канаву поперек деревенской улицы.

Общей мечтой было электрическое освещение и фонари на улицах, как на Таити. Решили выяснить насчет этого у губернатора.

Кто-то потребовал, чтобы на Фату-Хиве был свой штатный фельдшер. Мол, люди там живут совсем изолированно и лишены медицинского обслуживания.

— Нет, — отозвался другой участник заседания, — на Фату-Хиве нет никакого смысла наводить порядок. Пусть себе вымирают...

И деятели перешли к обсуждению предстоящего праздника.

В программе: пляски и песни. Белые это любят. Танцевать, как обычно: вертеть бедрами и напевать, размахивая руками, пока другие, усевшись в круг, отбивают такт.

В исполнителях не будет недостатка, так как богатые туристы охотно раскошеляются, лишь бы увидеть редкостное представление.

А костюмы? Да, в самом деле!

— Лубяные юбочки, — решительно заявил Боб. — Из тонких ленточек. Это то, что им надо. На худой конец можно из бумаги сделать.

— Лубяные юбочки? — возмутились остальные. — Лубяные?! Нет уж! Слава богу, мы люди культурные. Белые костюмы и белые платья, одинаковые у всех! Чтобы вид был!

Разгорелись горячие дебаты. Сами танцоры мечтали о блестящих козырьках — Боб только что закупил оптом целую партию. Вот будет здорово: у всех блестящие козырьки! Губернатор придет в восторг.

В итоге постановили следующее: футбольная команда в полосатых майках прошагает с развевающимися знаменами от причала до деревни, чтобы придать встрече надлежащую торжественность.

После этого можно допустить и лубяные юбочки. Пусть танцоры выступят в шелковых сорочках и белых брюках, а юбочки наденут сверху.

Такое решение всем пришлось по душе.

Можно было встречать губернатора.

Глава девятая

В БЕЗЛЮДНОЙ ДОЛИНЕ

КАННИБАЛОВ

Мотане — перенаселенный необитаемый остров. Мы узнаем о Теи Тетуа, последнем хранителе старых традиций. В долине Теи. Сооружение свайной хижины. Новые друзья: Теи и его приемная дочь. История творения. Каннибалы и хирурги. Счастливые дни. Гости. Всего лишь поросенок. В ожидании корабля. Завершение

Это было много дней спустя. Корабль губернатора ушел. Зато пришла шхуна. Минуло полтора месяца с тех пор, как мы на шлюпке Вилли сражались с океаном. Наши ноги совершенно зажили. Когда шхуна вновь подняла якорь, мы стояли на ее корме, прощаясь с

островом. По пути на Таити нас опять высадят на Фату-Хиве. Мы твердо решили сделать еще одну, последнюю попытку. Заберемся еще дальше в глушь, чтобы совсем изолироваться от местных жителей.

Паруса наполнились ветром, и мы в последний раз увидели долину Атуона. На мысу стояло несколько стен — все, что осталось от лепрозория. Его сожгли. Якобы для того, чтобы убить бактерии и предотвратить распространение заразы. А больных разослали по домам...

Над синей гладью летел благословенный свежий пассат. Шхуна обогнула мыс и вышла в открытое море. На борту был опасный преступник, которого везли на Таити. Жертва табу — или болезненного воображения.

Это случилось в смежной с Атуоной долине, населенной горсткой полинезийцев. Двое из них перебрались сюда с Таити в поисках свободной земли, чтобы выращивать орехи и заготавливать копру. В той же самой долине стояло могучее дерево, на которое было наложено табу. Но парни с Таити ничего не боялись. Они заглянули в дупло запретного дерева и увидели там три черепа. Огромные черепа, подобных которым они никогда не встречали. Тотчас в таитянах заговорила коммерческая жилка: ага, есть что предложить богатым туристам!.. И находку спрятали в чемодан, для того чтобы потом переправить на Таити. Но с наступлением ночи черепа, как рассказывали после островитяне, начали жаловаться. Один из двух друзей решил положить их обратно в дупло, второй возражал. Тут в чемодане начались такие охи и причитания, что в соседних хижинах проснулись люди и пришли выяснить, в чем дело.

Причитания не прекращались. Вдруг на того, который отказался нести находку обратно, напало безумие. Он выхватил нож и бросился на товарища. После отчаянной борьбы безумца схватили и доставили в Атуону. И вот теперь его везут в тюрьму на Таити.

А черепа положили обратно в дупло.

Грустная судьба постигла Маркизский архипелаг... Белые успели натворить здесь немало зла, прежде чем оставили его в покое. Возделанные поля, расчищенные земли превратились в пустоши и покрылись зарослями. Впрочем, об этом мы знали давно, знали, что так было на крупнейших островах. Сегодня нам предстояло увидеть кое-что еще: как пышные леса и тучные пастбища превратились в

каменистые пустыни. Такова судьба самых маленьких островков. Если на больших островах еще остались жители, то маленькие совершенно обезлюдели. Когда-то и они были обитаемы, об этом можно судить хотя бы по оставшимся каменным сооружениям. Люди исчезли, зато отлично чувствовали себя домашние животные, завезенные белыми. Здесь хищников нет, и ослы, коровы, козы, овцы и свиньи размножались с невиданной быстротой. Некому было истреблять их потомство. Огромные стада паслись на островках. Когда исчезла трава и листва, они стали поедать ростки и корни деревьев, глотать кору. А затем скот начал погибать от бескормицы.

Сегодня нам предстояло самим все это увидеть. Мы подошли к Мотане, гористому островку, который видели по пути на Хива-Оа. Здесь шхуна должна была пополнить свои запасы продовольствия.

Несколько полинезийцев принялись бить острой разноцветных рыб, мы же направились в глубь необитаемого островка.

Крутой скалистый берег... Тропа идет в гору по сухому белому склону, сложенному галькой и песком. Кое-где торчат жалкие засохшие кусты с грубыми жесткими листьями. Больше никакой растительности нет. Солнце обжигает почву, которую больше не защищают густые кроны деревьев. Высохшие русла рек занесены песком. О прибрежные скалы разбиваются соленые океанские валы, от вида которых жажда только усиливается.

Всюду валяются иссушенные солнцем бараньи скелеты, изогнутые рога, черепа... Казалось, весь остров сплошь устлан ими. Галька, сухие кустарники и кости... В кустах сидели, звонко кукарекая, дикие петухи.

Поодаль от берега мы увидели овец с ягнятами. Испуганные животные, бляя, прятались за кустами. Толстые, малорослые, с грязной шерстью, они улепетывали от преследовавших их моряков-таитян. Но люди мчались вдогонку за ними то вверх, то вниз по склону. Догнав, бросались на жертву, хватали ее за шерсть и взваливали на плечо. Овцу за овцой, ягненка за ягненком тащили в шлюпку.

Было еще светло, когда мы покинули умирающий остров белых скелетов, сухая почва которого никогда уж не покроется зеленью...

Теперь — на Фату-Хиву. Плавная качка быстро убаюкала нас.

Долина Омоа встретила нас свинцовыми тучами. Все это время на Фату-Хиве лил дождь. В лесу — сырость, запах грибов. Мошкара зверствовала как никогда. Что ж, мы не думали долго задерживаться в Омоа.

Одевшись так, чтобы комары были для нас не страшны, мы зашагали к расчищенному нами участку, узнавая по пути каждое дерево, каждый утес, каждый изгиб речушки. Мы успели полюбить долину. Мы помнили первые, счастливые дни. Но это было, а теперь...

Сопровождаемые тучей комаров, с трудом передвигая ноги по размытой тропе, мы наконец подошли к платформе, на которой стояла бамбуковая хижина. Где же она? Наше жильё совершенно заслонили высокая трава, кустарник и бананы. Они тянулись вверх с фантастической быстротой. Мы не верили своим глазам. Столбы, на которых покоился кухонный навес, проросли, и на длинных ветвях зеленели листья. Бамбуковая хижина истлела. Рука проходила через стену, как сквозь бумагу, крыша распалась. Кругом сновали тысячножки и пауки. Внутри дома на всем лежал слой белой пыли.

Никто не входил сюда за время нашего отсутствия. Мы собрали свое имущество и спрятали его в пещере в лесу; туда же перетащили и древние черепа. Неудобно, если островитяне, когда хижина окончательно развалится, обнаружат под нашей кроватью останки своих предков...

В эту ночь мы спали во дворе, на куче листьев, укрывшись противомоскитной сеткой.

Вместе с нашим другом Тиоти мы составили план дальнейших действий.

Тиоти был все тем же весельчаком, но одна его нога превратилась в бесформенный ком и продолжала распухать. Еще одна жертва самого распространенного недуга на острове — слоновой болезни...

Мы решили покинуть долину Омоа. Бежать из дождевого леса и от назойливых насекомых. От болезней и вымирающих островитян. Мы задумали перебраться к Теи Тетуа — почтенному старцу, потому что одного из древнейших местных родов.

Вдоль острова, разделяя его на восточную и западную части, протянулась могучая цепь гор Тауауохо и Намана. Мы знали западную часть, пышные дождевые леса Омоа и Ханававе. Здесь сосредоточено местное население, сюда изредка заходят суда.

Восточная половина Фату-Хивы скрыта от всего мира. Огорожена крутыми хребтами и буйным океаном, который гонит сюда свои валы от дальних берегов американского материка. Долины здесь разделены неприступными горами. Климат суше — словно неугомонный пассат относит тучи на запад через хребты.

Все население восточной части острова вымерло. Лишь в долине Уиа еще остались люди. Здесь жил старина Теи Тетуа вместе со своей приемной дочуркой.

Некогда Теи Тетуа был вождем четырех племен, но он пережил всех своих подданных, а также двенадцать жен. Тиоти называл его последним из людей прошлого. Действительно, Теи Тетуа — последний из тех, кто ел человеческое мясо...

Уиа — единственная из восточных долин, в которую можно проникнуть с гор. Но путь в нее далеко не легкий. Ее-то мы и выбрали своим новым местом жительства.

Нам хотелось узнать поближе потомка древних, которого не изменили новые времена, который хранил традиции своего народа. Нынешние презрительно называют его «дикарем», хотя он, быть может, гораздо лучше их.

...Караван выступил в путь. Сначала вниз по долине потом вверх, в горы, хорошо знакомой тропой. Кроме Тиоти и Пахо нам вызвался помочь еще один островитянин, который знал дорогу. Две лошади — в их числе наш старый друг Туивета — несли поклажу: банки с вареньем и консервами, леденцы, табак, шоколад. Вот когда нам пригодятся покупки, сделанные у Боба. Наверное, старику Теи будет приятно получить подарки из нашего мира.

Поднявшись в горы, мы свернули с уже знакомой дороги на старую, заросшую тропу. То и дело путь нам преграждали почти непроходимые болота. Часто поперек тропы лежали огромные стволы. А под вечер мы наткнулись на плотную стену бамбуковых зарослей. Пришлось шаг за шагом прорубать себе дорогу в переплетении желтых и зеленых ветвей. Тиоти не повезло: срубленный ствол бамбука, падая, пропорол ему руку.

Но мы не сдавались и через некоторое время вышли на край чудовищной пропасти, склоны которой отвесно падали вниз, в мрачные дебри Уиа. Здесь пришлось оставить лошадей пастись, привязав их к дереву. Поклажу взвалили себе на плечи наши друзья

островитяне. Предстоял сложный спуск... Вдоль бездны тянулся узкий уступ: держись крепче, коли не хочешь сорваться! Во многих местах уступ обвалился, и мы делали мосты из толстых бревен.

Но возврата нет, больше деваться некуда, шхуна ушла. У нас был только один путь — вниз, в долину. И мы спустились!

По дну темной теснины мы пробирались вдоль реки сквозь заросли деревьев борао. Вдруг река исчезла, ушла под землю! И лишь в устье долины бурный поток снова выходил из-под земли, устремляясь в океан.

Пахо убежал вперед. Далекий лай дал нам понять, что он уже достиг лачуги старика. Теперь уж осталось немного...

Долина расширялась, переходя в светлое, открытое устье. Кустарники сменились пальмовой рощей, и между стволами мы увидели у самого моря несколько лачуг, построенных на старинный лад. Навстречу нам бежал голый человек. Теи Тетуа!

Смуглый, здоровый, мускулистый, с одной лишь набедренной повязкой на теле; чудесные ослепительные зубы. Его улыбка сменилась радостным смехом, когда мы, здороваясь, протянули ему руку. Он был словно сгусток жизни и энергии. После долгого одиночества старик никак не мог найти нужных слов для выражения переполнявших его чувств.

— Есть свинью, — вымолвил он наконец. — Свинья кончится, есть петуха, петух кончится, есть еще свинью.

И он помчался к дому, крича на своих одичавших свиней. С помощью Пахо ему удалось поймать одну из них за заднюю ногу лубяным арканом. И вот уже Теи тащит к нам отчаянно визжащую добычу.

— Есть свинью, — твердит он, сияя.

Видимо, это было у него высшим знаком дружбы. И мы до поздней ночи сидели вокруг трескучего костра и "ели свинью" держа в руках огромные куски жирного мяса... К смуглому старику прильнула его приемная дочурка, красавица Тахиа Момо. Сверкая большими глазами, она слушала, о чем говорят взрослые. Теи Тетуа радовался, как ребенок, тому, что в его безлюдную долину пришли люди.

— Оставайтесь здесь, — уговаривал он нас. — Уиа большая. В Уиа много плодов. Много свиней. Хороший ветер в Уиа.

Лив и я обещали остаться. Старик Теи и маленькая Момо, сияя, придумывали один план заманчивее другого. Но наши друзья из Омоа неодобрительно качали головами.

— В Уиа плохо, — сказал звонарь, — Много фруктов, много свиней, много ветра. Но в Уиа нет копры, нет денег. В Омоа хорошо. Много домов, много мужчин. Много копры, много денег.

— Тиоти, — вмешался я, — на что тебе деньги, будто ты и так не сыт?

Звонарь рассмеялся.

— Верно. — Он пожал плечами. — Раньше было хорошо без денег. Теперь нет. Теперь мы не дикари.

Старик затушил головешки и пригласил нас с Лив в свой домик. Сам он вместе с остальными собирался спать в сарайчике.

Мы завернулись в свои пледы. Островитяне еще не наговорились. Сидя вокруг тлеющих углей, они шепотом говорили о нас, обсуждали прошлое и настоящее.

Стены лачуги были сделаны из неровных жердей, и в щели снаружи проникал свет. Мы видели на стенах сосуды, сделанные из высушенной тыквы, из скорлупы кокосового ореха. Некоторые из них были очень искусно украшены. В углу висела связка сушеных листьев табака. На полу лежали старые каменные топоры, различные железные инструменты, огниво. А под потолком был какой-то ящик. Теи Тетуа объяснил нам, что это его гроб.

— Если я заболею, то влезу в гроб и закрою крышку. Здесь некому меня перенести, а если я останусь лежать мертвый на кровати, меня съедят собаки.

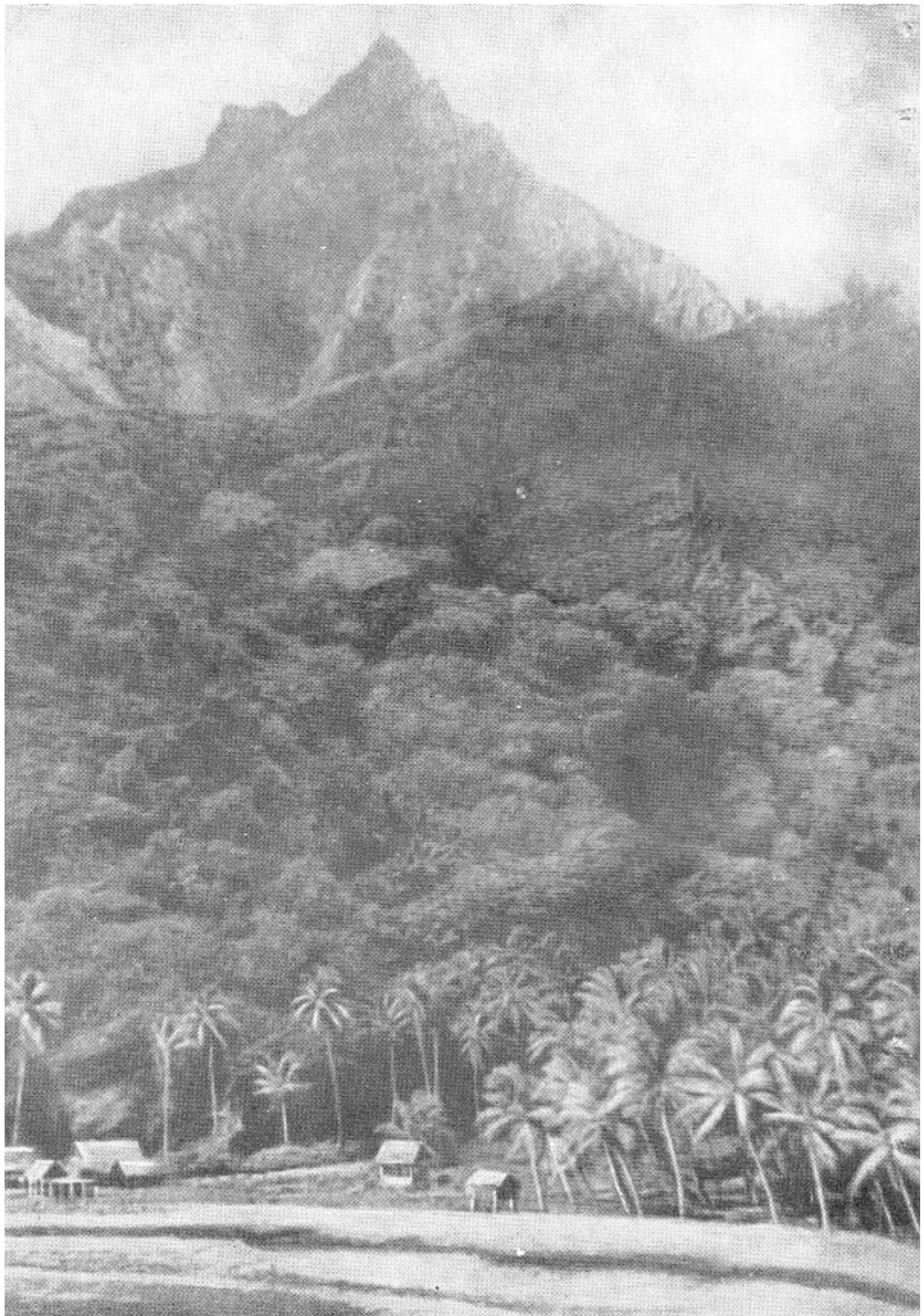
Рядом с лачугой была вырыта могила. Он аккуратно расчищал ее, выкидывая из ямы мусор и куриный помет.

Погасли последние угли. Наши друзья тоже легли спать. Завтра им рано вставать — еще до рассвета они выйдут в обратный путь, через горы.

Странные истуканы стояли на культовой площадке в лесу (Остров Хива-Оа)

Отвесные горы отгородили долину Уиа от внешнего мира

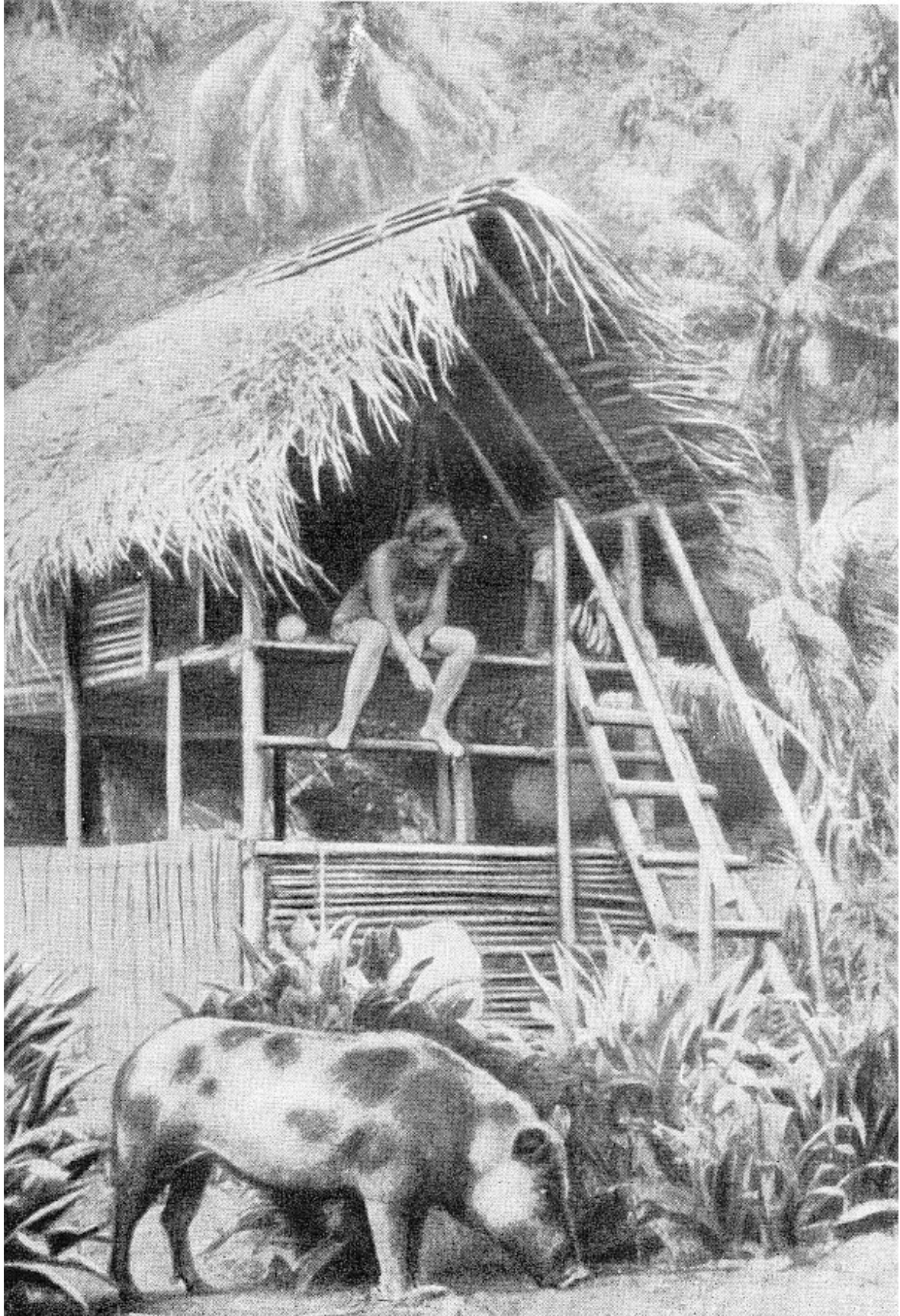

Теи Тетуа, последний из потомков одного из древнейших местных родов, очень гостеприимно встретил нас в уединенной долине

В свайной хижине было уютно

Мы приступили к строительству нашего второго дома... На этот раз на берегу океана. Единоличным владельцем долины Уиа был Теи Тетуа, он не взял с нас никакой платы за участок. Мы — его гости, и все, чем он владел, принадлежало также и нам.

"Усадьба" старика располагалась в пальмовой роще на берегу, на платформе, за прочной каменной оградой, сделанной для защиты от полчищ диких и полудиких свиней. Вдоль ограды текла речушка. На ее противоположном берегу как раз было место для нашего домика. От пляжа наш участок отделялся галечным барьером, сооруженным прибором.

Широкая бухта с изумрудной водой, вечно исчерченная белыми гребнями волн, переходила в голубую бесконечность океана. Вот где приволье и чистый воздух! Неугомонный пассат круглый год дует с востока, гоня прочь из рощи комаров и прочую мошкарку. Только в лесу они находили убежище и плясали роями, эти бесы, которых сюда доставили белые.

Старик посоветовал нам строиться основательно. Он долго сокрушался, узнав, какая судьба постигла нашу бамбуковую хижину.

...Ханатива — так называлась маленькая долина, в которую мы попали, обогнув скалистый мысок. Здесь среди зарослей миру и борао стояли старые стены, склепы, истуканы, но мы пришли сюда за строительным лесом. Старик легко карабкался вверх по стволам, отбирая для нас самые прямые, крепкие деревья миру.

Сперва с них снимали кору, колотя ствол камнями; после этого связывали вместе по несколько штук гладких тяжелых бревен. Мое голое плечо превратилось в болезненную рану, а ноги покрылись ссадинами, после того как я несколько раз прошелся с ношей по скалам. А Теи играючи нес свою поклажу. Он от души смеялся, когда я испуганно замирал на месте, цепляясь за камни там, где волны захлестывали тропинку. На мысу мы бросали бревна в море и возвращались за следующей связкой. Течение само несло стволы через залив и выкидывало их на берег как раз возле нашего участка.

Мы ставили дом на сваях, чтобы оградиться от непрошенных гостей. Сам домик был низкий, с крышей из пальмовых листьев, с тремя стенами; входили в него по лесенке. Вдоль задней стены на полу

тоже настелили пальмовые листья. Трудно представить себе лучшее жилье; всегда свежий воздух и ни единого комара.

Я хотел рядом соорудить кухню, но тут старик воспротивился. Раз мы гостим в долине Теи Тетуа, значит и есть должны вместе с Теи Тетуа. Он забрал наш котелок и унес его к себе.

Так начались наши самые чудесные дни в Полинезии.

Лив и Момо отлично подружились. Момо исполнилось десять лет: почти взрослая! Она была очень рада новой подруге и охотно обучала ее тому тому, что должна уметь хорошая вахина. Они плели циновки из листьев пандануса, изготавливали арканы из луба борао, при помощи колотушки превращали кору хлебного дерева в тапу — материал для одежды. Делали украшения из цветов, браслеты и бусы из красных горошин и причудливых плодов.

Как-то Момо пришла к нам с миской из скорлупы кокосового ореха и показала странную кашу. Все тело и смеющуюся рожицу девочки покрывали узоры, нанесенные желто-зеленой растительной краской. Теперь она хотела и Лив раскрасить в соответствии с требованиями древней косметики!..

Пока женщины занимались домашними делами, Теи и я отправлялись в лес за съестными припасами. Фруктов здесь было множество, недоставало только феи. Плоды хлебного дерева, бананы, манго, папайя, ананасы... Здесь росли таро, лимонный кустарник, апельсиновые деревья — желтые от обилия сочных плодов, которые нам никогда не приедались. Помимо этого старик собирал всевозможные съедобные корни.

Еще мы ловили раков в речке и заманивали в ловушки полудиких свиней.

В тихую погоду Момо и Лив шли гулять на мыс. Здесь были всякие чудеса: пещеры, гроты, провалы. Волны, обрушиваясь на берег, образовали соленые лужицы, в которых кишели разные твари. Подруги находили здесь удивительных рыб, крабов, моллюсков. Момо отлично знала, какие из них съедобны, а какие ядовиты. А Теи Тетуа был превосходным поваром.

Сам он ел вместе с Момо у себя в хижине. К нам доносился запах черного кислого поипои, которое они доставали из подземных «кладовок». Эх, поипои, неизменный спутник всех полинезийских блюд...

В Омоа наше меню было очень скудным. Зато здесь ежедневно утром, в обед и вечером старик осторожно поднимался по лесенке в нашу свайную хижину, неся лакомые блюда для Лив и меня. Особенно ему удавались крабы в кокосовом соусе и сырая рыба. Да-да, сырая рыба, если ее умело приготовить, настоящее объедение! Ее надо нарезать кубиками и на ночь класть в лимонный сок. Потом добавить морской воды и кокосового масла — и блюдо готово. Вкуса сырой рыбы как не бывало!

И ни одна трапеза не обходилась без свинины. Сочная свинина, тушенная в больших листьях на раскаленных камнях...

Страшно вспомнить, сколько еды Теи приносил нам всякий раз! Мы добросовестно отведывали каждого блюда, но всего одолеть никак не могли. Однако старик отказывался уносить оставшееся — пусть, мол, полежит до следующего раза! А к "следующему разу" он уже нес жареную курицу, таро, плоды хлебного дерева и... свинину.

— Старик откармливает нас на убой, — сказала как-то Лив, глядя на свое отражение в заводи, — Старый людоед слишком долго жил один...

И она перешла на диету. Две недели ела только апельсины да ананасы, лишь иногда позволяя себе взять банан из гроздей, висящих у нас под потолком.

Как только темнело, мы выносили несъеденное за хижину. По ночам сюда сбегались косматые свиньи, которые чавкали, хрюкали и визжали так, что мы боялись, как бы они не разбудили деда! А когда самые огромные из них принимались чесаться о сваи, вся хижина угрожающе раскачивалась.

Но строение оказалось достаточно прочным. Как бы ни бушевал шторм, срывая гребни с огромных валов, хижина все выносила, она только клонилась набок, точно гибкая пальма.

Широкая — во всю стену — дверь была обращена в подветренную сторону. Когда над веерами пальм плыла луна, ее лучи заглядывали прямо в нашу «спальню». Но от дождя мы были надежно укрыты. А крылатых мучителей уносило ветром. Словом, это было чудесное время...

Я никогда не забуду, как мы, все четверо, собирались вечерами на берегу возле потрескивающего костра. Свет луны серебрил Тихий океан, играл на пальмовых кронах над нашими лачугами. Дальше, за

пальмами, блестели огромные листья удивительных растений, море листьев, которое простиралось до черной как смола зубчатой стены, отгородившей нас от всего мира.

Дикие козы блеяли на склоне, хрюкали свиньи, журчал, сбегая вниз, ручеек.

Обычно Теи Тетуа высекал огонь из кремня железом, но он обучил нас также искусству добывать огонь трением. Это легче, чем иные думают! Он расщеплял пополам сухую-сухую палочку и заострял конец одной половинки. Потом, взяв эту половинку обеими руками, быстро и сильно тер острым концом по канальчику второй половинки.

Постепенно в конце желобка собиралась кучка мелких, как пыль, сухих опилок. Желобок чернел, пахло паленым, потом опилки начинали дымиться. Теи посыпал их трутом и раздувал. И вот уже есть огонек!

...Сидим и смотрим на пляшущее пламя костра. Тихая, мирная тропическая ночь. Словно мы перенеслись на тысячи лет назад, когда во всем мире безраздельно царствовала природа, а времени не существовало.

Сидя на корточках, Теи Тетуа курит свой самосад. Старый сморщенный дед, с одной лишь маленькой пестрой тряпочкой на бедрах. Рядом пристроилась Момо — юная, красивая, большеглазая. Мы все легко одеты; солнце и ветер закалили кожу. Разница только в том, что Теи и Момо еще смуглее нас, их кожа еще здоровее, а подошвы жестче и неуязвимее.

Вот Теи, не сводя глаз с костра, начал ритмично покачиваться. И запел, запел хриплым голосом монотонную песню. Мелодия предельно однообразна, но ее будто создала сама природа, которая окружала нас, и мы ощутили дыхание далекого прошлого... Словно мы перенеслись в дни молодости Теи Тетуа, даже еще дальше — в ту пору, когда на островах жили их первые обитатели.

В песне рассказывалась древнейшая полинезийская легенда о сотворении мира. Когда-то ее знали и островитяне. Задолго до появления белых ее пели во время религиозных церемоний.

Вот коротко содержание легенды: Тики, обитающий на небесах, создал землю. Потом он создал воду. Потом — рыб. Потом — птиц. Потом — плоды. Потом — свинью (единственное млекопитающее,

известное островитянам до открытия Полинезии белыми). И только после этого он создал человека. Мужчину по имени Атеа и женщину — Атанао.

— Дальше они справились сами, — объяснил Теи. И продолжал петь, перечисляя всех потомков Атеа и Атанао.

— Теи, — заговорил я, — ты веришь в Тики?

— Да, — сказал Теи, — я есть католик. Сейчас все есть католики. Но я верю в Тики. Верю, что Тики и Иегова — одно и то же. Как это на твоём языке? — он указал на костер. Я ответил.

— Твой народ называет это «костер», А мой народ — «ахи». Твой народ говори «Иегова». Мой народ говори «Тики». Тики есть Иегова. Мы это поняли, когда пришел белый человек. Но белый человек не понял. Белый издеваться над Тики. Они хотят дать нам новая вера.

Старик смотрел на огонь... Его народ не уважал белых. А белые презирали его народ. Мы представили себе первых прибывших сюда белых, которые в обмен на стекло и мишуру получали настоящий жемчуг. Они смеялись над глупыми островитянами...

А для полинезийцев жестяные броши и стеклянные бусы были огромной ценностью. Ничего подобного не было на островах. И они смеялись над белыми, которые так неумно вели торговлю. Кто же был прав? Обе стороны или ни одна из них?

— Теи, — продолжал я, — как по-твоему, Тики съедал жертвы, которые ему приносили?

Теи лукаво усмехнулся.

— Тераи, — ответил он, — как по-твоему, Иегова съедает то, что ему приносят? Нет, священники съедают. И Тики не ел жертв. Это делали таоа, старые кудесники — наши священники.

— Но Теи, — не унимался я, — я часто видел в лесу Тики. Из камня, вы сами его вытесали.

— Тики не из камня, — спокойно ответил старик, — Тики никто не видеть. Таоа делали для народа каменные изображения Тики. Ваши священники делают изображения Иеговы. Я видеть церковь в Омоа. Там Иегова на стене.

Теи взял бамбуковую дудочку и заиграл на ней носом причудливую мелодию. Ему больше не хотелось говорить об этом... Он католик, но сохранил старую веру. Тики для него стал Иеговой.

Дед часто вспоминал старину. Рассказывал о войнах, о людоедстве.

Когда-то острова были перенаселены. Мы находили развалины жилищ даже на самых крутых склонах над морем: здесь много лет назад обитали бедные рыбаки. Ночью, в темноте, они прокрадывались в занятую врагом долину, чтобы набрать питьевой воды в длинные трубы из бамбука. Племена постоянно враждовали между собой.

Зато природа была тогда щедрее. Она и сейчас щедра, но не так, как прежде. В большинстве долин нельзя жить, потому что там высохли, исчезли ручьи. Может быть, виноваты свиньи, которые перерыли всю землю?

Животные объедают молодые побеги фруктовых деревьев, лошади обгладывают кору хлебного дерева, и оно сохнет. Пока что плодов избыток, но надолго ли?

Почти совершенно истреблена черепаха. Некогда собирали множество птичьих яиц, ловили птиц. Теперь это уже не так просто. Впрочем, как ни богата была природа, на острове все равно царил голод! Полинезийцы ели растения, которых теперь никто в рот не возьмет. Отсюда — одичание, отсюда — людоедство, хотя чаще всего людоедство было религиозной церемонией, связанной с жертвоприношениями богу Тики.

Как правило, человеческое мясо доставалось таоа и королю. Но иногда и простой народ приходил в неистовство. Теи Тетуа помнил случай, когда его друзья во время военного набега съели щеки живого пленника.

Да, страшные истории услышали мы в эти ночи у костра...

— Теи, — спросил я однажды, — из-за чего, по-твоему, вымер твой народ?

— Болезни виноваты, их сюда привез двойной человек, — ответил он.

— Двойной человек? О чем это ты?

— Когда на Маркизские острова прибыли первые белые, их называли двойными людьми. Потому что у них было по две головы, по два тела и по четыре ноги.

Полинезийцы не знали, что такое одежда. Когда белые раздевались, островитянам казалось, что они отделяют от себя одно

тело. Снимут шляпу — а под ней еще голова! Снимут ботинки — еще ноги есть! Даже страшно...

Двойной человек принес на острова кашель, лихорадку и боли в животе. Смерть косила островитян.

— Прежде мы никогда не умирали от болезней, — сказал Теи Тетуа. — Люди делались совсем старыми, похожими на высохшие шкуры. Они могли лишь сидеть на одном месте, и приходилось их кормить. Молодые умирали, например, если упадут и шею сломают. Или в океане нападет акула, мурена. Или в битве голову разобьют палицей.

Впрочем, таоа умел лечить сильные ушибы. Таоа — по-нашему шаман или знахарь. Но способности таоа простирались гораздо шире знахарства. Он был отличным психологом и великолепным хирургом. Он умел завоевать полное доверие народа. Таоа исцелял раненых, ловко пуская в ход бесовские пляски и мимику, умел сделать операцию, не внося инфекции. А теперь малейшая царапина или ссадина гноится. Всюду проникают бактерии.

Ученые собрали замечательные инструменты таоа, искусно сделанные из кости, зуба, камня и дерева. Древние врачи пользовались шилом, буром, они даже изобрели особую пилу.

Словом, таоа — это врач. Теи Тетуа помнил таоа Теке. Он давно умер, но в Ханахепу на берегу стоит каменный идол, носящий его имя. По словам островитян, в этом истукане обитает душа умершего таоа.

Теи видел, как Теке вставил человеку, сломавшему ногу, искусственную кость из дерева. Больной поправился и мог ходить.

Но еще интереснее знаменитые операции на черепе. Один островитянин, живший в Уиа, упал и пробил себе голову. Его доставили к Теке. После пляски и заклинаний врач принялся за дело. Он промыл рану, удалил осколки кости и тщательно выровнял края отверстия, ни разу не задев мозга (если был поврежден мозг, кудесник не брался за лечение). Затем Теке вставил в отверстие гладко отполированный кусок ореховой скорлупы. В кости и в скорлупе он просверлил много дырочек и сшил все вместе ниткой из кокосового волокна. Рана зажила, и тот человек благополучно жил еще много лет.

Такая операция не была редкостью в то время. Мы, конечно, читали об этом, но совсем иное дело самому обнаружить неопровержимое свидетельство. В старом склепе мы увидели висящие

под сводом черепа, оплетенные кокосовым волокном; кругом на полу лежали другие, и на одном из них мы обнаружили шов — след операции!

Этот череп нам разрешили унести с собой.

— Цивилизация, — заявила однажды Лив, — странная причуда. Без нее отлично можно обойтись!

Мы лежали после обеда на травке, отдыхая. Ноги — в журчащем ручейке, голова — в тени пальмы, тело подставлено солнышку.

Гудели жучки, шумел прибой. Прямо в ручье, стоял, удовлетворенно хрюкая, поросенок, то и дело выбегала погреться на солнце ядовито-зеленая ящерица.

В долине тихо, мирно, мягко качаются зеленые кроны, Теи и Момо спят в своем доме.

— Нет, — возразил я, — все-таки у цивилизации много хороших сторон.

— Да, конечно, — ответила Лив, — но они всего-навсего призваны возместить ее же минусы. Скажи, например, кому здесь нужна музыка?

— Это верно, — согласился я, — ручей журчит, и птицы щебечут, и...

— Нет, я не про то, — перебила Лив, — не про звуки, а про то настроение, которое они создают. Здесь сама природа переполняет всю душу!

— Так-то оно так, но мы только рады были, когда попали на Хива-Оа, к врачу...

— Вот именно, — подхватила Лив, — а кто занес сюда болезни?

— Ладно, ладно, но ведь теперь поздно говорить об этом. Невозможно всех заставить расстаться с городами.

— Конечно, поздно... Я просто так...

Мы поднялись и стали купаться в ручье. Набрав воды в горсть, я напился; блестящие чистые капли падали с ладони вниз.

— Погляди-ка, Лив, — сказал я, — до чего вода красивая.

Лив рассмеялась.

— Сидя в ванне, ты об этом не задумывался! Все-таки портит нас цивилизация, вынуждает прятаться в скорлупу. Шум, гам, гонка — если все воспринимать, лопнешь от впечатлений!

— Ну и хватит об этом, — ответил я, стоя под струями маленького водопада, — зато сейчас нам хорошо!

Так проходили дни. Простая, счастливая жизнь, приволье... Мышцы постоянно в работе, душа открыта впечатлениям. Мы совершенно не были связаны с большим миром. Даже подумать о нем было как-то странно. Когда мы рассказывали Теи Тетуа про самолеты, то удивлялись не меньше его. Мир техники был чем-то огромным, даже страшным. Точно мы попали сюда с другой планеты.

Однажды, рубя дрова в лесу, я услышал лай; потом показалось несколько полинезийцев. Две семьи пришли из-за гор с запада. Неожиданно нагрянули в гости к Теи Тетуа. Старик был в восторге.

Их заманили сюда рассказы Тиоти, который распространил слух о том, что мы будто бы засыпали Теи Тетуа всевозможными подарками. Впрочем, мы быстро поладили, стали вместе охотиться, вместе ловить рыбу, деля добычу поровну.

Иногда океан бывал настолько спокоен, что мы купались и ловили спрутов. Островитяне ели их сырыми. Нарочно, чтобы подразнить нас, они жевали живых спрутов, которые обвивали их шеи длинными щупальцами! И они, видя ужас на наших лицах, хохотали до упаду.

Момо любила щекотать нежные пятки Лив. Стоило Лив чуть усмехнуться, как она покатывалась со смеху. У самой Момо кожа на пятках была толстая, и девочка безболезненно могла срезать ее целыми слоями. От такого зрелища Лив испуганно визжала — на радость и потеху островитянам.

Вечерами мы пели возле костра древние песни, которым нас обучил Теи Тетуа, слушали его рассказы.

Словом, в долине Уиа царила настоящая идиллия. Увы, недолго... Видя, что первые две семьи не возвращаются, за ними следом потянулись через горы и другие. Старику Теи приходилось трудно: гости особым прилежанием не отличались, а требовали от хозяина, чтобы он о них заботился. Они бессовестно посмеивались над глупым дедом, который из кожи вон лез, чтобы всех накормить.

И стало здесь так же шумно, как было в Омоа... Варили апельсиновое пиво, и даже малыши напивались допьяна. Момо тоже. Хуже всех вел себя метис по имени Наполеон. Выпив, он терял рассудок. Он уже забил до смерти двух жен, а теперь ухаживал за

вдовушкой Хакаева, которая перебралась в Уиа, похоронив мужа. Она заплатила отцу Викторину четыреста франков, чтобы тот своими молитвами открыл покойнику ворота в царство небесное, и была теперь свободна.

Ночью, когда мы спали, нашу хижину начали навещать воры. И нам уже не нравилось в долине Уиа. А тут еще случилось то, чего мы меньше всего ждали: новые пришельцы восстановили против нас Теи Тетуа. Вдруг он потребовал с нас деньги за пользование участком, за фрукты, за все, что мы получили и что он еще только собирался нам дать. Подарки его больше не устраивали — ему нужны только деньги!

Помню день, когда мы сидели на лесенке нашей хижины и внезапно заметили на горизонте дымок. Пароход! Первый с тех самых пор, как мы покинули Таити.

Прежде я не верил тому, что потерпевшие кораблекрушение, попав, подобно Робинзону Крузо, на тропический островок, ежедневно всматриваются в просторы океана, ожидая, когда же появится корабль-спаситель! И вот мы сами не можем оторвать глаз от дымка вдали. Появились мачты, труба, нос...

Приближается!

Наконец мы видим весь пароход. Идет к нам! На нем люди из нашего собственного мира. Стоят на палубе, любясь чудесным островком, живописной долиной среди могучих гор. Так же, как ими любовались мы, когда подходили к Таити.

Наверно, они видят в бинокль нашу лачугу. И, наверное, приняли ее за жилье островитян, потому что корабль прошел мимо, повернул в сторону Таити...

И мы опять одни — без друзей.

На следующий день один из полинезийцев собрался по делам через горы в Омоа. Мы попросили его захватить письмо. Он отказался. Предложили хорошее вознаграждение — не взял.

Как-то ночью Лив проснулась от болезненного укуса. Держась за ногу, она кричала, что в ее постели кишат какие-то твари. Я сразу понял, в чем дело: тварь была только одна — тысяченожка.

При свете луны мы долго ее искали между пальмовыми листьями, но чудовище исчезло.

Выдавили на ранку лимон: лимонный сок успокаивает боль и нейтрализует яд. На следующий день Лив жаловалась только на то, что

нога плохо сгибается. Как только вошло солнце, мы продолжили поиски и нашли в своем ложе желтую гадину. Немного позже я убил в хижине еще одну тысяченожку, а третья улизнула.

После этого терпение наше лопнуло, и мы уговорили одного островитянина провести нас через горы на западную сторону.

Как раз в это время в долине Уиа произошло великое событие: полудикая свинья родила шестерых близнецов — обаятельных крошек с длинными рыльцами, крохотными копытцами и жесткой щетиной. Один из них был рыжий с кокетливыми черными пятнышками и весело закрученным хвостиком. И Лив не устояла. Она усыновила поросеночка, дав ему имя Май-маи, что в переводе означает "поросюшечка".

Рано утром мы собрались в путь, Лив привела своего Май-маи на веревочке из луба борао. Решила везти любимчика в Норвегию.

— Ты с ума сошла, — ужаснулся я. — Пока мы доедем домой, он вырастет, разжиреет и будет пугать всех пассажиров.

Но Лив непоколебимо стояла на своем. Я попросил нашего проводника нести поросеночка, но он отказался наотрез. Придется тащить самому...

И вот мы шагаем вверх по долине. Май-маи визжит и брыкается как бешеный. Я нес его на руках, нес на спине, нес за пазухой — визжит да и только. А солнце жарит вовсю...

Наш проводник прибавил ходу и исчез впереди со своей ношей — пледом, фруктами, вареными клубнями таро. И когда мы подошли к горе, где тропа пропадала в высоченной траве, то совершенно растерялись. Надо было самим искать дорогу.

Долина кончилась, дальше предстояло взбираться вверх по раскаленному склону. Ни единого кустика, ни малейшей тени, ветра нет, солнце палит. В сухой траве теита не скроешься от беспощадных лучей. От дикого визга Май-маи нам казалось еще жарче. Я робко предложил отпустить поросеночка. Лив решительно воспротивилась этому.

— Бедняжка, — воскликнула она, — он же высохнет, как муха, на этих скалах!

И мы продолжали карабкаться все выше и выше. Тропа и раньше была неясной, а теперь она и вовсе стала исчезать. Какие-то неопределенные следы на песке... Потом пошли теснины и обрывы, и

мы окончательно запутались. Я внимательно присмотрелся к следам, по которым мы шли. Это были следы диких свиней. Заблудились...

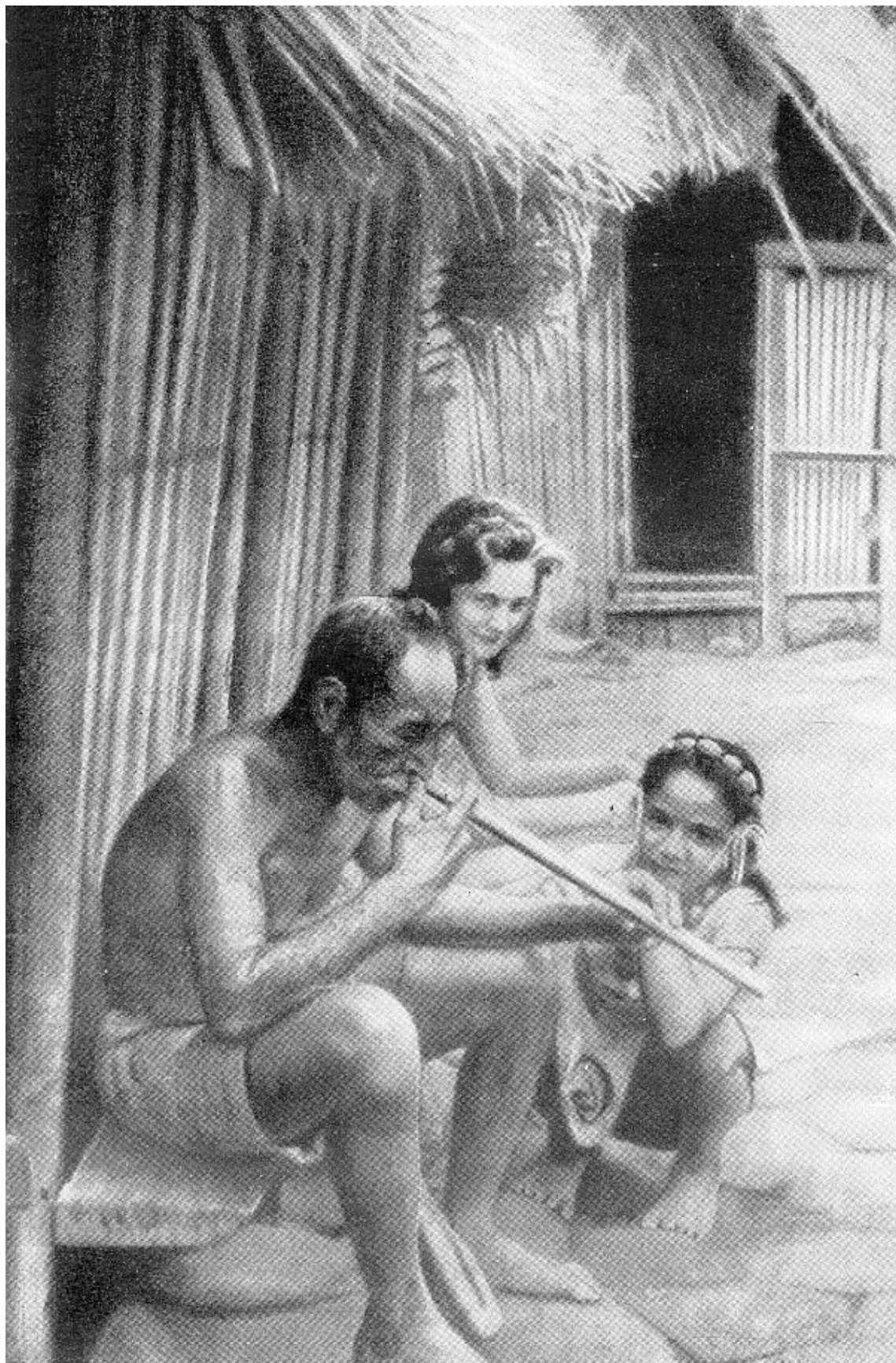
Идти сквозь заросли теиты не так-то просто, а возвращаться по своим следам и того хуже. Примятые ногами длинные острые листья наклонены навстречу идущему и режут икры, как нож.

Когда мы наконец выбрались на тропу, то были чуть живы. Жара, как в печи; ссадины и царапины горят, все поры закупорены потом и песком...

Распаренный неумолимым солнцем, Май-май не унимался ни на минуту. Злобный визг пронизывал нас до костей, и я едва удерживался от того, чтобы швырнуть поросенка вниз с обрыва.

Теи носом играет на бамбуковой флейте. Лив и Момо внимательно слушают необыкновенную мелодию

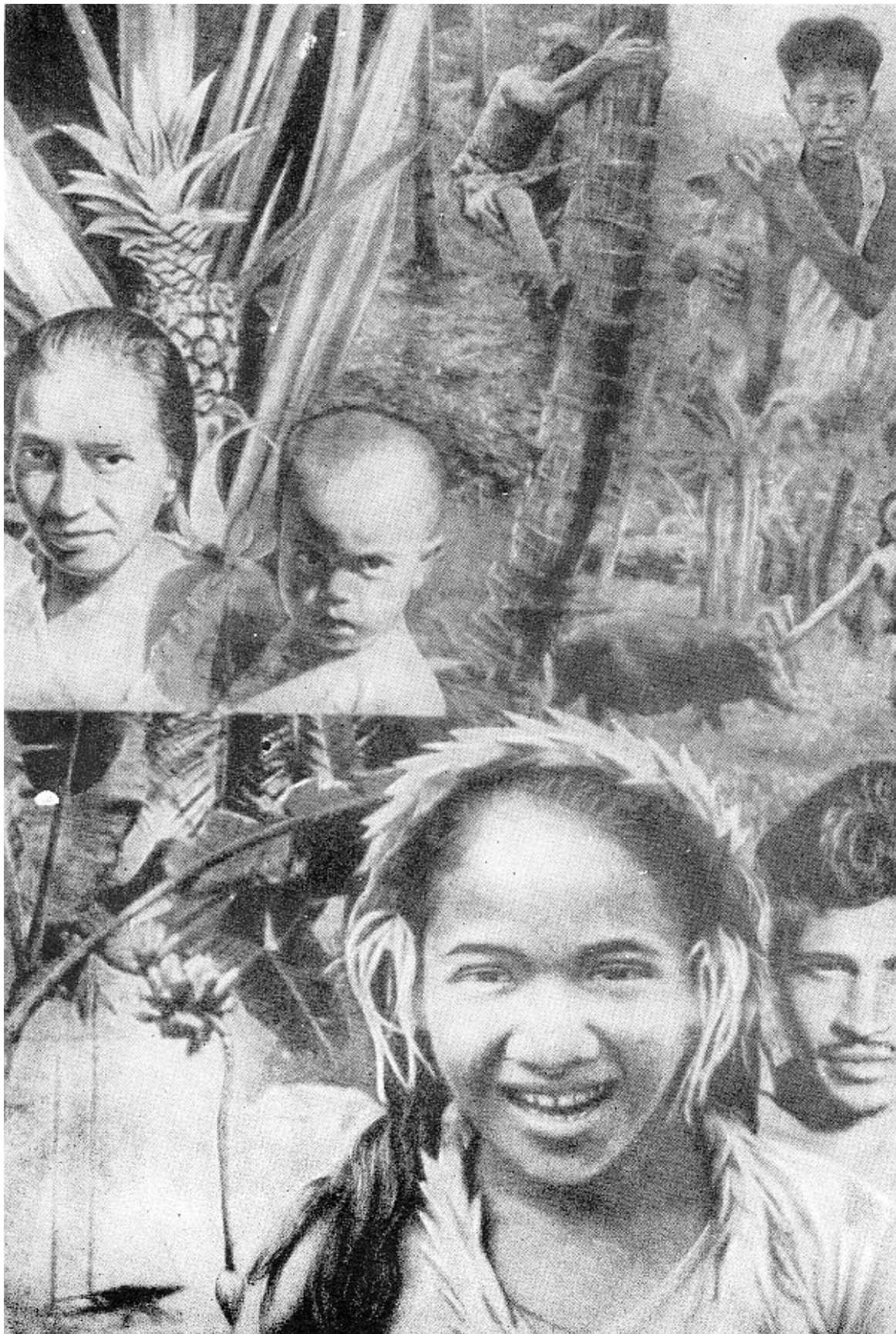

*У Теи Тетуа стало очень людно, когда из-за гор пришло сразу
несколько семей*

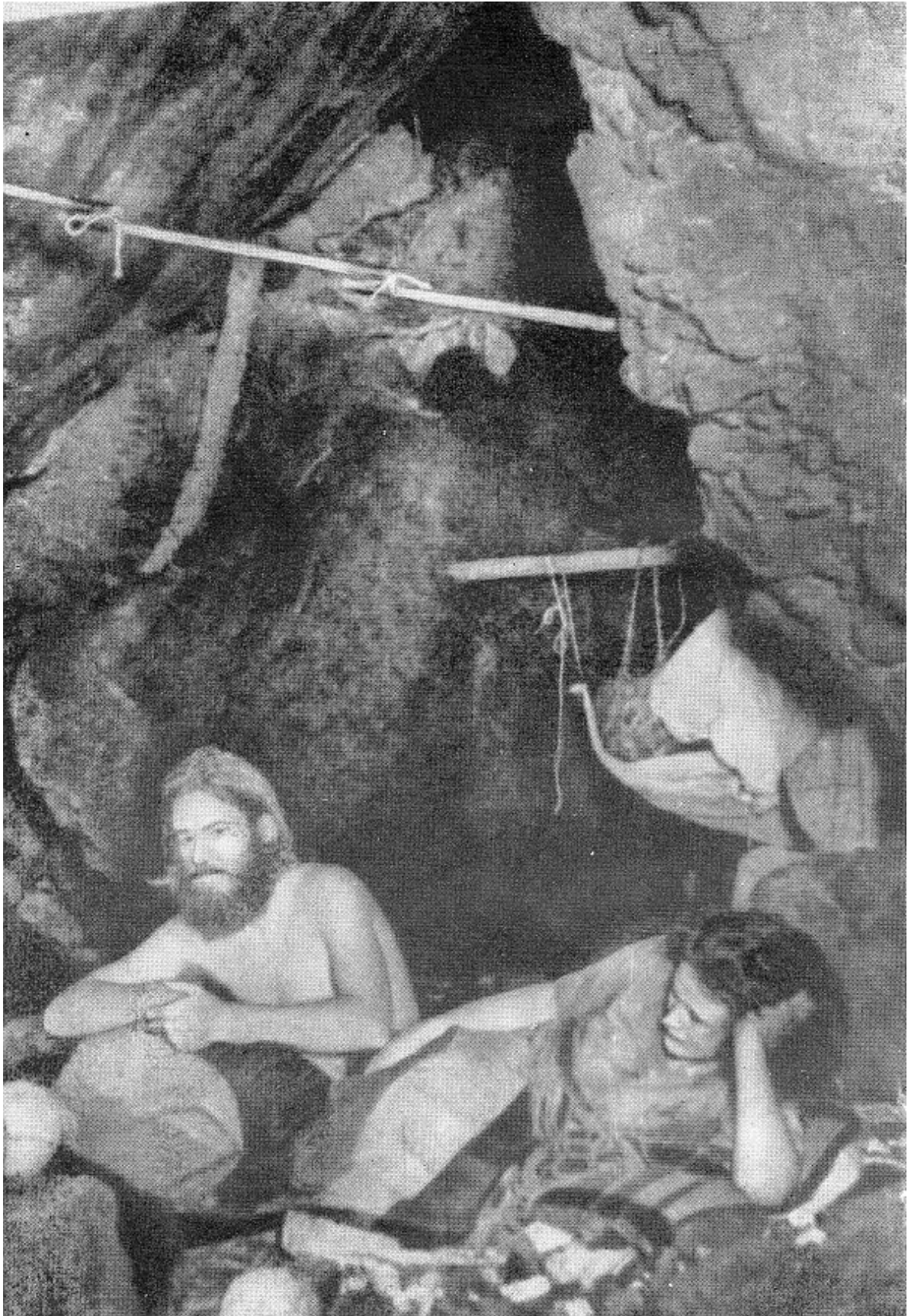

На переднем плане — Тахиа Момо, приемная дочь Теи Тетуа. Сзади — Хаиа с скорпионами. Слева женщина, которую муж хотел обменять на Лив. Вверху — Пахо с пойманным поросенком

*Ждем корабля... Последнее время мы жили в пещере вдали от
людей*

А до гребня идти еще столько же... Без отдыха не доберемся. Но разве отдохнешь на солнцепеке! Песок раскалился, наши шляпы, сплетенные из листьев пандануса, сильно нагрелись, легкие совершенно не получали свежего воздуха.

Надо лезть выше. Мы наметили себе место для отдыха там, где на склоне виднелось причудливое образование, которое запомнилось нам еще с прошлого раза. Казалось, два тролля стоят рядом на горе, глядя на долину. Под ногами у них проходит природный туннель — единственное на всем склоне место, где можно было найти хоть какую-то тень.

Мы поминутно посматривали на странные скалы. Под конец Лив совсем ослабла. Она спотыкалась на каждом шагу, обмахивалась шляпой, как веером. Ветерок пришелся по душе Май-май, он притих, но стоило Лив перестать обмахиваться, как поросенок опять поднимал страшный визг.

Какое мы испытали наслаждение, когда, поравнявшись с могучими троллями, нырнули в темный проход!.. Подъем еще не кончился, но тут хоть можно переждать до вечера — пусть даже носильщик исчез вместе с нашими запасами еды и кокосового молока.

Май-май довольно похрюкивал и вскоре уснул на руках у Лив. Мы лежали на спине, упиваясь прохладой... Хотя ветра в этот день совсем не было, в туннеле приятно сквозило. Далеко внизу простерлась залитая солнцем долина.

Прошло несколько часов, прежде чем мы собрались с силами, чтобы продолжить путь. Снова — вверх...

На спине у меня был рюкзак с фотоаппаратом и пленками. Туда же мы сунули теперь неугомонного крикуна — хоть руки свободны!

Май-май отчаянно визжал, но затем вдруг стих.

— Понравилось, — решил я.

Но когда молчание затянулось, мы испугались и заглянули в рюкзак. Ух ты, словно в духовке! Уж не изжарился ли поросеночек? Мы вытащили его и снова понесли на руках. Постепенно он опомнился и опять начал свой концерт. Но теперь мы уже знали средство заставить его замолчать. Только завизжит — мы его в рюкзак: полежи, пока уймешься. Притихнет — пожалуйста на волю.

Вот так мы мало-помалу достигли гребня. Наконец! Перед нами простерлось высокогорное плато. Жадно вдыхая свежий воздух, мы направились к ближайшему родничку.

Наступила ночь, но нам не хотелось спускаться в долину Омоа. Мы окончательно обиделись на островитян. В расщелине горы мы настелили ложе из больших листьев и легли спать прямо под звездами. Легли на тропе, на открытом месте и вокруг разложили костер, чтобы не лезли тысяченожки. Хорошо в горах!..

Вот только Май-май визжит, не давая уснуть. Впрочем, обнаружив, что это девица, мы перекрестили поросенка, назвав его Сиреной. Итак, я сунул Сирену в рюкзак, отошел подальше и привязал рюкзак к камню. Теперь визг до нас не доносился. И мы заснули...

Среди ночи нас разбудил какой-то топот. Костер погас, но мы разглядели на перевале силуэты двух диких коней. Они быстро приближались.

Я сел и издал страшный крик. Поздно — один конь не успел свернуть и, испуганный моим криком, прыгнул через нас. Второй в последний миг остановился и помчался в другую сторону.

Мы вскочили на ноги и разожгли костер.

— Сирена! — ахнула Лив.

— Вот именно, — подхватил я.

Да, вот именно! Конский топот разбудил поросеночка, Сирена взвыла и запрыгала рюкзаке — настоящее привидение! Представляю себе, как оторопели бедные кони...

Спустившись в долину Омоа, мы первым делом отдали Сирену. Пусть другие развлекаются!..

В Омоа все было по-прежнему: сыро, неуютно. Мы зашли к Вилли и забрали свое имущество, которое занес к нему наш проводник-невидимка. Заодно мы наскоро совершили сделку. Некогда Поль Гоген дружил с отцом Вилли, швейцарцем Греле, и часто гостил у него в доме. Перед смертью Гоген подарил Греле свое любимое ружье, приклад которого сам украсил резьбой. После смерти Греле ружье перешло к островитянину, а тот перепродал его китайцу. Никто не знал подлинной цены ружья, и китаец охотился с ним на диких коз, пока Вилли не прослышал о славе Гогена и о том, как важно все, что связано с именем художника. Вилли выменял ружье обратно и теперь собрался везти его на Таити.

Мы избавили Вилли от необходимости далеко ехать...

А когда мы простились с ним, к нам подошел островитянин, чтобы предложить еще одну сделку: я оставлю ему Лив, а он уступит мне свою жену и четверых детей в придачу!

Мы поспешили уехать из Омоа.

Знакомой тропой мы пробрались в Тахаоа, на берег с белыми камнями. Здесь мы провели оставшееся время в ожидании судна. Жили в пещере, это было надежное убежище от камнепадов с подступающих к самому берегу гор. Во время прилива волны лизали порог нашего жилья. Нередко среди камней извивались ядовитые мурены... Ели мы кокосовые орехи, папайю и то, что собирали на берегу.

Мы расчистили дно пещеры от гальки и лежали на мягком белом песочке. Белый гребень волны, играющие дельфины, птица на горизонте — буквально все настораживало нас: не корабль ли? Мы то и дело взбирались на большие утесы, глядя вдаль. Только бы не пропустить шхуну! На западе весь океан был открыт нашему взгляду, и днем она не могла пройти, не замеченная нами.

А когда солнце тонуло в фейерверке красок, мы шли домой — в пещеру, к костру — и кутались в пледы. Мы знали: если шхуна придет ночью, Тиоти нас известит. Он остался нашим верным другом.

Ровный гул прибоя убаюкивал нас, а на освещенный луной берег на поиски пищи выходили раки-отшельники.

Никогда мы не забудем того дня, когда на краю неба сверкнули белые паруса «Тереоры», идущей на Фату-Хиву.

И когда мы, лежа на палубе, в последний раз смотрели на остров, то были не менее счастливы, чем в день приезда!

До чего же остров красив... Дикая горы, солнечные берега. В точности такой же, как когда мы сюда приплыли.

Но теперь мы знали, что кроется за блестящей сенью листвы и заманчивыми кронами пальм. Мы изучили остров, живя в бамбуковой лачуге в лесу и в свайной хижине у Теи Тетуа. И мы знали, что над солнечными островками навис туман...

— Знаешь, Лив, — сказал я, — пустое это дело, искать рая...

Примечания

1

Вахина — женщина, жена.

Халлинг — норвежский народный танец. — Прим. перев.

У банана — ложный ствол. Банан—многолетняя трава с толстым корневищем, от которого отходят листья с влагалищем. Влагалища, облекая друг друга, образуют ложный ствол.

4

Тане — мужчина

Суперкарго — лицо, ведающее грузом на судне; обычно это второй помощник капитана.

6

Поль Гоген (1848–1903) — известный французский живописец.

7

Her.

8

Вот это здорово! (франц.).

Пошли.